

ДРАКУЛА

Вади́л
Эрли́хман

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Князь Влад III, правивший Валахией в XV веке, вошел в историю с прозвищами Дракула — не только «Сын дракона», но и «Сын дьявола», — и Цепеш, «Колосажатель». В современной массовой культуре его имя прочно связано с образом кровопийцы-вампира, в то время как в Румынии его прославляют как народного героя, борца за независимость страны. О Дракуле сохранилось много легенд и мало документальных свидетельств, позволяющих, однако, воссоздать биографию этого незаурядного правителя, жившего на сломе эпох, на рубеже противоборства сильнейших держав своего времени — Османской и Священной Римской империй, Венгрии, Польши. Историк Вадим Эрлихман в своей книге исследует не только жизнь реального Влада Дракулы, но и развитие «черной легенды» о нем от лубочных книжек эпохи Возрождения до новейших голливудских фильмов. Неизбежно затрагиваются и легенды о вампирах, хотя с ними Дракула оказался связан только в XIX столетии. Случайно или нет — непростой вопрос, который тоже рассматривается автором книги.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Вадим Эрлихман](#)
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)

- [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ, СВЯЗАННЫЕ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
  - [INFO](#)
  - [СЕРИЯ](#)
  - [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
    - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
  - [120](#)
  - [121](#)
  - [122](#)
  - [123](#)
  - [124](#)
  - [125](#)
  - [126](#)
  - [127](#)
  - [128](#)
  - [129](#)
  - [130](#)
  - [131](#)
  - [132](#)
  - [133](#)
  - [134](#)
  - [135](#)
  - [136](#)
  - [137](#)
  - [138](#)
  - [139](#)
  - [140](#)
  - [141](#)
  - [142](#)
  - [143](#)
  - [144](#)
  - [145](#)
  - [146](#)
  - [147](#)
  - [148](#)
  - [149](#)
  - [150](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1974

(1774)

Вадим Эрлихман

ДРАКУЛА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Эрлихман В. В., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стылой лондонской зимой 1890 года директору театра «Лицеум» Брэму Стокеру приснился кошмар. Во сне он очутился в темном мрачном подвале, перед открытым гробом, в котором лежал бледный как смерть старик с открытыми остекленевшими глазами. Внезапно мертвец начал подниматься, обнажив в усмешке зубы, неестественно белые и острые, и Стокер в страхе проснулся. Ругая себя — нечего было читать столько историй о привидениях, — он тщетно пытался заснуть: странный сон не отпускал его ни в этот день, ни в последующие. В городе еще не улеглись страхи, вызванные кровавыми делами Джека-потрошителя, и в буйном ирландском воображении Стокера сон упорно связывался с каким-то загадочным преступлением. В конце концов он по давней привычке уселся за письменный стол, чтобы выплеснуть тревожившие его фантазии на бумагу.

Старик в подвале был вампиром — Стокер знал это твердо. Он читал рассказы об этих бессмертных кровопийцах, в которых верили темные крестьяне Центральной Европы. Но что если их вера была истиной и современный мир, беспечно забывший о вампирах, подвергается страшной опасности? Вампир в викторианской Англии, среди не верящих в него мужчин и охотно поддающихся его губительным чарам женщин — эта тема давала невиданный простор воображению. Сначала Стокер назвал своего героя просто «граф Вампир», поселив его в Штирии — в этой австрийской области происходило действие модной «вампирской» повести Шеридана Ле Фаню «Кармила». Вскоре он перенес замок кровожадного графа в Трансильванию, в то время тоже австрийскую — само ее название («залесье») звучало загадочно и мрачно, к тому же в местных поверьях вампирам уделялось едва ли не главное место. А потом ему попалась книга по истории Румынии, где говорилось о чудовищно жестоком средневековом князе, пролившем реки крови. Его звали Дракула, что по-румынски значило «дьявол». Так герой будущего романа получил имя, ставшее впоследствии знаменитым. Литературная алхимия вновь показала свою таинственную силу: второстепенный романист и забытый исторический персонаж, вступив во взаимодействие, создали легенду, которая потрясла мир.

В романе граф Дракула говорит о себе и своих предках: «Мы, секлеры, по праву гордимся своим родом — в наших жилах течет кровь многих храбрых поколений, которые дрались за власть как львы... Кто отважнее

нас бросался в бой с численно превосходящим противником или по боевому зову быстрее собирался под знамена короля? Когда был искуплен наш великий позор, позор Косова, где знамена валахов и мадьяр склонились перед мусульманским полумесяцем, кто, как не один из моих предков — воевода — переправился через Дунай и разбил турок на их земле? Это был истинный Дракула!.. И опять же, когда после Мохач-ской битвы было сброшено венгерское иго, вожаками были мы — Дракулы, наш дух не мог смириться с несвободой»^[1]. На протяжении XX века это было всё, что читатели, не считая немногих ученых, могли узнать о реальном Дракуле. Только к концу столетия появились книги, рисующие подлинный портрет валашского князя — и он во многом, если не во всем, оказался непохож на героя романа. Он не был графом, не принадлежал к народности секлеров, не дожил до старости — погиб в 45 лет, а воеводой Валахии стал в 25, что отчасти объясняло его горячий нрав. А главное, не был вампиром: до Стокера его обвиняли во всех возможных преступлениях, но только не в питье человеческой крови.

Исторические документы и народная память сохранили и донесли до нас образ настоящего Дракулы, господаря Влада Цепеша — неукротимого властолюбца, твердого государственника, вся жизнь которого прошла в бесконечной и безжалостной борьбе с внешними и внутренними врагами. Эта борьба, где друзья в любую минуту могли оказаться противниками, а победа тут же оборачивалась поражением, приучила его к жестокости — и если оправдать его нельзя, то понять, наверное, можно. Труднее понять другое — почему именно Дракула, ничем особенным не выделявшийся среди правителей своего времени, на века стал воплощением злодея, дьявола в человеческом обличье, а потом и чудовища-вампира. Что это — фатальное невезение, «черный пиар» врагов или справедливое наказание для тирана, убившего, по мнению некоторых авторов, до ста тысяч невинных людей?

Ответить на этот вопрос необходимо, чтобы понять, как на протяжении не то что столетий, а нескольких лет герой может превратиться в злодея, а отважный рыцарь — в мерзкого кровососа. Дракула — самый яркий пример подобной метаморфозы, помогающий отделить подлинную историю от легенд, а заодно и от пропаганды, которая и в наши дни успешно острит колы против мнимых вампиров.

Глава первая

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

XV век, когда жил Влад Дракула, был временем перехода от средневековья к новому времени. От замкнутости — к бескрайней широте горизонтов, от нерассуждающей веры — к сомнению, от стремления к неизменности — к культуре прогресса. Такие перемены никогда не происходят безболезненно, и кровь в это столетие Возрождения лилась куда обильнее, чем в миновавшие «темные века». И в дальних странах, куда европейцы явились с крестом, мечом и неутолимой жадью золота. И в самой Европе, где короли и феодальные магнаты сражались за власть, попутно подавляя крестьянские восстания и истребляя еретиков. И на рубежах Азии, где молодая Османская (или Оттоманская) империя по очереди сокрушала слабые и разъединенные балканские государства, угрожая сделать то, что когда-то не удалось арабам — водрузить над Европой зеленое знамя ислама.

В течение предыдущего столетия потомки Османа Гази, хана маленького тюркского племени, сумели подчинить многие области Европы и Азии. В 1356 году они впервые переправились через Босфор в Европу, а в 1389-м разбили на Косовом поле сербское войско, что отдало в их руки большую часть Балкан. Продвижение турок за Дунай сдерживала сильная венгерская армия, и они занялись добиванием остатков Византийской империи, которая давно утратила как свое могущество, так и волю к выживанию. В 1453 году пал «второй Рим», Константинополь, что вызвало в христианском мире настоящую панику.

Турки, которых до этого на Западе считали отсталыми дикарями и не принимали всерьез, внезапно предстали сплоченной силой, которая обладала лучшей в Европе армией и мощным флотом. Их победы достигались благодаря строгой дисциплине и новым формам организации наподобие янычарского корпуса. Янычары, число которых в XV веке доходило до 50 тысяч, комплектовались из христианского населения — сербов, болгар, албанцев. Их отбирали у родителей вначале при набегах, потом — путем принудительного набора в покоренных областях империи. Мальчиков 12–15 лет содержали в закрытых лагерях, помимо воинских навыков прививая им фанатичную преданность султану и исламу. Слово «янычары» происходит от турецкого «йени чери» (новое войско), и оно

действительно было новым, свободным от родственных и вассальных связей. Именно благодаря янычарам — нерассуждающим, хорошо отлаженным орудиям войны, — Османская империя одержала большинство своих побед.

После завоевания Константинополя турки взяли под контроль весь Балканский полуостров до Дуная и хозяйничали на Средиземном море, непосредственно угрожая Вене, Неаполю и Риму. На Востоке они захватили один за другим тюркские эмираты Малой Азии, после чего обрушились на Иран и Закавказье. Рушились торговые империи венецианцев и генуэзцев, основанные на торговле с Левантом через Византию. В дерзких письмах европейским правителям турецкий султан требовал от них подчинения. Римский папа и германский император, еще недавно враждовавшие, увидели, что им грозит реальная опасность, и попытались объединить усилия в организации нового крестового похода.

Внезапно в центре международной политики оказалась прозябавшая прежде в неизвестности восточная окраина Европы, ставшая теперь барьером на пути победоносных турок. Польша, Венгрия, Сербия — во все эти страны устремились эмиссары папы, убеждавшие их правителей примкнуть к походу против «неверных». Не была исключением и Румыния, разделенная в ту эпоху (и позже, вплоть до XIX века) на три части. Северо-запад ее, называемый на латыни Трансильвания, по-венгерски Эрдей, а по-румынски Ардял, еще в X веке оказался присоединен к только что созданному Венгерскому королевству. Эту область еще называли «страной трех наций»: кроме венгров, здесь обосновались родственные им воинственные секлеры (секеи) и немецкие переселенцы, прозванные «саксами». Немцы были купцами, ремесленниками, строителями процветающих городов, от которых Трансильвания получила еще одно название — Семиградье (по-немецки *Siebenburgen*). Жили здесь и румыны — крестьяне и пастухи, подчиненные венгерским феодалам и богатым немецким патрициям.

Хребты Карпат и леса на их склонах отделяли Трансильванию от двух других частей будущей Румынии — Валахии и Молдовы. Первая находилась к северу от Дуная, на лесистых холмах, меж которых текли быстрые реки Арджеш, Олт и Жиу. Вторая раскинулась на плодородной равнине между Днестром (Нистру) и Сиретом. Валахия, а иногда и обе области вместе назывались Цара Ромыняска — «земля румын», то есть римлян. То же слово «римлянин» на старогерманском языке (*Walha*) дало название Валахии. Другого мнения был папа Пий II, писавший в своих «Комментариях»: «Когда римляне завоевали страну даков, здесь возникла

их колония во главе с неким Флакком, по имени которого страну называли Флаккия. По прошествии длительного времени, как часто бывает, имя изменилось, и страну стали называть Валахией, а ее жителей валахами. Люди там говорят на романском языке, но настолько измененном, что уроженцу Италии очень трудно их понять»^[2].

Местное население в самом деле вело происхождение от древних даков, родичей фракийцев, чье царство в 106 году н. э. было завоевано Римом. Вслед за римскими легионами сюда пришли новые завоеватели — гунны, авары, а затем славяне. Старославянский язык долгое время (до XVII столетия) был в румынских землях официальным, на нем написаны летописи и княжеские грамоты. В первые века самостоятельности славяне-болгары были правящей элитой, а румынами называли только крепостных крестьян. Еще в 1470 году жители одной из валашских областей обращались к господарю от имени «бояр, кнезов и румын».

Брэм Стокер в своем романе написал о Трансильвании то, что справедливо для всех румынских областей: «Несколько веков в этом краю шла борьба между валахами, саксонцами и турками. Каждая пядь земли полита здесь человеческой кровью». Писатель не упомянул венгров, подчинивших себе Румынию в XII веке. Тогда же страна подвергалась набегам печенегов и половцев, а позже на нее обрушились новые кочевники — татаро-монголы, жестоко разорившие ее. Нападения татар на равнинные области продолжались еще целое столетие. На опустевших землях поселились пришельцы с Востока — цыгане; в Румынии их и сегодня больше, чем в любой другой европейской стране. В предгорьях Карпат, где укрылось местное романизированное население, возникли мелкие княжества, объединившиеся вскоре в два крупных. Молдовой правил род Мушатов, Валахией — династия Басарабов, основанная неким Токомером. Это был то ли славянин Тихомир, то ли татарин Токтемир — сказать точнее нельзя, поскольку летописи в Валахии стали вестись только в XVI столетии. Его преемники носили славянские титулы «господарь» или «воевода» (по-румынски «водэ»).

Господари Валахии и Молдовы считались князьями, а не полноправными монархами, поскольку вынуждены были признавать вассальную зависимость от более сильных соседних государств — Болгарии, Венгрии, Польши. Да и правили они далеко не полновластно: их избирал и смещал Государственный совет (Сфатул Домнеск), состоящий из церковных иерархов и светской знати — боярства. Ученые спорят о том, кем были бояре: набравшими силу и богатство местными жителями или потомками завоевателей — славян или тюрок (само слово «боярин» имеет

болгарское происхождение). Скорее всего, правящий класс был, как и на Руси, интернациональным по своему составу. Уже в начале существования румынских княжеств бояре владели обширными землями и десятками деревень, жители которых несли тяжелые повинности. Главы боярских родов — «большие бояре» или «жупаны» — заседали в совете, были наместниками областей и городов. Но суть их могущества заключалась не в этом. В Румынии, в отличие от стран Западной Европы, не существовало принципа майората — любой сын правящего князя мог занять трон, обеспечив себе поддержку «больших бояр». Пользуясь этим, последние выторговывали для себя все новые уступки.

Неустойчивость княжеской власти приводила к постоянным переворотам; мало кто из валашских и молдавских господарей просидел на троне дольше нескольких лет, а многие ушли из жизни преждевременно и кроваво. Архиепископ Эстергома, хорват Антал Веранчич, в XVI веке писал о валахах: «Охваченные безумием, они убивают едва ли не всех своих правителей, открыто или тайно, и делят между собой их достояние. Великое чудо, если кто-либо из них сможет остаться у власти хотя бы три года или умереть своей смертью. Всего за два года они сменили двух или трех князей... Гордыня до такой степени обуревают их, что даже если бы их убивали всего через день после восхождения на трон, нашлась бы тысяча тех, кто захотел этого. А когда бы их всех убили, тысяча других бездумно заняла бы их место, чтобы променять долгую и счастливую жизнь на один день пребывания на троне — столь велико властолюбие, охватившее этот варварский народ»^[3]. Ему вторил другой венгерский архиепископ Миклош Олах, сам валах по происхождению: «У них законные и незаконные сыновья князей равно наследуют власть и идут на любые уловки, хитрости и преступления, чтобы ее захватить... Тот из них, кто одержит верх, питает сильнейшие подозрения ко всем прочим, не только приверженцам вражеской партии, но и своим ближайшим родственникам, которые могут претендовать на власть; поэтому он убивает их или держит в заточении, вырывая ноздри и отрубая различные члены»^[4].

Из-за княжеских междоусобиц дурная слава шла о всех валахах; далматинский гуманист Феликс Петанций называет их «грубым жестоким народом, приверженным пророчествам и суевериям, при первой возможности предающимся грабежам и насилиям». В наши дни румыны не любят употреблять слово «валах», да и в старину часто называли свою родину не Валахией, а Мунтенией («горной страной») — позже так стала именоваться только восточная часть Валахии в отличие от Олтении,

лежащей к западу от реки Олт. Дальше на западе находилась равнинная область Банат, тогда венгерская, а сейчас тоже входящая в состав Румынии, а на востоке — Добруджа, болотистый край рыбаков и охотников между Дунаем и Черным морем.

Тогда, как и сейчас, у румынских земель были две главные естественные границы: Карпатские горы и Дунай. Они же и главные кормильцы: на склонах Карпат паслись стада мелкого и крупного скота, в недрах добывали строительный камень, соль, металлы. Дунай и впадающие в него реки в избытке снабжали водой крестьянские поля и сады, а контроль за речным торговым путем давал местным правителям немало выгод. Так было до тех пор, пока на Дунае не утвердились турки — с тех пор связь с Европой осуществлялась только через карпатские перевалы.

Немалую часть Валахии занимали болота и леса, у которых люди с большим трудом отвоевывали землю для пахоты и жилья. До сих пор многие городские районы носят названия прежних лесов: Телеорман («сумасшедший лес») в Тырговиште, Ильфов («ольховый лес») в Бухаресте и так далее. Говорили, что из края в край страны можно пройти, не выходя из-под сени деревьев. В лесах водились стада оленей и кабанов, реки и озера были богаты рыбой. Князьям принадлежали все рыбные угодья на Дунае и горные шахты, где добывались соль, золото и медь. При этом три четверти доходов государство получало от налогов — каждый крестьянин платил князю десятину — и таможенных сборов.

Городов в стране было мало, не больше двух десятков. Обычно они возникали вокруг ярмарок, как Тырговиште и Тыргшор — оба этих названия означают «место торга». Немецкие и венгерские купцы охотно покупали местные товары — скот, кожи, шерсть, зерно и мед. Вдобавок через Валахию совершался транзит азиатских товаров, прежде всего пряностей и тканей, в Центральную Европу. Главные торговые пути шли через карпатские перевалы к Дунаю; один вел из трансильванского города Сибиу по долине Олта, другой — из Брашова по долине реки Дымбовицы. Город Тырговиште, расположенный на втором из этих путей, в конце XIV века стал новой столицей Валахии, сменив в этой роли Куртя-де-Арджеш и Кымпулунг. Города были невелики; даже в столице в ту эпоху проживало всего 15–20 тысяч человек (а все население Валахии едва ли превышало пол миллиона). Их жители занимались ремеслом, торговлей, обслуживанием князя и бояр. Каждым городом управлял совет во главе со старостой, который в Валахии назывался «жудец», а в Молдове — «войт». В центре Тырговиште располагались боярские и купеческие усадьбы, утопавшие в зелени садов и окруженные высокими заборами; по окраинам

лепились домики бедноты, мастерские гончаров, кожевников, ткачей.

Над одноэтажными домами возвышались православные церкви — не купольные, как на Руси, а шатровые. Христианство пришло в румынские земли из Византии еще в IV веке, когда в причерноморских Томах было основано первое епископство. Веру сюда принесли греки, и многие религиозные термины в румынском имеют греческие или латинские корни: Бог — «Думнезеу» (от *domine deus*), церковь — «бисерика» (от «базилики»), монах — «калугэр». После раскола церкви на западную и восточную румыны сохранили верность православию — и хранят ее до сих пор. После образования Валашского княжества местная церковь стала независимой от Константинополя; ей управлял митрополит Унговлахии, чья резиденция находилась в Куртя-де-Арджеш. Оплотами православия стали монастыри, возникавшие часто при поддержке господарей. В 1378 году воевода Раду I построил монастырь Тисмана для монахов, бежавших от притеснений католиков-венгров. В правление Мирчи Старого были основаны монастыри Козия, Котмяна, Нучет, Вишина, Дялу. При его наследниках появились Бистрица, Комана, Снагов. В Молдове одним из древнейших был монастырь Нямец, основанный в конце XIV века. При обителях действовали школы, мастерские ювелиров, резчиков по дереву, иконописцев.

Церковь играла важную роль и в политической жизни румынских княжеств. Епископы и настоятели монастырей заседали в Госсовете. Крупные обители получали от господарей в дар земли и богатства. За это монахи день и ночь клали поклоны, вымаливая власть имущим прощение за многочисленные грехи. Вдобавок в случае войны монастырские сокровища и запасы изымались для нужд обороны; фактически обители играли роль банков, которых в тогдашней Валахии, естественно, не было. В стране имелись и католические монастыри, включая францисканский в самом центре Тырговиште, но влияние их среди населения было невелико; католиков, да и всех иноземцев, румыны чуждались, ревностно держась за отеческую веру и обычаи. Мусульманам вообще запрещалось жить в стране, а человека, принявшего ислам, лишали имущества и изгоняли из семьи. С подозрением относились и к цыганам, которым отводилась роль бесправных рабов.

Большая часть населения Валахии обитала в деревнях, занимаясь земледелием, ремеслом, разведением коров, овец и лошадей. Весь XV век шло закрепощение князьями и боярами свободных прежде крестьян — таких зависимых людей называли по-славянски «земляне» («люди земли») или «суседи». Крестьянский быт был небогат — жили в глинобитных

домах, крытых соломой или дранкой, а иногда и в землянках. Часто в доме была всего одна общая комната с открытым очагом и подвешенным над ним котлом, где готовили обед на всю семью. Ели обычно кашу из просяной крупы и овощной суп (чорбу); любимая сегодня румынами кукурузная мамалыга появилась только после открытия Америки. По праздникам готовили голубцы в капустных или виноградных листьях (сармале), мясо на решетке (мич) и слоеные пироги (плэчинте). Праздники отмечали всем миром: среди деревни ставилась бочка с вином, тут же играл самодеятельный оркестр музыкантов-лэутаров и устраивались танцы — парный брыул или общая хора, то есть хоровод. «Где румыны — там танцы и песни», — писал венгерский композитор Бела Барток. Богатый местный фольклор соединил дакские, римские, славянские верования и традиции. Народная одежда румын тоже была соединением балканской и славянской моды. Мужчины носили белую холщовую рубаху, штаны, овчинную безрукавку и высокую смушковую шапку (кэчула). Женщины — вышитые рубахи, цветные юбки с фартуком и косынки. Обувью были сыромятные опинки; сапоги считались привилегией богачей.

Валашские правители носили ту же одежду, что их подданные, только пороскошнее — их рубахи расшивались золотой нитью и жемчугом, сверху надевали импортные плащи ярких расцветок, подбитые мехом. Позже в моду вошли узкие венгерские кафтаны, тоже расшитые золотом. Бояре надевали круглые шапки с меховой опушкой, а «большие бояре» — высокие «горлатные», такие же, как у их коллег на Руси. Знаками власти были княжеская корона и скипетр, украшенные драгоценными камнями. Иногда короны делали заново для вступившего на трон господаря, но чаще забирали у предшественника — порой вместе с головой...

*

После смерти Токомера воеводой Валахии стал его сын Басараб Великий (правил в 1310–1352 годах). От него валашская династия получила свое имя; он же дал название отвоеванной им у татар Бессарабии — восточной части Молдовы между Днестром (Нистру) и Прутом. В честь победы над язычниками на гербе Басараба появились три то ли убегающие, то ли пляшущие черные фигурки; позже их сменил золотой орел, держащий в клюве православный крест. На современном гербе Румынии он соседствует с молдавской головой быка, трансильванскими семью красными башнями и банатским золотым львом, а также с древними

символами даков — солнцем и месяцем. Воевода Басараб одержал и другую важную победу: в 1330 году наголову разбил в Арджеше войско венгерского короля Карла Роберта, собиравшегося захватить румынские земли и обратить тамошних «еретиков» в католическую веру. Валахи окружили захватчиков в горном ущелье и засыпали стрелами; сам король уцелел только благодаря тому, что поменялся доспехами с оруженосцем. После этого Басараб получил не только независимость, но и Олтению, которой прежде владели венгры.

Несмотря на поражение, венгерские монархи не оставили попыток подчинить соседнее государство. Ставший королем в 1342 году Людовик (Лайош) Великий потребовал от Басараба принести ему оммаж — вассальную клятву. Но старый воевода не признавал феодальных норм — он не только отказался от клятвы, но и перестал платить венграм дань. После смерти Басараба его сын Николае Александру занял трон без санкции из Буды, что король счел оскорблением. Еще больше его оскорбили события 1359 года, когда кнез Богдан прогнал назначенного венграми воеводу и основал к востоку от Карпат второе румынское княжество — Молдову. Однако Венгрии было не до соседей: со смертью бездетного Людовика в 1382 году закончилась Анжуйская династия и в стране началась междоусобица. Пять лет спустя королем стал зять покойного, двадцатилетний Сигизмунд Люксембургский, занявший позже трон Священной Римской империи. При нем центральная власть в Венгрии окрепла и снова начала угрожать самостоятельности румынских земель. Валашским князьям пришлось приносить королю оммаж за герцогства Амлаш и Фэгэраш, которые находились в Трансильвании, но были населены валахами.

У сына Николае Александру, воеводы Раду Негру (Черного), было два сына — Мирча и Дан, положившие начало двум враждующим ветвям династии Басарабов. Будучи старшим, Дан I взошел на престол, но просидел на нем всего три года: после его гибели в битве с болгарами господарем стал Мирча, правивший с 1386 по 1418 год и прозванный Старым скорее за мудрость, чем за возраст. Чтобы удержаться у власти, он признал себя вассалом Венгрии, а его соперники из рода Данешти тут же попросили помощи у турок, уже подступивших к Дунаю. Отныне всем правителям Валахии и Молдовы приходилось лавировать между двумя этими силами, одинаково опасными для румын. Турки угрожали обратить их в ислам или задушить поборами, превратив в угнетенное «стадо» (райя), как они называли подданных-христиан. Венгры грозили таким же угнетением плюс обращением в католичество. Вдобавок обе враждующие

стороны воевали друг с другом на валахской земле, принося ее жителям немало бед. В старинной балладе говорится: «Валахия разорена и разорвана на части, ее жителей загнали в горы жестокие турки и варвары-венгры. Они убивают старых и обращают в рабство юных, насилуют девушек и уводят юношей в свое войско, они так опустошили страну, что в ней некому пахать и сеять».

В этих условиях господарям румынских земель с большим трудом удавалось отстаивать независимость. Их опорой стали монастыри, игравшие роль не только центров духовности, но и крепостей. Другой опорой было народное ополчение, которое собиралось в случае войны. Если армии других европейских стран состояли из феодальных дружин, защищавших только своего господина, или наемников, сражавшихся за деньги, то в Румынии крестьяне и ремесленники шли на войну добровольно и воевали за свою землю и свои семьи. Поэтому им — необученным и плохо вооруженным, — не раз удавалось побеждать численно превосходящего врага. Но нередко они все же терпели поражение, и тогда страна вновь оказывалась в чужеземном рабстве, еще более тяжком, чем прежде. И иностранцы, и сами жители Цары Румынски не раз отмечали, что главная причина их бедствий — отсутствие единства, распри претендентов на трон, своеволие корыстных бояр.

Османы из-за Дуная все более алчно вглядывались в плодородные румынские земли. Защищаясь от них, валахские господа вступили в союз с Венгрией, молдавские — с Польшей. Лавируя между враждующими силами, Мирча Старый сумел сохранить самостоятельность страны. Несмотря на формальную зависимость от Венгрии, он в 1390 году заключил союз с польским королем Владиславом Ягелло, а заодно и с Молдовой, господарь которой Петру 1 был союзником Польши. В ответ Сигизмунд Люксембургский отправил против молдаван войско, но в феврале 1395 года оно было разбито и с позором отступило в Трансильванию. Господарям Молдовы и Валахии, прежде изолированных в своем прикарпатском углу, пришлось с ходу окунуться в водоворот европейской политики. Они узнали, что Польша, защищаясь от венгерской экспансии, сблизилась с Османской империей, а Венгрия, в свою очередь, пытается натравить на поляков могущественного врага — Тевтонский орден.

Не дожидаясь османского нападения, Мирча восстановил союз с венграми и ударил первым — захватил княжество Добруджа между Дунаем и Черным морем, на которое претендовали турки. К тому времени они заняли значительную часть Балкан и разбили на Косовом поле сербского

князя Лазаря. Вскоре после этого они завладели Болгарским царством и стали готовить экспедицию в соседнюю Валахию. Осенью 1394 года сорокатысячная османская армия перешла Дунай. Мирча, которому удалось собрать всего 10 тысяч воинов, отступал, тревожа неприятеля партизанскими атаками и заманивая его в леса и болота. В октябре в одном из таких болот османы во главе с султаном Баязидом I Молниеносным были разбиты и покинули страну, но следующей весной вернулись, чтобы 17 мая потерпеть очередное поражение. Румынская историография превратила два этих скромных по масштабам сражения в победу при Ровине (это слово означает «овраг» или «низина»). От рук валахов погибли в основном славяне, которых турки заставили воевать против единоверцев; среди них был и будущий герой сербского эпоса Марко Кралевич. Сами османы, сохранив силы, заняли почти всю Валахию и посадили на трон брата Мирчи Влада.

Бежавший из столицы Мирча Старый попросил помощи у венгров, которые поспешили защититься от нападения с юга. Пользуясь тем, что турки ушли за Дунай, венгерское войско весной 1396 года заняло Тырговиште и восстановило Мирчу на троне. Незадолго до этого Сигизмунд призвал всех христианских государей к крестовому походу против турок. Послушавшись императора и поддержавшего его папу Бонифация IX, множество рыцарей из разных стран, прежде всего Франции и Германии, направились в венгерскую столицу Буду, где к ним присоединилось войско Сигизмунда. Воины Мирчи также приняли участие в походе, который завершился у крепости Никополь на Дунае. Там крестоносцы 25 сентября 1396 года встретились с османской армией; недружные действия их разноязычных сил привели к полному разгрому. Почти все 10 тысяч «воинов Христа» погибли, турки перебили и всех пленных, кроме 300 знатных рыцарей, за которых надеялись получить выкуп. Сигизмунд и бургундский герцог Жан Бесстрашный едва успели бежать на лодках с горсткой рыцарей. Валахи тоже понесли немалые потери, хотя мудрый Мирча, наблюдая распри крестоносных командиров, заранее увел часть своих сил на родину.

После этого сражения Болгария окончательно попала под власть турок, а Валахию спасло от османского нашествия только то, что в 1402 году султан Баязид был разбит великим завоевателем Тимуром и закончил свои дни в плену, в железной клетке. И все-таки Мирче пришлось отдать туркам построенные им крепости на Дунае, а заодно и всю Добруджу. На пике своей власти он носил гордый титул — «князь двух Валахий, герцог Фэгэраша и Амлаша, бан Северина, деспот Добруджи, господин Силистрии

и всех городов и земель до Адрианополя». Теперь половина этих земель была захвачена турками или венграми.

Несмотря на утрату территорий, Валахия на рубеже XV века находилась на подъеме. Благодаря неустойчивому международному равновесию и мудрой политике Мирчи она на время установила хорошие отношения с соседями как на западе, так и на востоке. Как «мумтаз эялет», самоуправляющаяся провинция Османской империи, страна получила привилегии — например, ее торговцы могли торговать во всех подвластных туркам областях, уплатив небольшой налог «гюмрюк», составлявший два процента от прибыли (в Трансильвании они платили до 10 процентов). По договору Мирчи с султаном ни один турок не мог без разрешения господаря даже посещать Валахию и тем более селиться там. Все валахи, насильственно обращенные в ислам, могли по прибытии на родину вернуться к своей вере.

Конечно, турки не собирались долго терпеть подобное положение: их идеология предполагала исламизацию всех окружающих народов, и Валахию ждала та же участь. Но пока что она была нужна как буферная территория, через которую осуществлялись контакты с Европой. Ключевыми пунктами этих контактов были в то время крепость Килия в устье Дуная, за которую спорили валахи и молдаване, и расположенный к западу от нее, у слиянии двух рукавов реки, торговый порт Брэила. От этих портов и дунайских переправ торговые пути вели к карпатским перевалам, а оттуда в Брашов и Сибиу. Там валашские, турецкие и генуэзские купцы обменивали восточные шелка и пряности на шерсть, бархат и железные изделия с Запада.

*

Западная Европа, несмотря на наступление новой эпохи, встречала османское нашествие такой же разъединенной, как двумя веками раньше монгольское. Несколько столетий она переживала борьбу за власть между германским императором и римским папой, но к XV веку обе враждующие силы ослабели, теснимые новыми гегемонами — Францией, Англией, Испанией. Внутри Священной Римской империи, непрочного союза сотен светских и церковных владений, возникли новые центры притяжения — Австрия Габсбургов, Чехия Люксембургов, Бавария Виттельсбахов. Эти династии попеременно вырывали друг у друга власть в империи, используя ее в интересах своих княжеств. Золотая булла Карла IV Люксембургского

сделала императора зависимым от коллегии курфюрстов — семи крупнейших князей империи. В борьбе с могущественными феодалами императоры опирались на церковь, рыцарство и города, но все эти силы враждовали между собой. Городская буржуазия и гуманисты, питомцы Возрождения, выступали против духовного гнета церкви, накопления ею власти и богатств.

Семена будущей Реформации первыми взошли в Чехии (Богемии), где популярный в народе проповедник Ян Гус был сожжен по приказу императора Сигизмунда. Его последователи-гуситы в 1419 году изгнали из Праги имперских наместников и провозгласили новую власть — без короля, священников и монахов. Мирная прежде и после Чехия стала оплотом воинственных фанатиков, которые одну за другой отбивали атаки крестоносцев и сами нападали на соседей, сея смерть и разрушение. Только переход власти к главе умеренных гуситов Иржи из Подебрад, ставшему новым королем, позволил восстановить в Чехии власть императора. После смерти Сигизмунда трон перешел к Габсбургам, которые заботились прежде всего о расширении своих австрийских владений, схватившись сперва с Венгрией, а потом с турками. На севере ударной силой империи стал Тевтонский орден, с переменным успехом пытавшийся захватить и онемечить Польшу и Прибалтику. Разгром тевтонцев при Грюнвальде в 1410 году открыл эпоху польского могущества. В 1469 году Польша и Великое княжество Литовское объединились в Речь Посполитую — республику с выборным королем, подчинившую обширные территории на востоке Европы.

К западу от Германии быстро укреплялось Французское королевство, которое отобрало у империи Бургундию и претендовало на Италию. В 1303 году король Филипп IV Красивый силой сверг папу Бонифация VIII, преемник которого, француз Климент V, перенес папскую резиденцию в Авиньон. Только в 1378 году папы вернулись в Рим, но тут же начался Великий раскол — на престол святого Петра претендовали двое, трое, а то и четверо пап, поддерживаемых разными странами. Раскол был преодолен только в 1417 году на том же соборе в Констанце, где сожгли Яна Гуса; выбранный всеми партиями новый папа Мартин V вернулся в Рим, но волнения в церкви не утихали еще долго.

Ренессанс к тому времени изменил не только культуру, но и всю жизнь городов Северной Италии. Прежде бывшие республиками, они попали в руки богатых купцов или удачливых кондотьеров, искателей приключений. Новые хозяева жизни покровительствовали художникам и поэтам, но при этом постоянно враждовали между собой, устраняя политических врагов

при помощи яда и кинжала. В 1434 году власть во Флоренции захватили купцы из рода Медичи, сделавшие этот небольшой город столицей Возрождения. В центре Италии расширяли свои владения папы, а юг принадлежал Сицилийскому королевству, где правила испанская Арагонская династия. Север делили между собой Флоренция, Милан и десятки других мелких государств, среди которых два были известны не только Европе, но и всему миру. Венецианская и Генуэзская республики с XII века преуспели в заморской торговле. Финансируя крестоносцев, захвативших в 1204 году Константинополь, они получили множество владений в бывшей Византии. Генуэзцы были активнее в Греции и на Черном море (где подчинили себе побережье Крыма), зато венецианцы завладели Критом, Кипром и побережьем Адриатики. Между собой республики смертельно враждовали; когда Венеция вступила в противоборство с турками, Генуя всячески помогала последним и довольно скоро поплатилась за это.

Франция в XV веке почти не участвовала в европейской политике, непрерывно воюя с усилившейся Англией. Столетняя война шла с переменным успехом, но в 1415 году новая победа англичан при Азенкуре поставила Францию на грань гибели. Только отчаянные усилия народной героини Жанны д'Арк позволили королю Карлу VII переломить ситуацию и в итоге изгнать захватчиков. Возросшее за долгие годы войны своеволие феодалов поборол сын Карла Людовик XI, жестокими мерами восстановивший централизованное государство. В Англии маятник качнулся в другую сторону: после твердой власти династии Плантагенетов страна окунулась в хаос войны между Ланкастерами и Йорками, от которого ее только в конце столетия избавила новая династия Тюдоров. На юге между тем восходила звезда Испании, из которой объединившиеся королевства Кастилия и Арагон окончательно изгнали мавров. Сплоченные и фанатичные испанские идалго не только храбро сражались с мусульманами, но и начали покорение Нового Света вместе с португальцами — своими соседями и врагами.

Нужно сказать несколько слов и о том дальнем, мало кому известном уголке Европы, где веком позже возникло Московское царство. Почти весь XV век на Руси был посвящен сплочению государства и освобождению от ига Золотой Орды. Сын Дмитрия Донского Василий I подчинил многие княжества, но с Ордой справиться не смог: эмир Едигей сжег Москву и другие города, заставив Василия возобновить выплату дани. Пользуясь случаем, литовский великий князь Витовт захватил Вязьму и Смоленск; литовцы и союзные им поляки стояли у ворот русской столицы.

Следующий князь Василий II схватился за власть со своим дядей Юрием и его сыновьями, их кровавая «замытия» длилась 20 лет. Только в правление сына Василия Ивана III, прозванного Великим, Русь окрепла и возобновила борьбу с Ордой, которая к тому времени распалась на части. В 1480 году великий князь отказался платить ордынцам дань и переиграл их в «войне нервов» на реке Угре. Иван присоединил к Москве Новгород с его огромными владениями, Тверь, Ярославль, его воеводы дошли до Урала. В поисках союзников против Речи Посполитой он в 1483 году женил сына, тоже Ивана, на дочери молдавского господаря Стефана Елене, прозванной на Руси Волошанкой. Русь впервые завязала отношения с румынскими княжествами, которые в то время тоже напряженно искали союзников против турецкой угрозы.

*

После гибели Баязида в Османской империи началась борьба за власть, в которой Мирча поддержал одного из сыновей султана — Мусу, захватившего Румелию. Выдав за турецкого принца свою дочь, он послал ему в подмогу воинов и лучших боевых коней. Несмотря на это, Муса был разбит в сражении и задушен; править в Адрианополе, переименованном турками в Эдирне, стал его брат Мехмед I. В 1417 году валашский господарь был вынужден подписать с ним договор, обязавшись выплачивать туркам харадж — ежегодную дань в размере трех тысяч золотых дукатов.

Год спустя старого Мирчу схоронили в монастыре Козин на Олте. Кроме законного наследника Михая, уже давно бывшего соправителем отца, господарь оставил нескольких бастардов — среди них был и Влад, родившийся около 1395 года от венгерки Марии Толмаи. Занявший трон Михай попытался сбросить турецкое иго, но потерпел неудачу и погиб то ли от рук турок, то ли от кинжала убийцы. 27 июля 1420 года король Польши писал Сигизмунду Люксембургскому: «Турки, объятые яростью, бросили все свои силы на Валашскую землю и захватили ее, предавая всё огню и мечу. После бесчисленных и неопикуемых убийств и грабежей они полностью подчинили ее и заставили принести клятву верности, наложив на нее тяжкие подати и штрафы»^[5]. Особенно болезненной для Валахии стала утрата крепости Джурджу, ради постройки которой Мирча в свое время опустошил валашскую казну. От этой твердыни, возвышавшейся над Дунаем, турки могли всего за несколько дней дойти до Тырговиште.

Первое разорение Валахии османами сопровождалось и первым расколом правящей династии. После гибели Михая бояре из страха перед турками посадили на трон Дана II, сына покойного Дана I. Это положило начало долгой вражде потомков Дана, Данешти, с их родичами, получившими позже имя Дракулешти. Почти три века обе ветви династии боролись за трон, причем одна из них всегда опиралась на поддержку венгров, а другая — турок. Эту традицию начал Дан II, пообещавший не только исправно платить османам дань, но и помочь им в завоевании Венгрии. Тем временем младший бастард Мирчи Влад бежал в Трансильванию. Строя планы возвращения на трон, он вступил в союз как с венгерским наместником этой области Яношем Хуньяди, так и с молдавским господарем Александру Добрым, взяв в жены его племянницу — предположительно ее звали Василиса или Василика.

Но самым могущественным покровителем Влада стал император Сигизмунд — как уже говорилось, по совместительству король Венгрии. В 1408 году он основал для борьбы с турками элитный орден Дракона, в который входили всего 24 члена — большей частью короли и князья, в том числе воспетый Шекспиром король Англии Генрих V, король Неаполя Альфонс I и польский король Владислав Ягелло. Эмблемой ордена был золотой дракон, обвивающий хвостом свою шею, что символизировало победу над страстями. На спине дракон нес крест святого Георгия, знак борьбы за веру, с латинским девизом «*O quatin misericors est Deus!*» (О, как милостив Бог!). Часто утверждается, что в ордене могли состоять только католики, но это не так — одним из первых его членов был православный сербский деспот Стефан Лазаревич. «Драконисты», как называли орденских рыцарей, были тесно связаны не с папским Римом, а с императором Сигизмундом, которому приносили клятву верности. Они постились по четвергам, носили два плаща «драконьего» цвета — красного и зеленого, — а главное, обещали до конца жизни биться с «неверными». Вплоть до смерти Сигизмунда орден Дракона был самой влиятельной политической организацией не только в Германии, но и во всей Восточной Европе, сменив в этой роли Тевтонский орден, незадолго до того разбитый польско-литовской армией при Грюнвальде.

В феврале 1431 года в преддверии очередного крестового похода император решил расширить орден, торжественно приняв в него новых членов, в числе которых был и валахский принц. С тех пор Влад получил прозвище Дракул или Дракон (суффикс «ул» в румынском языке — признак именительного падежа). Дракона в Румынии уважали издавна; еще у древних даков главный бог изображался в виде дракона (или змея) с

волчьей головой. Правда, в средние века слово «дракон» под влиянием христианства приобрело еще и другое значение — «дьявол». Поэтому Влад, в отличие от своего сына, никогда не подписывал этим прозвищем документы, но втайне гордился им — как и тем, что его, первого из правителей румынских земель, на равных приняли в круг европейских монархов.

Похоже, Влад и до этого выполнял ответственные задания Сигизмунда, как это было в 1423 году в Константинополе. Греческий историк Михаил Дука пишет: «В те дни в столице появился один из многих незаконных сыновей Мирчи, воеводы валахов. Он был допущен во дворец императора Иоанна, где свел знакомство с молодыми людьми, опытными как в воинских делах, так и в политике. Тогда там было много валахов, которые помогли ему в его деле»^[6]. Делом Влада было сопровождать императора Иоанна VIII Палеолога в Милан на встречу с Сигизмундом. Во время этого путешествия валахский принц всячески пытался сдружиться с императором и убедить его согласиться на унию греческой церкви с Римом — таково было условие помощи византийцам в борьбе против турок, которое выдвигали папа и император. В тот раз согласие так и не было достигнуто; унию заключили позже, в 1439 году, но она уже не смогла помешать падению Византии. А Влад вернулся из Константинополя в Нюрнберг ко двору Сигизмунда, откуда вскоре опять перебрался в Трансильванию. Возможно, он по заданию императора собирал здесь силы для нового крестового похода против чешских гуситов, с которыми Сигизмунд воевал куда активнее, чем с турками, но так же безуспешно.

Наградой за усердие для Влада стало принятие его в орден Дракона на торжественной церемонии, состоявшейся 8 февраля в Нюрнберге в присутствии едва ли не всей немецкой и венгерской знати. Известно, что новоявленный «драконист» принес вассальную присягу императору в качестве будущего князя Валахии, а также согласился принять в ближайшем будущем католическую веру и разрешить ее свободное распространение в своих владениях. В честь вступления в орден новых членов в городе были устроены танцы, фейерверк и представления уличных актеров. Вечером у ворот Тиргартен состоялся рыцарский турнир; в нем участвовали самые опытные бойцы империи вместе с членами ордена, среди которых был и Влад.

Стоит отметить, что переломное XV столетие было и последним веком рыцарства. На полях сражений Столетней войны еще разили друг друга закованные в железо всадники, но пушки и аркебузы уже пробивали брешь в рыцарских рядах, делая всю романтику Круглого стола ненужной и

бессмысленной. В следующем веке турниры окончательно сделались игрой, но в эпоху Дракулы к ним еще относились серьезно. Мирча Старый на одной из монастырских фресок изображен в рыцарских латах, и его сын тоже охотно выходил на турнирное поле со щитом, на котором красовался золотой валашский орел. Свою роль здесь играло и то, что юность Влад провел в Буде и Нюрнберге, где привык к обычаям Запада и говорил на нескольких европейских языках лучше, чем на родном румынском.

Одним словом, статный черноусый принц принял участие в турнире и проявил там изрядную доблесть. Когда он сбросил с коня очередного противника, неизвестная дама с императорской трибуны бросила к ногам его коня драгоценный приз — золотое колечко с камнем. Принц хранил эту награду всю жизнь, а пять веков спустя она неожиданным и трагичным образом напомнила о судьбе его сына.

Этот сын, названный именем отца, появился на свет вскоре после принятия Влада в орден Дракона, в ноябре 1431 года. Знаменательное событие случилось в трансильванском городе Сигишоара (Шессбург), в трехэтажном готическом доме, который сохранился до сих пор. В 1976 году к 500-летию смерти Дракулы дом отреставрировали и украсили мемориальной доской; при этом в комнате на втором этаже под слоем штукатурки обнаружили остатки росписи, изображающей черноусого мужчину и женщину в нарядной одежде — возможно, это изображение Влада и Василисы. Мужчина одет в нарядный кафтан и нечто вроде тюрбана, в одной руке он держит скипетр, в другой — золотую чашу, которую протягивает женщине. Эта комната больше других: видимо, там Дракул принимал сторонников и уважаемых гостей, в то время как его слуги и воины жили на первом этаже. Третий отводился под спальни родителей и детей; там же жили няньки маленького Владуца. Дом стоит на узкой Кузнечной улице, мощенной булыжником и ведущей к старой крепости, которая и сегодня возвышается над городом.

Влад готовился к борьбе за престол, на котором Данешти так и не смогли утвердиться. Дан II не на жизнь, а на смерть схватился с сыном Мирчи Раду, получившим болгарское прозвище «Праснаглава» — «пустая голова», что могло означать просто «лысый». Каждые несколько месяцев претенденты свергали друг друга при помощи турок или венгров, прилежно грабивших валашские города и села. В 1427 году Раду доказал свою «пустоголовость», попав в засаду у самых стен столицы, и был убит вместе с двумя сыновьями, уступив место сопернику. Осмелевший Дан весной 1431 года объявил войну Османской империи, но очень скоро был разбит и погиб в сражении.

Влад счел это удобным моментом, чтобы вернуться на родину с небольшим воинским отрядом. Между тем на трон в Тырговиште сел еще один бастард Мирчи Александру Алдя, до этого живший в Молдове. Молдавский господарь Александру Добрый дал ему в помощь целое войско, с которым сторонники Влада не решились вступить в бой. Сигизмунд, обещавший ему помощь, был скован борьбой с гуситами на западе и Польшей на востоке. Не получив от него поддержки, Дракул был вынужден покинуть родину и обосноваться в Шессбурге, где вскоре родился его второй сын (первому, Мирче, было к тому времени два или три года).

*

Трансильвания тесно связана с судьбой обоих Владов, отца и сына, поэтому о ней стоит рассказать подробнее. Это обширное плоскогорье, огражденное хребтами Карпат, в древности было центром государства даков, здесь находились их столица Сармизегетуза и главные святилища. После кровавого римского завоевания область почти обезлюдела и последовательно становилась добычей различных кочевых племен. В X веке ее завоевали венгры, включившие ее в состав своего королевства. В середине XII века король Геза II решил заселить все еще полупустые трансильванские земли немецкими колонистами — немцы, опытные рудокопы, должны были развивать здесь горное дело и ремесло, а заодно охранять карпатские перевалы от угрожавших Венгрии с востока куманов (половцев). Для той же цели на северных рубежах области были поселены воинственные секлеры, смесь венгров и тюркских кочевников. Немцы, прозванные саксами (хотя большая их часть происходила из Рейнской области), основали в Трансильвании семь укрепленных городов — Бистриц (ныне Бистрица), Германштадт или по-венгерски Надьсебен (Сибиу), Клаузенбург или Колошвар (Клуж), Кронштадт (Брашов), Медиаш, Мюльбах (Себеш) и Шессбург или Шегешвар (Сигишоара). Их население в XIV веке составляло от 10 до 40 тысяч в каждом, а всего Трансильванию населяло примерно 600 тысяч человек.

Саксонские города, особенно Брашов и Сибиу (будем для удобства называть их так), занимали удобное положение, стоя на торговом пути, ведущем через Карпаты с Востока на Запад. Точнее на двух путях: один из них вел через Бистрицу в порты Ганзейского союза, второй — через горные проходы, защищенные замками Бран и Турну-Рошу (Красная крепость), в

города Валахии, а оттуда в Константинополь и дальше в Левант. В XIV веке Брашов и Сибиу получили от венгерского короля право «хранения товаров» (*Stapelrecht*), заставлявшее всех проезжавших через их города иноземцев продавать свои товары в первую очередь местным купцам. В свою очередь, князь Валахии в 1358 году предоставил жителям Брашова право без всяких препятствий не только торговать их товарами на территории княжества, но и провозить их в соседние страны. Из Трансильвании и через нее в Валахию, Молдову, Болгарию поступали оружие, железные изделия, ткани. Важным предметом экспорта были деньги — из серебра карпатских рудников отливались как местные, так и венгерские монеты. В Валахии то и другое перечекаивали в серебряные аспры и баны.

Во время нашествия на Венгрию в 1241 году татаро-монголы опустошили попутно Трансильванию, которую позже разорил еще и знаменитый темник Ногай. После этого власть местных феодалов ослабла, и областью стал управлять назначаемый венгерским королем воевода. В управлении участвовало и общее собрание, в которое входили представители четырех этнических групп: венгров, саксов, секеев и румын. Хотя румыны составляли больше половины населения области, Турданский указ короля Людовика I в 1366 году отлучил их от дел управления как «еретиков». Началось интенсивное закрепощение свободных прежде крестьян — румын и венгров, что вызвало массовое недовольство. В 1437 году крестьяне и горожане Трансильвании во главе с Анталом Надем подняли восстание, требуя вернуть им землю и права. Жестоко подавив беспорядки, венгерские дворяне, секеи и патриции немецких городов объединились в «Союз трех наций», с тех пор управлявший областью. Хотя румыны были там самой угнетаемой частью населения после цыган, их знать чувствовала себя вполне комфортно. Многие дворяне, уступив давлению, приняли католичество и влились в венгерскую правящую верхушку; к ним принадлежали роды Драгфи, Добози, Билкеи и, конечно, Хуньяди, чей предок Вайк (Войку) в 1409 году получил в управление замок Хуньяд — ныне румынский город Хунедоара.

После османского завоевания Венгрии Трансильвания стала автономным княжеством, в 1711 году вошла в состав Австрийской империи, а после ее распада в 1918 году стала частью Румынии. Тогда-то румыны и взяли реванш у прежних угнетателей: венгров неуклонно ограничивали в правах и пытались румынизировать, а немцев после Второй мировой войны вообще изгнали почти поголовно. При этом готические города Семиградья отлично сохранились и сегодня вместе с карпатскими курортами привлекают множество туристов. Главной приманкой для них,

главной местной достопримечательностью стал, по иронии судьбы, не грозный Янош Хуньяди, не отважные воеводы Стефан Баторий и Ференц Ракоци, а Дракула, принесший трансильванцам немало бед. А вот его отец и правда любил эти края и, если бы не мечта о валашском троне, вполне мог бы остаться здесь. Или отправиться дальше на запад: с его авантюризмом и тягой к опасным приключениям он неплохо бы устроился при любом европейском дворе.

Пока что его домом стал маленький Шессбург, где жило в то время около двух тысяч человек, по преимуществу немцев. Большинство жителей были ремесленниками и торговцами, поскольку город стоял на торговом пути из области секлеров в плодородную долину Муреша. В то время в городе распространялось просвещение, сыновья многих горожан уезжали учиться в университеты Вены и Кракова, чтобы по возвращении занять должности в городском совете или в суде (штуле), состоявшем из 16 членов. Подчиняясь венгерскому королю, каждый саксонский город пользовался автономией и был независим от других, хотя после набега турок в 1385 году появились зачатки объединения — десяток деревень и два города (Брашов и Бистрица) создали союз под названием «Universitas Saxoniæ», совет которого собирался каждый год 25 ноября. В его обязанности входили ежегодная уплата налогов королю и церкви, выделение определенного количества воинов для королевской армии (обычно заменяемого денежным откупом) и решение других важных дел, включая отношения с соседней Валахией.

В Трансильвании Влад Дракул выполнял ответственное поручение ордена Дракона — охранял проходы в горах от турок. Это стало необходимым после 1395 года, когда воины султана впервые проникли за Карпаты. В 1420 году они совершили новый, еще более опустошительный набег, осадив Сибиу и разграбив деревни вокруг него. Особенно болезненным для трансильванцев, как и для всех соседних с турками народов, был поголовный увод в рабство всех, кого захватчикам удавалось схватить (не считая стариков, которых просто убивали). Девушки и женщины покрасивее пополняли османские гаремы, прочих ждал тяжелый труд и никто не имел шансов вновь увидеть родину и близких — кроме разве что знатных пленников, имевших шансы освободиться за большой выкуп. В 1421 году турки повторили набег, осадив на этот раз Брашов и разорив окрестную область Бурценланд (Цара Бырсей), где жили в основном немцы. Сам город был взят и сожжен, и гарнизон едва сумел удержать крепость, где укрылись большинство жителей.

Против турок не могли устоять ни местные ополченцы, ни

легковооруженные секлеры, прежде охранявшие границу. Их и должен был заменить отряд воеводы Влада — несколько сотен всадников, закованных в латы и вооруженных мечами и длинными копьями. С апреля по октябрь, когда карпатские перевалы были свободны от снега, они регулярно патрулировали все три маршрута, по которым можно было попасть в Трансильванию — проход у замка Бран (Дитрихштейн) и узкие тропки вдоль рек Прахова и Теляжен. Для вооружения отряда император передал Владу доходы от шессбургского монетного двора, который находился прямо в доме принца на Кузнечной улице. Остатки прессы для чеканки монет сохранились там до сих пор; вероятно, Влад тратил деньги не только на охрану границы, но и на подкуп новых сторонников в родных краях.

*

Обстановка вокруг Валахии между тем накалялась. Новый господарь Александру Алдя при поддержке императора Сигизмунда и своего молдавского тезки Александру Доброго решил бросить вызов туркам. Их реакция была мгновенной: османские войска пересекли Дунай и разорили Валахию до самой столицы, захватив тысячи пленных. Алдя с повинной головой поспешил в Эдирне с данью и заложниками — тридцатью сыновьями знатных бояр. Ему пришлось также пообещать то, чего турки требовали от каждого валашского правителя: пропустить их к Карпатам и лично принять участие в набеге на Трансильванию. В обмен на это султан Мурад II вернул господарю три тысячи пленных и, как говорилось в турецких хрониках, «свою благожелательность».

Алдя — как опять-таки каждый валашский правитель — оказался между двух огней. Пытаясь заранее оправдаться, он в июне 1432 года отправил письмо патрициям Брашова, с которыми совсем недавно заключил союз: «Вы сочли, что мы забыли об обещаниях королю и подчинились туркам. Это не так: на самом деле мы честно и преданно служим королю и его святой короне, моля Бога о том, чтобы он посетил нас и был встречен с почестями. Тот, кто клеветает на нас — пусть псы осквернят его мать и жену! Я против своей воли отправился к туркам, чтобы вернуть мир в мою страну, и я добыл мир и вернул три тысячи пленников. Вы же говорите, что я вознамерился вместе с турками разграбить владения короля. Господь Бог не позволит мне разграбить вашу страну, и я буду всю свою жизнь, как и обещал, служить Королю и всем христианам»^[7].

В письме Адля предупредил брашовян, что пойдет в поход на них вместе с турецкой армией, но как только навстречу им выйдет войско императора, он перейдет от турок к христианам: «Я часто видел обман с их стороны и теперь хочу отплатить им тем же. И клянусь Богом, что никого из них не оставлю в живых». Не слишком доверяя ему, саксы передали новость о нашествии турок Сигизмунду, и он срочно послал на защиту границы войска Тевтонского ордена, которые присоединились к рыцарям Влада Дракула. Адля в своем письме утверждал, что силы турок насчитывают 74 тысячи, но на деле их оказалось гораздо меньше, к тому же часть их была направлена на завоевание Молдовы. Распыление сил оказалось пагубным: в Молдове турок разбили, а в Трансильванию они просто не сунулись, опасаясь отпора. Но для Влада сговор Адди с турками стал хорошим поводом, чтобы снова предъявить претензии на трон. В письме городскому совету трансильванского Брашова он писал: «Вам известно, что Адля открыто передался туркам и теперь угрожает вам турецким войском, которое уже нападало на вас. Поэтому прошу вас, мои друзья, дать мне сто аркебуз со всем необходимым для них, и луки со

стрелами, и щиты, а также людей в помощь, чтобы я изгнал его из страны, и вы могли жить в мире»^[8].

Но осторожные брашовяне не откликнулись на эту просьбу, и Влад продолжал оставаться в изгнании. Семья его тем временем росла. Старшему сыну Мирче к моменту рождения Влада-младшего было года три или четыре; младший, Раду, появился на свет четыре года спустя, в 1435 году. Кроме того, еще до женитьбы на молдавской княжне у Влада от его возлюбленной Кэлцуны родился сын, тоже Влад (похоже, с фантазией у Дракула дело обстояло плохо), с ранней юности отданный в монастырь и оттого прозванный Калугэрул, то есть «Монах». Еще была дочка по имени Александра, а возможно, и другие дети, законные и незаконные — валашские господа никогда не отличались строгостью нравов.

Почему-то из всех отпрысков принца только Влад-младший стал называться по отцу — Дракула (*Draculea*), то есть «сын Дракона» или, более фамильярно, «дракончик». Это могло означать и «сын дьявола», но принц не стыдился прозвища и, в отличие от отца, охотно подписывался им. В этой привычке соединилось многое: гордость полноправного наследника валашских князей, пренебрежение общими условностями и суевериями, отождествление себя с могучим и хищным зверем. Было и еще одно: память об ордене Дракона, желание восстановить его или даже возглавить, повести христианские армии против турок. Принимая прозвище Дракулы, Влад, сын Влада, явно лелеял великие планы и не особенно волновался из-за того, что какие-то там темные крестьяне набожно крестятся при упоминании «дьяволова сына».

Современные румынские ученые избегают называть господаря Дракулой — в том числе из-за сомнительной славы его тезки-вампира, — предпочитая не менее зловещий эпитет Цепеш (Țepeș). «Цепэ» по-румынски «кол», Цепеш, соответственно — «колосажатель». Похоже, это прозвище — калька с турецкого К. азыклу-бей, «князь, сажающий на кол», как называли господаря его враги-османы. В Валахии это прозвище впервые зафиксировано только в 1508 году — при жизни Влада оно не употреблялось, считаясь оскорбительным. Сам он подписывался под письмами и указами (их сохранилось больше трех десятков) как «Ио Влад» или «Влад Драгулеа» на церковнославянском и *Wladislaus Drakwlya* на латыни. Частица «Ио» входила в титул всех валашских князей и была сокращением от имени Иоанн — «данный Богом».

Прозвище господаря в разноязычных письменных источниках имеет много вариантов: *Draculia*, *Dracuglia*, *Draculios*, *Draculie*, *Dracole*, *Trade*, — но сам Влад использовал только формы «Дракулеа» или «Драгулеа».

Второй вариант напоминает слово «Дрэгуля», что значит «дорогой», «любимый» и близко к славянскому «дорогуша». Быть может, Влад хотел, чтобы подданные звали его именно так, но эти мечты не сбылись. Однако есть сведения, что после его правления «драгулитами» какое-то время называли всех валахов. Об этом в 1549 году писал уже упомянутый архиепископ Веранчич: «В нашем столетии даков именуют иначе, поскольку почти весь западный мир называет молдаван данами, а валахов драгулями, хотя сами они не используют этих имен, называя себя румынами. Имена эти неведомы и их соседям и их употребляют только образованные люди. Считается, что они идут от турок и происходят от князей этих народов, которые преуспели в управлении своими странами и прославились за их пределами. Так слава всех их предков перешла на них, и их имена стали известны всюду. Турки первыми стали называть их «драгули» в память о храбром князе Драгуле, потом это имя распространилось в Италии и у других народов... Имя Драгуля происходит от Драго, что означает «возлюбленный» или *charulus* на латыни»^[9].

Опираясь на подобные факты, румынские историки считают исконной именно эту форму прозвища: «На самом деле оно происходит от «Драгул — Дрэгуля» (по-румынски — «дорогой»), что саксы воспроизвели как «Дракул — Дракула» (по-румынски — «черт»). Этому способствовало и то, что отец Дрэгули (настоящая фамилия Влада) удостоился в свое время так называемого ордена Дракона. Поэтому обвинить его сына в связях с дьяволом или драконом не представляло для его противников особой трудности. Если среди иностранцев он был известен под прозвищем Дракула, то на официальных документах господарь никак не мог подписываться «Дрэкуля», что могло означать «чертов сын»... Влад был необычной личностью, чье бессмертие обеспечили современные ему рассказы и портреты, а также воображение потомков»^[10].

Бесспорно, Дракула в самом деле заслужил бессмертие — но, вопреки утверждениям его ученых земляков, не своими трудами на благо отечества, а совсем другими деяниями, снискавшими ему страшную славу во всей Европе, а потом и за ее пределами. Причинами этого не были ни душевное расстройство, ни тем более сознательное служение злу. Скорее уж его жестокость можно объяснить как обстановкой его бурного времени, так и испытаниями, пережитыми им в молодости, к которой мы и обратимся.

Глава вторая

ГОДЫ СКИТАНИЙ

О ранних годах Влада Дракулы мы практически ничего не знаем. Жизнь княжеской семьи в Шессбурге не была легкой: управлявшие городом немецкие патриции относились к румынам свысока и не упускали случая указать им их место. В этом можно увидеть корни той неприязни, которую Дракула испытывал к немцам.

Важный вопрос — в какой вере был воспитан юный Влад? Многие считают, что это было католичество, хотя, как уже говорилось, в ордена Дракона могли состоять не только католики. Если Влад-старший и обещал императору принять римскую веру, то обещания не сдержал — позже на родине он всячески поддерживал православие и щедро жертвовал деньги монастырям. Скорее всего, он крестил сына в православной церкви и научил его основам отеческой веры, хотя позже Дракула проявлял изрядное равнодушие к религии — вопреки многим утверждениям, он не был ни ее горячим приверженцем, ни заклятым врагом.

Его отец исподволь прокладывая себе дорогу к валашскому трону. Весной 1433 года он снова побывал на встрече рыцарей Дракона в Нюрнберге, где получил от императора задание охранять трансильванскую границу. Теперь он мог разговаривать с брашовянами более решительно: «Будет весьма немудро с вашей стороны не помочь нам, проливающим за вас свою кровь». Но на прижимистых брашовских купцов, прочно державших в руках торговлю Валахии с европейскими странами, не действовали ни уговоры, ни угрозы. Стравливая Дракула с Алдей, они были твердо намерены остаться в стороне, чтобы извлечь из ситуации как можно больше выгод. Так же действовали валашские бояре — шантажируя нерешительного Алдю тем, что перейдут на сторону его соперника, они под шумок прибирали к рукам «ничейные» земли и села, отказывались платить налоги и даже чеканили свою монету. Возвращаясь в свое тесное, недостойное господаря жилище на третьем этаже, усталый Дракул на чем свет стоит ругал спесивых саксов и вероломных бояр — и маленький Влад, слушавший эти речи, приучился ненавидеть тех и других.

В начале 1436 года положение, наконец, изменилось к лучшему: долго болевший Александру Алдя умер, и Дракул с помощью Яноша Хуньяди занял его место. Его семья охотно перебралась в Тырговиште; здесь, в

отличие от мрачной готической Сигишоары, дома и церкви радовали глаз яркими красками, а река Яломица и цепь прудов кишели рыбой, которую так нравилось ловить сыновьям господаря. Дворец стоял не в центре, как в других городах, а на окраине, прямо на опушке леса, где Мирча с Владом могли охотиться на птиц и белок. Еще они сражались на лугу возле дворца на мечах — сначала игрушечных, а потом и настоящих, под присмотром старого воина, давно служившего их отцу. Когда мальчишки уставали, он садился с ними на траву у крепостной стены, рассказывал о стародавних делах и сражениях, в которых участвовал.

Конечно, братья не только играли, но и учились. Вероятно, их учили тому же, что и других принцев того времени — чтению, письму, счету. В тогдашних византийских школах детей от семи до двенадцати лет обучали четырем предметам: арифметике, грамматике, риторике и философии (под которой понимался Закон Божий). Обучение велось на славянском языке, который, вместе с родным румынским, Дракула знал с детства. Позже, во время скитаний, он выучил еще немало языков — латынь, немецкий, турецкий, венгерский, возможно, еще греческий и итальянский. Семь языков — неплохое подспорье для того, кто постоянно вовлечен в хитросплетения европейской политики. Пригодилась и риторика: письма Дракулы, как и его речи, пересказанные в источниках, отличаются лаконичностью и специфическим мрачным юмором, который принято называть «черным». Конечно, эти письма на славянском и латыни писали секретари, но господарь наверняка читал их — по всегдашней подозрительности ему надо было убедиться, что смысл послания не искажен. Сам он, вероятно, ничего не писал: не сохранилось ни одного документа, написанного его рукой. Не был и книголюбом: в его постоянных скитаниях для книг не было ни места, ни времени.

Принцев обучали и верховой езде — это было необходимо и на войне, и в мирной жизни, поскольку конь был единственным транспортом, достойным знатного мужчины. Валашские и молдавские лошади были известны по всей Восточной Европе — в Германии послушного кастрированного коня называли «валахом» (*Wallach*), как во Франции «венгром» (*Hongre*). Определенное количество лошадей Валахия была обязана посылать каждому новому венгерскому монарху как его вассал. В самом княжестве каждый землевладелец, вступая во владение помещьем, должен был пожертвовать господарю коня. Местные лошадки, низкорослые и косматые, были, однако, очень быстрыми, выносливыми и неприхотливыми. Сыновей знати обучали не только ездить на них, но и сражаться верхом, а также бросать копьё. Популярна была и турецкая игра

— метание на полном скаку копья в кольцо.

Понимая важность учебы, Влад Дракул старался в первую очередь приучать сыновей к делам управления. Восемилетний Мирча уже сидел рядом с отцом на заседаниях Госсвета и подписывал указы. В январе 1437 года имя Влада-младшего, выведенное нетвердой детской рукой, тоже появилось на указе о даровании братьям Станчулу и Роману земель в Фэгэраше — это был первый документ, где упомянуто имя будущего Дракулы. В следующие три года таких документов было еще несколько. Тогда же — в промежутке между 1436 и 1438 годами — появился на свет младший брат Влада, получивший имя Раду. По мнению ряда ученых, он был сыном не Василисы, а второй жены Дракула Марины, тоже происходившей из молдавского княжеского рода, но это ничем не доказано. После смерти воеводы его вдова ушла в монастырь под именем Евпраксии, однако каким было ее прежнее имя, документы умалчивают.

Отец уделял детям еще меньше времени, чем прежде — все силы отнимали государственные дела. Придя к власти, он не стал наказывать сторонников Алди, которые по-прежнему заседали в Госсвете. Сохранил свое влияние и главный советник бывшего господаря Албу Великий, прозванный так не только за влиятельность, но и за необъятную толщину. Уже немолодой, он в основном проводил время в своих поместьях, но его сторонники занимали видные посты. Они не скрывали неприязни к Владу и его семейству, но им по-прежнему жаловались земли и почести.

Дракул был готов идти на уступки и внутри страны, и за ее пределами ради главной цели — спасения независимости Валахии, зажатой между могущественными соседями. Принеся клятву верности венгерскому королю, он одновременно осенью 1436 года отвез дань султану Мураду II и заключил с ним новый договор. Его текст держался в тайне, но весьма вероятно, что помимо ежегодной дани воевода, как и его предшественник, обязался пропустить османские войска на территорию Трансильвании. Об этом догадались и при дворе императора, где пошли слухи об измене валашского князя — по уставу ордена Дракона ни один его член не мог вступать в соглашения с «неверными» или заключать с ними мир. Скорее всего, Влад собирался продолжать двойную игру до тех пор, пока армия крестоносцев, которую собирал Сигизмунд, не подойдет к валашским границам. Но получилось иначе — в декабре 1437 года император скончался, и его вассалы, члены ордена, тут же перессорились друг с другом, позабыв про крестовый поход.

Королевой Венгрии стала дочь покойного Елизавета (Эржебет), мужем которой был герцог Альбрехт Габсбург — так началось восхождение этого

неприметного австрийского рода, создавшего в итоге громадную империю. Венгерские магнаты разделились на сторонников и противников герцога, и междоусобицей тут же воспользовались турки, усилившие натиск на балканские земли. Влад Дракул понимал, что ссориться с Османской империей в этих условиях смертельно опасно, и еще летом отправился на поклон к султану. Византийский историк Михаил Дука пишет: «Воевода Валахии Драгулиос пересек проливы и встретился с эмиром Мурадом в Бурсе, объявив ему о своем подчинении и обещая, что как только Мурад решит отправиться в Венгрию, он пропустит его через свои земли к немецким и русским границам. Обрадованный этими обещаниями Мурад пригласил князя есть и пить за своим столом, одарил его с его приближенными, которых было более трехсот человек, богатыми дарами, обнял и отпустил с миром»^[11].

Князя можно понять — заключить мир даже на самых тяжелых условиях было легче, чем каждый раз восстанавливать разоренную набегами страну. К тому времени турки завладели крепостями не только на болгарском берегу Дуная, в Видине, Никополе, Руцуке и Силистре (Дурсторе), но и на валашском берегу — в Джурджу и Турну, откуда их отряды постоянно нападали на окрестную территорию. Эти набеги были призваны запугать местное христианское население и вынудить его к бегству, а заодно захватить рабов для продажи на невольничьих рынках Востока. Согласно исламскому праву, населенные иноверцами и не платящие дани султану территории представляли собой «территорию войны» (дар аль-харб), которую можно было безнаказанно разорять, пока она не превращалась в «территорию мира» (дар аль-ахд), целиком подвластную мусульманам и их правителям.

Набегами занимались в основном акынджи («искатели приключений»), иррегулярные части, набираемые из татар и других кочевников, привыкших к долгим походам. Трансильванский студент Георг, долго проживший в турецком плену, писал о них так: «Перед походом воины нанимают одного или двух достойных доверия проводников, хорошо знающих все пути-дороги в той местности, куда они направляются. Они передвигаются так быстро, что за одну ночь преодолевают расстояние, на которое обычно уходит три или четыре дня — поэтому если кто и замечает их, то догнать не может, и предупредить о их стремительном нападении невозможно... Они способны переносить зимние холода, летнюю жару, любые ненастья и непогоды, не знают ни страха, ни усталости, и что особенно удивительно, не берут с собой ни еды, ни питья, ни оружия, ни одежды — ничего, что может замедлить их движение... Они не

прекращают свой путь, пока не поймают каких-нибудь неосторожных простаков, и тогда возвращаются, довольствуясь этим»^[12].

Влада Дракула беспокоили не столько эти грабительские набеги, сколько еще более грозная опасность — турки все-таки собрались напасть на Трансильванию. Новый король Альбрехт Габсбург не принимал всерьез турецкую угрозу, больше беспокоясь о вторжении польской армии в Чехию. Перебросив туда войска из Трансильвании, он доверил ее охрану тем же рыцарям Влада, не зная, что тот тайно обязался не защищать область, а участвовать в ее разорении. В апреле 1438 года армия Мурада II во главе с самим султаном выступила в поход; хронисты утверждают, что она насчитывала до 80 тысяч воинов, хотя более вероятно, что их было не более 30 тысяч. В Трансильванию турки вошли не через Карпаты, а на востоке, у города Буззу, где их никто не ждал. Жители Брашова, Сибиу и других городов отсиделись за крепкими стенами, но турки разорили всю сельскую местность: молодых и сильных уводили в неволю, остальных предавали мечу. Долиной реки Муреш турки дошли до Алба-Юлии (Карлсбурга), будущей столицы области, и сожгли ее.

Сопровождавший их Влад помогал не столько захватчикам, сколько их жертвам, стараясь избежать ненужного кровопролития. Об этом пишет уже упомянутый студент Георг: «В то время я был молодым человеком пятнадцати или шестнадцати лет, родившимся в той же провинции. Год тому назад я уехал из Ромоса в небольшой город под названием Себеш по-венгерски и Мульбах по-немецки. Городок был многолюдным, но чрезвычайно плохо укрепленным. Когда турки взяли его в осаду, князь Валахии, пришедший с турецкой армией, подошел к стенам и, будучи в дружественных отношениях с жителями, обратился к ним и убедил не биться с турками, поскольку город не выстоит из-за недостаточно прочных стен. Совет был таков: пусть жители сдадут город туркам, а он уведет старейшин города в свою страну и потом они смогут вернуться или остаться. Что до остальных, то турки уведут их, но не причинят вреда, ни материального, ни физического, а в своей стране пожалуют им земли во владение, а когда наступит время, они также смогут вернуться на родину или жить там в мире, если пожелают. И мы увидели, что всё произошло так, как он и обещал»^[13].

В других местах Дракул посылал вперед гонцов, чтобы жители, предупрежденные о нападении, успели укрыться в ближайшей крепости или бежать в лес. В итоге турки не получили той добычи, на которую рассчитывали, и отправились обратно, очень недовольные Владом. Один из

их полководцев, Исхак-бей, прямо сказал султану: «Пока этот волчий сын Дракул сидит на Дунае, венгры не покорятся нам». Это было осенью 1438 года, а следующим летом султанское войско отправилось в новый поход против сербского деспота Георгия Бранковича. Тут уже Альбрехту Габсбургу пришлось выступить на защиту своего союзника, но в октябре 1439 года он умер от дизентерии в лагере у города Комаром. После этого турки захватили сербскую столицу Смедерево, вынудив деспота бежать в Венгрию.

Племянник покойного Альбрехта Фридрих III Габсбург стал королем Германии, а затем и императором, но престол Венгрии ему занять не удалось — антинемецки настроенные магнаты в январе 1440-го посадили на трон шестнадцатилетнего польского короля Владислава III Ягеллона, в Буде получившего имя Уласло I. Он возобновил подготовку к крестовому походу, требуя активных действий от всех своих союзников, в том числе от Влада Дракула. Тот долго думал: несмотря на его участие в трансильванском походе, турки не прекратили свои набеги. К тому же у венгров появился выдающийся полководец — Янош Хуньяди, разгромивший турок в Боснии и ставший в 1441 году воеводой Трансильвании совместно с Миклошем Уйлаки. В том же году Мурад II серьезно заболел, разнеслись даже слухи о его смерти, и Влад решил — занял крепость Турну на Дунае и стал собирать войско. Узнав об этом, оправившийся от болезни султан прислал валашскому господарю грозный фирман, требуя явиться с данью в свою столицу. «Если ты не повинешься, — говорилось в указе, — моя армия разорит твою страну до основания, а с тобой и твоими неверными подданными поступит, как угодно Аллаху».

Владу пришлось подчиниться. Весной 1442 года он прибыл в Эдирне и был немедленно заключен в крепость Гелиболу (Галлиполи), где провел почти два года. Под угрозой мучительной смерти Дракул согласился вызвать к османскому двору двух младших сыновей. Летом «родственный обмен» состоялся — десятилетний Влад и пятилетний Раду были привезены в турецкую столицу. Но султан не собирался возвращать ненадежному союзнику власть: на захват Валахии была брошена сорокатысячная турецкая армия во главе с Шехабеддин-беем. Стране, во главе которой остался юный Мирча, угрожала оккупация. Узнав об этом, Янош Хуньяди стремительно двинулся из Трансильвании на юг и 6 сентября у реки Яломицы ударил из лесного укрытия во фланг туркам. Разгром был полным: на поле боя остались 10 тысяч захватчиков, многие утонули в Дунае во время бегства. Узнав о поражении, Мурад в ярости сорвал с головы тюрбан и растоптал его; Шехабеддин был удушен

шелковым шнурком. Захватив Тырговиште, Хуньяди изгнал оттуда Мирчу и посадил на трон Басараба II из рода Данешти.

Сразу после прибытия в османские владения Влада и Раду отправили в крепость Эгригёз («Кривой глаз») недалеко от Коньи. Там они провели несколько лет под строгой охраной вместе с сыновьями других знатных иноверцев. Они обучались тому же, что османские принцы — верховой езде, соколиной охоте, бою на саблях и основам мусульманской веры. Им не позволяли исполнять христианские обряды, мягко, но настойчиво склоняя к переходу в ислам. Но Влад остался тверд — даже в этом возрасте он не поддавался никакому давлению. Турецкие историки (возможно, под влиянием последующих событий) писали, что валашский принц с детства был груб, хитер и коварен. Мрачный и нелюдимый, он неохотно общался не только с турками, но и со своими товарищами по заключению. При любой попытке оскорбить или высмеять его бросался в драку, не задумываясь, сильнее его противник или слабее.

С Раду дело обстояло иначе: этот нежный, впечатлительный мальчик охотно перенимал турецкие нравы. Вскоре он сдружился с наследником султана Мехмедом и, по упорным слухам, стал его любовником: такое было не в диковину при османском дворе. Греческий историк Лаоник Халкокондил^[14] рассказывает: «Случилось так, что султан едва не убил этого мальчика, когда хотел возлечь с ним. Это было, когда он только взошел на трон и готовил поход против Карамана. Влюбившись в этого мальчика, он призвал его к себе и в знак особого доверия предложил угостить вином в своей спальне, а потом подступил к нему с дурными намерениями. Не ожидавший этого мальчик оттолкнул его и отказался вступить с ним в связь. Когда же султан стал целовать его, он схватил нож для чистки фруктов и ранил его в бедро, а потом бежал, куда глаза глядят, залез на дерево и спрятался там»^[15]. Принц был так очарован валашским гостем, что спас его от наказания; после этого Раду пришлось уступить его ухаживаниям. Это случилось при султанском дворе в Эдирне, куда юного принца перевели из Эгригёза — уже после того, как в августе 1444 года двенадцатилетний Мехмед II (он был чуть моложе Влада) занял трон падишаха. Тогда братья расстались, чтобы встретиться много лет спустя, уже став смертельными врагами...

Не зная фактов, мы всё же можем предположить, как повлияло на юного Влада пребывание в самой крупной из тогдашних империй. Вырванный из валашского захолустья, он увидел многолюдную страну с чужой верой и незнакомыми обычаями. Его товарищами по заключению

были представители самых разных народов — сербы, арабы, африканцы, персы и сами турки, из которых далеко не все подчинялись тогда династии Османов. Он познакомился с турецкой системой управления, в которой важную роль играли «подобранные» (девширме), как называли обращенных в ислам иноверцев. Эту систему красноречиво описал уже знакомый нам немецкий студент Георг, ставший на какое-то время ее частью:

«Те из них, кто хорошо показал себя, назначались на высокие посты в империи. Таким образом, все ее сановники и князья были, по сути дела, назначены султаном и не были господами или собственниками земли. Как следствие, султан был единственным господином и единственным собственником, который мог распоряжаться в своей империи, раздавать собственность и управлять ею, а остальные были всего лишь исполнителями, администраторами и слугами, выполнявшими его волю и приказания... Именно поэтому в его империи, несмотря на многочисленность населения, не были возможны никакие заговоры или мятежи. Наоборот, все как один подчинялись власти одного человека, служили ему неустанно, и никто не осмеливался усомниться в его власти. Если кто-нибудь самовольно начинал заниматься каким-либо делом, об этом тут же узнавали и докладывали двору. Когда это происходило, во власти султана было решать: послать ли его в тюрьму, казнить или превратить в раба, совершенно не принимая во внимание его положение в обществе»^[16].

Такой порядок вещей вполне мог понравиться Дракуле, который видел, что его отец занимает в Валахии совсем другое положение — он вынужден советоваться с боярами, зависит от могущественных соседей и все время должен защищать свою жизнь и власть. Позже он попытается изменить ситуацию, но возьмет за образец не столько турецкие порядки, сколько собственные представления о справедливости, далекие от привычных нам.

*

На востоке Европы опять назревали грозные события. В сентябре 1443 года неукротимый Янош Хуньяди, прозванный «белым рыцарем христианства», вторгся далеко вглубь османских владений, ведя с собой воинов валашского князя Басараба II и свергнутого турками сербского деспота Георгия Бранковича. К концу года Хуньяди дошел с боями до Балкан, занял Ниш и Софию и восстановил на время независимость

Сербии. Одновременно против турок восстал албанский правитель Георгий Кастриоти Скандербег, в свое время тоже заключенный в Эгригёзе. Став в неволе мусульманином, он вернулся дома к христианской вере предков и раз за разом бил османские армии в неприступных горах своей родины.

Под угрозой потери европейских владений султан предложил своим врагам заключить мир, а заодно решил восстановить контроль над Валахией. В феврале 1444 года он велел освободить Владу и пригласил его во дворец: «Султан сказал ему, что хочет жить в мире и согласии, если Влад Дракул письменно пообещает не идти войной ни против него, ни против его подданных. Тогда он обещает вернуть его живым и здоровым на родину. А если и пойдет на него войной, то поможет после возместить все утраты. Князь Валахии, которого он в течение четырех лет (на самом деле меньше двух. — В. Э.) держал в заточении, где тот страдал от горестей и болезней, согласился со всеми требованиями султана, а чтобы полностью успокоить его, подписал всё, что тот просил. Таким образом, султан вернул князя Валахии в целостности в его страну, где он был принят с честью»^[17]. В том же месяце отряд турок и валашских сторонников Владу пересек Дунай, ворвался в Тырговиште и сверг Басараба II, который погиб в коротком бою.

В апреле в Буде собрался сейм венгерских феодалов, проголосовавший за войну с турками. Однако король Владислав неожиданно для многих выступил за мир — к этому его склоняли поляки и трансильванские саксы, заинтересованные в торговле с Востоком. К тому же ему по-прежнему угрожал Фридрих III, претендовавший на венгерскую корону. 24 апреля венгеро-сербская делегация отправилась в Эдирне, где после долгих торгов заключила в июне мирный договор с Мурадом II. Тогда же по настоянию султана венгры уладили отношения с Владом Дракулом, о чем тоже сказано в договоре: «С Владом, воеводой Валахии, будет заключен мир на таких условиях: упомянутый воевода Влад, во-первых, даст обычную дань, во-вторых, будет служить нам, но не обязан будет, как прежде, лично являться к нашему двору. Таким образом, в знак любви к Вашему величеству мы принимаем то, что он более не будет приходить к нашему двору, но взамен должен послать нам залог и возвращать наших подданных, которые убегут на его землю, а мы обязуемся делать то же самое с его подданными»^[18].

Есть версия, что залогом, о котором сказано в договоре, и были принцы Влад и Раду — таким образом, их пребывание в Эгригёзе началось не в 1442 году, а на два года позже. Но тогда непонятно, где находились дети до этого: они не могли жить ни в Валахии, ни в Молдове, ни в Трансильвании, где у власти оставались их враги. Да и отец их вряд ли

остался бы жив, если бы сразу же не согласился с требованием султана и не выдал ему сыновей. Есть, правда, вероятность, что они покинули страну вместе с Мирчей, который помирился с Хуньяди и в 1444 году находился в его войске. Но Мирче было уже шестнадцать, он сражался рядом с воеводой и не стал бы таскать за собой малолетних братьев.

В любом случае Влад и Раду находились в руках турок, когда только что установленный мир вдруг затрещал по швам. Всего через неделю после его подписания, 4 августа, король Владислав и Янош Хуньяди торжественно объявили Османской империи войну. Возможно, их вынудил к этому папский посол, кардинал Джулио Чезарини, напомнивший венграм, что им были выданы крупные суммы на крестовый поход. В сентябре венгерско-польская армия двинулась вдоль Дуная к Черному морю, стремясь пробиться на помощь окруженному турками Константинополю.

Срыв только что заключенного мира настроил турецкую знать и армию против Мурада II, который всегда был слишком мягок и осторожен для османского султана. В августе ему пришлось уступить трон наследнику Мехмеду, сохранив, однако, должность его наставника и командующего армией. Это еще больше ободрило крестоносцев, которые в сентябре форсировали Дунай и захватили турецкую крепость Никополь. Прибывший туда Влад Дракул объяснил королю и Хуньяди, что не может присоединиться к ним, не пожертвовав жизнью своих детей. Чуть позже он писал жителям Брашова: «Прошу вас учесть, что я отдал на заклятие ради христианского дела моих юных сыновей». Однако он послал на помощь крестоносцам семь тысяч валашских воинов во главе с Мирчей. А потом предупредил молодого короля, что у султана огромное, хорошо вооруженное войско и сражаться с ним смертельно опасно. «Я не боюсь опасности!» — гордо ответил Владислав. Тогда Влад вручил ему двух своих лучших воинов и двух необыкновенно быстрых коней, сказав при этом: «Если дело обернется плохо, положитесь на этих людей и этих коней, которые помогут вам вернуться целым и невредимым».

В ноябре 1444 года крестоносное воинство во главе с королем и Хуньяди подошло к болгарскому городу Варна на берегу моря. Соединенный венецианско-французский флот блокировал Босфор, чтобы турки не смогли перебросить подкрепления из Азии. Тогда султан предложил генуэзцам, давним врагам венецианцев, большие деньги, и те из жадности изменили христианскому делу и перевезли турецкое войско в Европу. Рано утром 10 ноября крестоносцы, численность которых достигала 20 тысяч, увидели на подступах к Варне многочисленные силы противника. Битва началась обстрелом турецких позиций из аркебуз,

которые появились лишь недавно и были опасны для самих стрелявших едва ли не больше, чем для их врагов. Но чешские и венгерские аркебузиры были мастерами своего дела — их ядра попадали в самую гущу османов, а оглушительный грохот выстрелов наводил страх на лошадей. Пользуясь замешательством турок, венгерская легкая конница начала атаковать их с флангов, угрожая взять в клещи. Турки быстро отступили, и король Владислав приказал своим рыцарям преследовать их.

Хуньяди пытался возражать, но молодой король ничего не слушал — он уже воображал себя новым Александром, завоевателем Востока. Воевода, хорошо знавший коварную тактику турок, остался на месте со своим отрядом и обреченно смотрел, как сверкающие на солнце ряды рыцарей исчезают на горизонте. Там их уже ждали отборные янычарские полки, тесным кольцом окружавшие ставку Мехмеда. Со всех сторон на крестоносцев обрушились всадники-спахи, которые гарцевали вокруг неповоротливых рыцарей, поражая их ударами дротиков и копий. Один за другим спутники Владислава падали с коней, а потом и сам король рухнул на землю. Кто-то из турок тут же отрезал ему голову и поспешил с драгоценным трофеем к султану.

По ликующим крикам «Аллах акбар!» Хуньяди понял, что дело проиграно. Сгрудившаяся на равнине крестоносная пехота была обречена, и воевода решил спасти хотя бы своих людей. Бросив обоз, венгры поспешили прочь, к ближайшей переправе через Дунай. Турки еще долго занимались добиванием христианской армии, и полководца никто не преследовал, но на территории Валахии его арестовали по приказу Влада. Мирча с валашскими воинами вовремя покинул поле битвы — по слухам, султан послал ему письмо, угрожая обезглавить обоих его братьев, если он продолжит сражаться. По другой версии, валахи просто увидели, что дело проиграно, и бежали, разграбив предварительно лагерь своих союзников; кто-то из них при этом убил находившегося там кардинала Чезарини.

Снимая с себя вину, Мирча обвинил во всем Хуньяди, и отец поверил ему — или захотел поверить. На военном совете союзников Дракул открыто бросил «белому рыцарю» упрек в бегстве с поля боя, что и привело к поражению христианской армии. Кроме этого, он обвинял союзника в недооценке сил турок: «Султан даже на охоту выезжает с большей свитой, чем те двадцать тысяч, что воевода вывел на поле боя». Многие венгерские магнаты поверили обвинениям — они давно невзлюбили выскочку Хуньяди, которого называли не иначе как Янку из Хунедоары, напоминая о его «низком» румынском происхождении. В итоге совет приговорил полководца к смерти. Былые заслуги Хуньяди и наличие

у него множества сторонников спасли ему жизнь, но несколько месяцев он все-таки провел в темнице.

Зачем Владу нужно было ссориться с ближайшим союзником — не вполне понятно. Даже если его искренне возмущали промахи Хуньяди, такой опытный воин, как он, должен был понимать, что в поражении под Варной виновата не осторожность Яноша, а безрассудная храбрость короля Владислава. Нелепо было обвинять воеводу и в малочисленности крестоносной армии — он повел в бой ровно столько людей, сколько ему не слишком щедро выделили венгерские и польские магнаты. Похоже, Дракул просто использовал удобный повод, чтобы разделаться с опасным соседом, постоянно угрожавшим его власти. Как бы то ни было, его план по устранению Хуньяди не удался, и теперь ему нужно было всерьез опасаться мести грозного воеводы. Оставался, правда, шанс задобрить венгров, выступив на их стороне против турок — хотя тем самым Дракул нарушал клятву не воевать против султана и снова подвергал опасности жизнь Влада и Раду.

Летом 1445 года он присоединился к флоту европейских крестоносцев, объединившему итальянцев под началом Кондольмьеро и французов, которыми командовал бургундский рыцарь Валеран де Ваврен. Флот еще в прошлом году вошел в Черное море и теперь двигался вверх по Дунаю, чтобы, по официальной версии, отыскать короля Владислава и кардинала (о их смерти в Европе еще не знали), а на самом деле соединиться с венгерским войском, которое должно было подойти к Дунаю с другой стороны. Влад с шестью тысячами воинами (очевидно, теми же, что сражались при Варне) присоединился к крестоносцам, которые двигались за флотилией частью берегом, частью на долбленых лодках, которые Ваврен назвал «табачными листьями» (*mapoques*). Союзникам удалось взять османские крепости Силистра, Туртукай, Джурджу и Никополь, разорив их дотла.

Дядя Валерана, историк Жан де Ваврен, составил по рассказам племянника обстоятельное описание этой кампании^[19]. Он высоко отзывался об уме и храбрости валашского господаря, но был шокирован его коварством — при осаде Джурджу тот уговорил ее защитников сдаться, обещая им неприкосновенность, а потом всех перебил. Тогда погибло три сотни турок: «Валахи раздели их и выложили вдоль берега реки, чтобы взорам людей на проплывающих вдоль берега галерах предстал неприглядный вид участи поверженного врага». Жестокость Влада была вызвана тем, что гарнизоном командовал субаши (комендант), который три года назад арестовал его в Эдирне по приказу султана и заковал в цепи.

Сын воеводы Мирча лично отрезал субаши голову, объяснив де Ваврену: «Сказал отец мне, если я от имени его не воздам отмщение субаши из крепости Джурджу, то отречется он от меня и не буду я больше зваться сыном его». Крепость после взятия вернули валахам, чему Влад был очень рад: «Если получу я крепость свою — что построена была моим отцом — обратно невредимой, то для того, чтобы отвоевать Грецию, хватит и женщин Валахии с прялками». Эти слова показывают, что в душе Дракула жила честолюбивая мечта выступить в роли освободителя Византии от «неверных» — мечта, которая передалась позже его сыну.

Следом Ваврен описал благородный поступок господаря, который перевез на другой берег Дуная тысячи болгар, бегущих от османского ига: «Покорившись господарю Валахии, болгары покорно попросили его помочь им пересечь Дунай и выделить им землю в его стране, где бы они могли жить. У князя Дракула было обширная и большая страна, малонаселенная на некоторых территориях, и он с радостью принял их, благодушно признав их своими подданными. Князь сопровождал их до крепости Русе, там попросил кардинала и господина Ваврена помочь переправить христиан из Болгарии через Дунай, пока они все не окажутся в его стране и не будут более во власти турок. Три дня и три ночи болгар переправляли через реку, поскольку их было, по меньшей мере, двенадцать тысяч человек — мужчины, женщины и дети... Когда они все пересекли реку, господарь Валахии был в восторге получить столько подданных сразу, заметив, насколько храбрыми были люди Болгарии. Он сердечно поблагодарил кардинала и господина Ваврена за ту помощь, что они ему оказали, сказав, что даже несмотря на то, что флот Святого Отца и герцога Бургундии не достиг ничего в этот раз, но то, что он помог спасти одиннадцать или двенадцать тысяч христианских душ и освободить их из заключения в руках сарацинов, уже было большим достижением»^[20].

Достижение, впрочем, оказалось единственным: венгерское войско, на соединение с которым двигались союзники, так и не пришло к стенам Никополя. Явился только небольшой отряд во главе с тем же Яношем Хуньяди, который честно объяснил, что не хочет воевать: «Я хорошо помню прошлый год и как мы потеряли нашего короля в битве при Варне, вместе с большим количеством господ и простых воинов. Сейчас люди и знать Венгрии в моих руках, и я не желаю рисковать их жизнями, потому что если меня убьют, королевство будет потеряно». Он посоветовал крестоносцам поспешить на родину, пока Дунай не замерз, и в октябре их корабли через Константинополь двинулись домой.

Как ни странно, измена Дракула султану никак не повлияла на судьбу

его сыновей, хотя другие христианские заложники дорого платили и за меньшие грехи. Например, сербские принцы Стефан и Гргур в 1441 году были ослеплены раскаленным железом всего лишь за то, что пытались сообщить отцу о военных планах османов. Влад и Раду же по-прежнему жили в Эгригёзе, и хотя их тщательно охраняли, но никакого членовредительства по отношению к ним допущено не было. Правда, иные авторы фантазируют, что их (или одного Влада) отправили в страшный замок-тюрьму Токат, где били, морили голодом, демонстрировали им мучительные казни, включая сажание на кол, но об этом ровно ничего не известно. Похоже, валашских принцев просто спутали с упомянутыми сербами, которые на самом деле находились в Токате до тех пор, пока их отец, деспот Георгий Бранкович, не сдался на милость турок. Кстати, колосажание в тогдашней Османской империи было не слишком популярно, и юный Влад вряд ли мог научиться ему у своих тюремщиков. Скорее уж он позаимствовал его в Трансильвании, где «цивилизованные» немцы во множестве сажали на кол разбойников, убийц, а порой и еретиков, то есть православных.

*

Турок отвлекали от валашских дел затяжная война с венецианцами и двоевластие: на троне сидел Мехмед II, но его отец Мурад по-прежнему держал в руках рычаги управления. Осенью 1446 года, воспользовавшись очередным бунтом янычар, Мурад вернулся в столицу и снова стал султаном, отправив сына наместником в азиатскую Манису (Магнесию). Следующим летом, вернувшись из похода в Грецию, он призвал к себе Дракула с данью. Воевода ехал в Эдирне с беспокойной душой, ожидая, что его снова закуют в цепи или еще хуже — бросят перед ним на ковер отрубленные головы сыновей. Но Мурад подтвердил свою репутацию добряка: ничего не сделал валашскому гостю и охотно подписал с ним новый договор на условиях ежегодной уплаты дани, возвращения отнятых у турок крепостей и выдачи болгар, уведенных в Валахию.

По просьбе Влада мир был заключен тайно, но о его последствиях в Европе все-таки узнали. Венгерский историк Антонио Бонфини пишет, что Дракул «вернул туркам все захваченные у них крепости и, кроме того, передал им 4000 христиан, освобожденных из их рабства во время предыдущей войны»^[21]. Правда, большинство болгар остались в Валахии, но их выдача стала удобным жупелом для врагов воеводы. Особенно для

Яноша Хуньяди, который в июне 1446 года был избран правителем Венгрии при пятилетнем короле Ласло V Постуме (Посмертном), сыне Альбрехта Габсбурга и Елизаветы. Непреклонный воевода сразу же начал мстить своим врагам, к которым теперь относился и Влад Дракул. По этому поводу возникла еще одна легенда — Дракул предал своего собрата по ордену Дракона, что каралось смертью. На самом деле Хуньяди не был принят в орден из-за недостаточной знатности, что стало для него новой причиной ненавидеть валашского князя.

Была и еще одна причина: чтобы добыть средства на продолжение войны, Хуньяди, подобно многим средневековым правителям, приказал трансильванским саксам «портить» монету, то есть примешивать к ней при отливке свинец и медь, уменьшая тем самым долю серебра. Заметив это, Влад Дракул впервые после Мирчи Старого отказался от венгерских денег и начал чеканить собственные монеты. Это лишило Хуньяди и трансильванцев немалой доли доходов, и полководец твердо решил: новая неприятность, доставленная ему валашским князем, будет последней. Осенью 1447 года в письме жителям Брашова Хуньяди назвал Влада «проклятым клятвoprеступником» и заявил о намерении свергнуть его с валашского трона. Как водится, в Трансильвании тут же объявились претенденты из рода Данешти — сыновья господаря Дана II Дан и Владислав, готовые занять освободившееся место.

«Белый рыцарь» умел быть вероломным — и доказал это, попросив у Влада пропустить его войско к Дунаю якобы для похода на турок. В тот раз обычная осторожность изменила господарю. В декабре 1447 года он лично прибыл в село Балтени встретить венгров, которыми командовал капитан Станчул — тот самый боярин, которому Дракул и его юный сын когда-то даровали земли в Фэгэраше. Неожиданно воины Хуньяди накинулись на господаря, стащили его с коня и тут же зарубили. Чтобы оправдать свой поступок, регент распустил слух, что в руки ему попало письмо Влада, где тот обещал султану в решающий момент предать христианское войско и перейти на сторону турок. В будущем та же история повторится с его сыном...

Говорили, что перед смертью Дракул просил своих убийц только об одном — пощадить Мирчу, который, как и до этого, остался замещать отца в Тырговиште. Он не знал, что в столицу уже прибыл претендент Владислав II, опередивший своего брата Дана. Желая выслужиться перед новым правителем, бояре схватили девятнадцатилетнего принца и предали страшной смерти — ослепили раскаленным железом, а потом закопали живьем.

Мы не знаем, присутствовал ли Янош Хуньяди при гибели Влада, но сразу после этого он прибыл в Тырговиште, где объявил себя «правителем закарпатских земель», а вскоре отправился в Молдову, где сверг протурецкого господаря Романа II и привел к власти его соперника Петру. Казалось, мечта Хуньяди — единый антитурецкий фронт от Адриатики до Черного моря — становится реальностью. Новый молдавский князь отдал союзнику крепость Килию — ключевой пункт, «запирающий» устье Дуная. Понимая ее стратегическое значение, турки в июне 1448 года после неудачного нападения на Константинополь отправили 65 кораблей к Килии и осадили ее. На помощь гарнизону подоспели венгерские корабли — вероятно, нанятые Хуньяди венецианские галеры, — которые наголову разбили османский флот. В августе турки попытались разграбить Валахию, но их разбил шурин Хуньяди Янош Силади, взяв в плен три тысячи нападавших во главе с беом Видина.

В сентябре венгерская армия численностью 30 тысяч человек, в которую входил и шеститысячный валашский отряд во главе с Владиславом II, двинулась на юг, на помощь воюющему с турками Скандербегу. По пути крестоносцы разорили Сербию, чтобы отомстить Георгию Бранковичу за предательство христианского дела. В отместку сербский деспот сообщал туркам обо всех передвижениях венгров и подсказывал, как лучше разгромить их. Обойдя наступавших врагов, пятидесятитысячное войско султана преградило им дорогу на пути в Албанию. 17 октября на печально знаменитом Косовом поле началась отчаянная битва. Три дня противники засыпали друг друга стрелами и пушечными ядрами, сшибались в отчаянных кавалерийских атаках, но ни турки, ни христиане не могли добиться успеха. В конце концов, узнав о подходе к врагам свежего подкрепления и боясь повторения варненского разгрома, Хуньяди приказал войску отойти. На обратном пути отступающие венгерские отряды изрядно потрепали сербы, взявшие в плен самого воеводу — он был освобожден только после уплаты большого выкупа.

Еще до сражения Мурад II велел перевезти юного Влада Дракулу из Эгригёза к валашской границе. По пути принц посетил Эдирне, где султан радушно принял его, одарив парчовым халатом, княжеским штандартом и крупной суммой денег. План был прост: пока венгерский ставленник Владислав воюет в дальних краях, его враг, воспитанный турками и обещавший хранить им верность, без помех займет его место. Так и случилось — сразу после косовского разгрома турецкий отряд пересек Дунай и, не встретив никакого сопротивления, доставил принца в Тырговиште. Об этом пишет турецкая хроника «Теварих ал-Осман»:

«Готовясь к новому походу, он (Мурад II. — В. Э.) построил крепость Джурджу. Оттуда он намеревался вторгнуться в Валахию и посадить там на трон князя Казыклу, сына Дракула. Он дал ему знамя, халат и одарил всеми видами почестей, после чего послал в поход со своими акинджи, которые посадили этого князя на престол его отца»^[22].

О переменах в Валахии писал из Константинополя и Бартоломео ди Джиано, викарий ордена францисканцев: «Через двадцать дней после битвы Великий Турок дал 30 тысяч турок одному из своих адмиралов, который был сыном князя Валахии и еретиком, чтобы этот княжеский сын мог силой захватить Валахию и привести ее к подчинению туркам»^[23]. Турецкий источник путает факты, а итальянский — дату. На самом деле уже 22 или 23 октября Влад принес присягу в присутствии немногих оставшихся в столице бояр и престарелого митрополита Евфимия. Он стал третьим господарем Валахии по имени Влад, хотя немцы чаще называли его Ладислаус, а венгры — Ласло. Некоторые историки ошибочно именуют его Владом IV, включая в общий счет его соперника Владислава. Их имена и правда очень похожи, но непримиримая вражда, замешенная на крови, разделила не только двух родственников, но и семейство Данешти и их противников — потомков Влада Дракула, получивших отныне прозвище Дракулешти.

31 октября Дракула, которому еще не исполнилось семнадцати, написал свой первый официальный документ — письмо городскому совету Брашова. Из него следует, что, несмотря на неизбежную жажду мести, юный господарь готов примириться с Яношем Хуньяди: «Сообщаем вам, что Николаус де Визакна из Германштадта написал нам с просьбой приехать к нему, пока Янош Хуньяди, королевский наместник Венгрии, не вернулся с войны. Мы, однако, не можем сделать это, поскольку в прошлый вторник (29 октября) к нам явился гонец из Никополя, принесший достойные доверия известия о том, что турецкий султан Мурад уже три дня сражается с упомянутым Яношем и что накануне он напал вместе с янычарами на его лагерь, ворвался в него и убил там всех. Если мы сейчас отправимся к нему (в Трансильванию. — В. Э.), турки могут прийти и убить нас и вас. Посему прошу вас проявить терпение, пока мы не узнаем, что случилось с Яношем и жив ли он. Если он вернется с войны, мы встретимся с ним и заключим мир. Но если вы сейчас станете нашими врагами и в итоге случатся какие-либо неприятности, вы будете виноваты в них и ответите за это перед Всевышним»^[24].

Речь в письме шла о влиятельном венгре Миклоше из Окны, который

владел землями в окрестностях Сибиу и часто играл роль посредника между венгерским двором, трансильванцами и валахами. Его приглашение в гости юный господарь воспринял — скорее всего, справедливо — как ловушку и пытался при помощи вымышленного известия о гибели Яноша Хуньяди избежать ее, а заодно добиться примирения как с тем же Хуньяди, так и с саксами, отношения которых с Валахией после турецкого набега сильно испортились. Однако эта наивная попытка никого не обманула: едва наместник с остатками армии добрался с Косова поля домой, он тут же поспешил в Тырговиште и в конце ноября 1448 года вновь утвердил там власть Владислава Данешти. Не дожидаясь его прихода, Влад бежал за Дунай к туркам; его первое правление, таким образом, продлилось чуть больше месяца.

В Эдирне беглеца принял Мехмед, от которого ни на шаг не отходил разодетый, нарумяненный Раду. Османский наследник держался холодно, давая понять, кому принадлежат его симпатии в претензиях на валахский трон. Дракула поспешил уехать — он знал, что неудачливого союзника турок вполне могут ждать бокал с ядом или шелковая петля на горле. Его путь лежал в Молдову, где тоже шла кровавая схватка за власть.

*

Румынскую область Молдову часто путают с одноименной независимой республикой — впрочем, они веками составляли единое государство, пока в 1812 году «другая» Молдова, тогдашняя Бессарабия, не вошла в состав Российской империи. Свое название страна получила от реки Молдовы на севере, где находилась и первая молдавская столица Бая. Молдова чаще Валахии подвергалась набегам кочевников, поэтому государственность здесь сформировалась позже. Только в 1359 году воевода Богдан из Марамуреша изгнал венгерского наместника и создал независимое княжество, которому, правда, вскоре пришлось стать вассалом граничившей с ним Польши.

Как и в Валахии, господа здесь правили недолго, постоянно свергая друг друга с трона. Самым долговечным оказался правнук Богдана I Александру Добрый (чел Бун), правивший с 1400 по 1432 год. При нем Молдова, завладевшая важными портами Белгород (Четатя-Албэ) и Килия, смогла контролировать дунайскую торговлю, а ее «нижняя» (южная) часть окончательно объединилась с «верхней», знаком чего стал перенос столицы в Сучаву. Короткий расцвет княжества закончился в 1420 году, когда к его

границам подошли турки. К их набегам позже подключились ставшие союзниками империи крымские татары. Как и в Валахии, внешняя угроза не сплотила молдавскую элиту, а лишь увеличила накал междоусобной борьбы и ее жестокость. Сын Александру Стефан II сверг с трона сводного брата Илие, который в отместку утопил в пруду мать своего соперника. В 1442 году вернувшийся к власти Илие был убит Стефаном, но семь лет спустя сын Илие Роман обезглавил убийцу отца. Через год его отравили по приказу дяди Петру II, посаженного на трон, как уже говорилось, Яношем Хуньяди.

Петру тоже правил недолго — уже в октябре 1448 года его сменил сын Илие, десятилетний Александрел, воспитанный при дворе польского короля Казимира IV. К его двору и отправился вскоре изгнанный из своих владений Влад Дракула. Как родственника (по матери) княжеского рода Мушатов, его приняли радушно; это отношение не изменилось после того, как через год при поддержке Хуньяди Александрела сменил сын Александру Доброго Богдан II. Он хоть и заключил союз с Венгрией, но не стал выдавать «белому рыцарю» его врага — или просто не сообщил о том, что тот находится в Сучаве и живет в княжеском дворце.

В гостеприимной молдавской столице Дракула провел, пожалуй, самые безмятежные годы своей бурной жизни. Подружившись с сыном господаря Стефаном — будущим Стефаном III Великим (чел Маре), одним из главных героев румынской и молдавской истории, — он охотно пировал, охотился, посещал по ночам нестрогих девиц, которым льстило внимание молодого и красивого принца. То, что Влад был красавцем, видно даже по поздним портретам, на которые уже легла печать его кровавой славы. Самый известный из них (точнее, копия, сделанная в XVI веке с пропавшего бесследно оригинала) хранится в старинном замке Амбрас в Инсбруке. Тирольский эрцгерцог Фердинанд II (1529–1595), живший здесь со своей незнатной возлюбленной Филиппиной Вельзер, создал в замке «галерею диковин» с портретами всевозможных уродов — физических и нравственных. Портрет Дракулы помещен там между изображениями сплошь заросшего волосами «человека-волка» Гонсало с Канарских островов и венгерского дворянина Грегора Бачи, у которого во время поединка в голове застряло копьё, и в таком состоянии он умудрился прожить целый год. Затейник Фердинанд разместил картины с тайным смыслом, и кажется, что Колосажатель с явным удовольствием косится на пронзенного копьем соседа.

Другой портрет Дракулы, в рост, находится в галерее австрийского замка Форхтенштайн, третий — в библиотеке Штутгарта; еще несколько, в

виде гравюр, приведены в немецких печатных памфлетах. Многие из них помещали лицо князя на обложке, что было для того времени совершенно новым. Видевший эти изображения нотариус из Регенсбурга Себастьян Хеффт писал в 1468 году: «У него жестокий и мрачный вид, и с этим портретом знаком уже почти весь мир». В нюрнбергском издании 1488 года портрет раскрашен от руки — тоже новшество. Со временем изображения Дракулы всё больше отличались от оригинала: в одном из памфлетов его княжескую шапку сменила странная охотничья кепка, а в другом валашского господаря вообще заменили на турецкого султана Сулеймана Великолепного.

На всех остальных портретах мы видим мужчину с черными вьющимися кудрями, длинными усами и большими выразительными глазами, одетого не только богато, но и щегольски — в алый кафтан с золочеными пуговицами, плащ с меховой опушкой и высокую шапку («на манер папской», как говорили летописцы), украшенную жемчугом, самоцветами и пером белой цапли. О его жестоком нраве говорят сурово сдвинутые брови и злобный взгляд, но на картине из Амбраса зеленые глаза Дракулы скорее печальны — неудивительно, если вспомнить, сколько ему пришлось пережить к концу своей не слишком долгой жизни.

В Молдове ему впервые довелось повоевать — на страну напали поляки, пытавшиеся вернуть на трон своего ставленника Александрела. Молдаване по своему обычаю заманили врагов вглубь страны, где могли с выгодой использовать знание местности. Решающее сражение состоялось в сентябре 1450 года у деревни Красна. Заботливый воевода Богдан запер Влада и Стефана в ближней крепости Каменица для их безопасности, но принцы сбежали и кинулись в самую гущу сражения. Все, видевшие Дракулу в бою, утверждали, что он в это время впадал в настоящее неистовство и мог обратить в бегство целую сотню врагов. Именно такими были одержимые скандинавские воины-берсерки, и враждебно настроенные немецкие авторы называли Влада именно этим словом — правда, в их времена оно уже означало просто безумца.

Боевое крещение при Красне прошло успешно: валашский принц был в первых рядах молдаван, опрокинувших польскую конницу и обративших врага в беспорядочное бегство. В густом лесу длинные кудри модников-шляхтичей застревали в ветвях деревьев, как у библейского Авессалома; молдаване настигали их и рубили. На поле боя осталось больше двух тысяч врагов, а принц Александрел и польский воевода Бучацкий едва сумели спастись. После этого сражения Влада уважали при дворе, но скоро ему пришлось покинуть гостеприимную Сучаву. Новый претендент на

молдавский трон, кузен Богдана Петру Арон, действовал хитрее — в октябре 1451 года его сторонники устроили заговор и убили господаря прямо во дворце. Влад и Стефан, неразлучные, как всегда, сумели прорубиться сквозь толпу врагов, вскочить на коней и выбраться из города. Двое принцев поспешили на запад, в Трансильванию — там Стефан с матерью были радушно приняты Яношем Хуньяди, но Владу теплого приема ждать не стоило. Он нашел приют в Брашове, однако Хуньяди, узнав об этом, потребовал от горожан выслать его:

«Мы не позволяем отправлять армию Венгерского королевства против воеводы Владислава и по возможности ничего против него не предпринимаем. Сейчас же, по нашим донесениям, князь Влад, сын воеводы Дракула, находящийся у вас, очевидно, собирается напасть на воеводу Владислава без нашего ведома и нашей на то воли. Поэтому, если вышеозначенный Влад желает пойти против названного воеводы Владислава, чтобы погубить его и его страну Валахию, то этим письмом мы приказываем вам не давать Владу ни убежища, ни приюта, а наоборот, поймать и изгнать его... Если же Влад захочет вернуться в Молдову, просим вас сделать так, чтобы он добрался туда целым и невредимым под охраной наших людей»^[25].

Из письма видно, что Хуньяди не собирался допускать Влада к власти, но и не желал его гибели, надеясь, очевидно, использовать в своих целях. К тому времени Владислав II начал понемногу склоняться на сторону турок — когда в феврале 1451 года Мехмед II снова занял трон после смерти отца, валашский господарь послал ему богатые дары. Тогда же в Молдове Петру Арона уже сверг тот же Александрел, решивший помириться с Венгрией — вскоре он заключил с Хуньяди договор о «вечном мире», пообещав жениться на его сестре. Не знавший ничего этого Влад думал, что высылка в Молдову означает для него верную смерть. Поэтому в том же феврале он покинул Брашов и бежал на запад. В Сибиу его не пустили, а в окрестностях города, недалеко от Брооса (Орештие), на него напали вооруженные люди. Принцу с несколькими слугами едва удалось отбиться от бандитов; позже он узнал, что их наняли трансильванские дворяне Янош Герерб и Миклош из Окны, служившие Яношу Хуньяди, но имевшие контакты и с воеводой Владиславом II. Влад так и не узнал, кто из них «заказал» его, но теплых чувств ни к одному, ни к другому это ему не прибавило.

Устав убежать, Влад решился на дерзкий поступок — явился прямо к своему гонителю и попросил взять его на службу. Однако Хуньяди предложил ему такую низкую должность, что гордый юноша отказался.

Разгневавшись, правитель силой выслал его в Молдову, к Александрелу. Об этом говорит письмо Хуньяди брашовянам от 30 марта 1453 года: «Поскольку прославленный воевода Влад, сын воеводы Дракула, который жил здесь под нашим покровительством, не захотел исполнить те услуги, каких мы от него потребовали, мы решили изгнать его, но не в вашу страну, а в Молдову, поскольку не хотим, чтобы он угрожал Валахии с вашей территории». Обращает на себя внимание смена акцентов — Влад уже не безвестный беглец, а «прославленный воевода». Хуньяди всё с большим интересом присматривался к дерзкому принцу. Впрочем, в то время его, как и весь христианский мир, куда больше занимали другие события, происходившие совсем недалеко от границ Валахии.

*

Султан Мехмед II, которому было всего 18 лет, не скрывал радости от смерти отца, которого считал слабым правителем за любовь к миру. Греческий историк Михаил Дука писал о Мураде II: «Он был верен сказанному слову, и не только по отношению к людям своей веры: договоры с христианами, заключенные им, никогда не нарушались... Гнев его никогда не был долгим, он не преследовал своих жертв, не желал полного уничтожения ни одному народу. Когда побежденные приходили просить мира, он любезно их принимал, удовлетворял их просьбы и прекращал войну»^[26]. Мехмед был совсем другим: жестоким, мстительным, ни во что не ставившим данные обещания. Любитель вина, женщин и мальчиков, сочинитель лирических стихов, он мечтал войти в историю как величайший завоеватель. За 28 лет его правления ни один год не обошелся без войн.

Первой целью султана стал Константинополь, для захвата которого в начале 1453 года была собрана восьмидесятитысячная армия, в то время как византийский император Константин XI Палеолог располагал только десятью тысячами воинов, включая наемников-европейцев. При осаде турки впервые в истории широко применяли артиллерию — у них было 500 малых пушек, 50 больших и одна гигантская, весившая 19 тонн, из которой стрелял немецкий перебежчик Урбан. Пушечные ядра обрушили давно не ремонтировавшиеся стены города, и на рассвете 29 мая нападавшие с трех сторон ворвались внутрь. Генуэзцы, входившие в войско императора, предали его и сдались туркам на условиях сохранения их торговых привилегий. Константин с несколькими сотнями воинов три часа защищал

западные ворота; в конце концов их окружили и изрубили всех до единого. Императора отыскивали в куче трупов по красным сапогам, которые во всей Византии мог носить только он. Голова его была выставлена у ворот дворца Бу-колеон, где обосновался султан. Мехмед на три дня отдал город на разграбление своим солдатам, но запретил трогать великолепный собор Святой Софии, который велел превратить в мечеть. Многие тысячи горожан были убиты или угнаны в рабство; султану пришлось переселить в свою новую столицу жителей нескольких городов Малой Азии, но еще долго целые кварталы Константинополя, переименованного турками в Стамбул, оставались безлюдными.

Хотя одряхлевшая, запутавшаяся в собственных интригах Византия уже давно балансировала на грани гибели, ее падение вселило страх и растерянность в сердца европейцев. В Риме был объявлен траур; на площадях Вечного города самозванные пророки предсказывали, что Антихрист уже явился и имя ему — Великий Турок, как на Западе называли султана. Итальянские дипломаты доносили из Турции, что Мехмед планирует вслед за «вторым Римом» покорить первый, но другие утверждали, что первым делом он пошлет свою бесчисленную армию на север, против императора Фридриха III, поскольку желает остаться единственным императором в целом мире.

Сильнее других испугался валашский князь Владислав II, отделенный от владений султана лишь непрочной преградой Дуная. Узнав о его тайных переговорах с турками, Хуньяди приказал захватить принадлежавшие Валахии Амлаш и Фэгэраш. Владислав пытался вернуть их силой, но потерпел неудачу. С досады он, как прежде Влад Дракул, запретил использовать в обращении испорченные венгерские монеты, но Хуньяди, двинув на Тырговиште свою армию, заставил его отменить это решение. Положение самого «белого рыцаря» было непрочным: пока он воевал, придворные юного короля Ласло Постума интригами добились его отстранения от должности правителя. Король, которому исполнилось 13 лет, был тяжело болен и почти не покидал дворец своего дяди Фридриха III. В феврале 1453 года Хуньяди смог отвезти его в Буду, короновать там королем Венгрии и разделить власть над страной с графом Ульрихом фон Цилли — своим давним противником и заодно зятем Георгия Бранковича, что добавило еще больше запутанности в австро-венгерские отношения.

Готовясь к новой войне с турками, Хуньяди находился в гораздо худшем положении, чем прежде. Его союз с валашским князем окончательно рухнул. В Молдавии Александрела снова сверг Петру III Арон, заключивший мир с турками. Слабой, но союзной Византии больше

не было, что дало туркам полный контроль над черноморскими проливами, а заодно и над устьем Дуная. В этих условиях нельзя было пренебрегать никакими союзниками, включая и принца Влада. Летом 1455 года Хуньяди представил его королю Ласло как законного претендента на трон Валахии, достойного всяческой поддержки венгров. Проверкой для него стали боевые действия в Сербии, которую все еще пытались захватить османы. В сражениях Владу доверили командование отрядом, набранным из трансильванских валахов. Наблюдая за молодым военачальником, Хуньяди отметил, что он храбр, но слишком порывист и сам кидается в схватку вместо того, чтобы руководить ею из безопасного места. Отвага венгров и валахов оказалась напрасной: старый деспот Георгий Бранкович, за которого они сражались, неожиданно сдался на милость турок. Осенью войска Хуньяди отступили к Белграду — последнему оплоту христиан за Дунаем.

Воюющие стороны долго накапливали силы, и летом следующего года Мехмед II с многотысячным войском (от 70 до 150 тысяч по разным данным) начал решающее наступление на Белград. Его маленький гарнизон под командованием Михая Силади отчаянно сопротивлялся, пока на помощь ему не подоспел из-за Дуная сам Хуньяди с армией в 30 тысяч человек — правда, большую часть ее составляли плохо вооруженные и необученные добровольцы, которых папский легат Джованни Капистрано набрал в Германии и Венгрии. 21 июля турки пошли на штурм, но защитники крепости, вдохновляемые Капистрано, отбили его и на следующий день сами бросились в атаку. Турки, захваченные врасплох в собственном лагере, гибли тысячами; считается, что их потери достигли 24 тысяч человек. Сам султан был ранен в бедро и едва успел отступить от города с остатками армии, потеряв обоз и большинство пушек.

Европа была спасена; от Вены до Лондона звонили колокола, празднуя великую победу. Торжества были омрачены смертью «белого рыцаря» — Хуньяди умер 11 августа от чумы, поразившей лагерь победителей. Незадолго до этого над континентом появилась комета Галлея, которую считали вестницей эпидемий и других несчастий. Но для Влада Дракулы зловещая хвостатая звезда стала символом победы; позже он даже изображал ее на своих монетах, серебряных аспрах.

Дракула не участвовал в обороне Белграда: то ли по собственной инициативе, то ли по приказу Хуньяди он отправился в Трансильванию, чтобы снова побороться за власть. 3 июля старший сын воеводы Ласло Хуньяди написал жителям Брашова, прося у них оружие и солдат, а взамен предлагая прислать им на защиту воеводу Влада, который «будучи в

Венгрии, многое обещал и нам, и нашему королю». Возможно, это письмо привез сам Влад, тут же начавший набирать добровольцев в свой отряд. Ему предстояло сразиться с Владиславом, который не отправился на помощь Хуньяди. Это было понятно в свете ухудшения его отношений с венграми, но почему «белый рыцарь», нуждавшийся в любой помощи, не позвал на подмогу своего нового союзника? Возможно, тот ослушался приказа, решив использовать выпавший ему шанс, но есть и другая версия — Хуньяди опасался, что Владислав вместе с турками ударит на Белград с тыла, поэтому и поручил Владу разрушить этот план.

Собрав силы, Дракула в августе выступил в поход. Его войско состояло из двух тысяч немецких наемников, изгнанников-молдаван во главе с принцем Стефаном и немногих валашских бояр, перешедших на его сторону. Недалеко от столицы состоялось его сражение с дружиной воеводы Владислава — оно было недолгим и закончилось полной победой. Летопись сообщает о том, что 20 августа Владислав «погиб от меча посреди Тыргшора». В этом городе в свое время был убит Мирча; не исключено, что Дракула, захватив в плен убийцу брата, привез его туда и лично обезглавил, а не убил в поединке, как утверждают легенды. Позже он выстроил в Тыргшоре церковь, где торжественно перезахоронил останки Мирчи — надпись, повествующая об этом событии, сохранилась до сих пор. Тело Владислава Дракула разрешил похоронить в церкви Дялу в Тырговиште. Позже один из приближенных возмутился, что враг воеводы лежит в самом центре города, и предложил перенести его на окраину. Дракула, усмехнувшись, ответил: «Пусть все мои враги лежат где угодно — лишь бы я был уверен, что они больше не встанут!»

В конце августа новый господарь торжественно вступил в столицу. Горожане, задавленные податями — им приходилось платить не только князю, но и венграм, а с недавних пор еще и туркам, — ждали изменений к лучшему. Соратники Влада, прошедшие с ним боевой путь, надеялись на награды и должности при дворе. Бояре, хоть и опасавшиеся мести за поддержку Данешти, рассчитывали, что скоро новый князь успокоится и все пойдет по-старому. Как скоро выяснилось, они заблуждались. Началось шестилетнее второе правление Дракулы, когда он совершит всё то, что на века вперед окружит его имя ореолом кровавой славы.

Глава третья

ЦАРСТВО СТРАХА

Практически все авторы, пишущие о Владе Дракуле, пересказывают одни и те же сочинения о нем, относящиеся к своему герою одинаково — то есть крайне враждебно. Чтобы понять, насколько эти источники правдивы, нужно знать, когда, кем и с какой целью они создавались. Самый известный из них — поэма немецкого мейстерзингера (певца-ремесленника) Михаэля Бехайма «Об одном безумце по имени Дракула-воевода Валашский», написанная в 1463 году, когда господарь находился в венгерской тюрьме. Талантливый, но беспутный Бехайм, самый плодовитый немецкий поэт XV столетия, вел жизнь бродяги, скитаясь от одного замка к другому и сочиняя стихи за умеренную плату. В то время он жил в Вене при дворе Габсбургов, в Валахии никогда не бывал и особого интереса к ней не испытывал — поэтому можно не сомневаться, что его поэма была написана по заказу. И притом хорошо оплачена: вскоре поэт вернулся в родной городок Зульцбах, купил там дом, но продолжал вести прежний образ жизни и в 1474 году был убит — то ли в пьяной драке, то ли в отместку за оскорбительные стихи.

С поставленной задачей — приписать Дракуле как можно больше преступлений — Бехайм справился превосходно. Валашский воевода у него совершает все мыслимые зверства, включая те, в которых древние авторы обвиняли совсем других правителей. К примеру, Дракула, по словам поэта, собрал множество нищих будто бы на пир и сжег их, желая избавить страну от бездельников. Но по словам немецких хронистов, это злодеяние еще в XI веке совершил епископ Майнца Гаттон — за что и был ославлен в балладе Роберта Саути, известной у нас в переводе Жуковского. Не заботясь о правдоподобию, поэт создал жуткую картину «ада на земле», в который якобы превратилась Валахия в правление Влада:

*Послам из Семиградья
Валахия была страшна.
Вся в трупах, вся в крови страна.
Послы, на колья глядя,
Их приняли за частый лес,
Как будто больше нет небес.*

*Средь кольев Дракул весел.
Людей варил он, жег, душил,
Он многим черепа крушил,
А скольких он повесил!*^[27]

Бехайм впервые прочитал свою поэму в августе 1463 года при дворе императора Фридриха III в Вене. Похоже, она стала настоящей сенсацией: почти сразу же ее пересказал в своей «Хронике римского царства» придворный историк Томас Эбendorфер, а осенью то же сделал в своих «Комментариях» папа Пий II, который очень интересовался жизнью Дракулы. Чуть позже, около 1470 года, тот же сюжет появился в «Констанцской хронике» Гебхарда Дахера, которая, кроме истории города Констанц, содержала занимательные истории из жизни Германии и сопредельных стран.

Не исключено, что все четыре текста основаны на одном прозаическом документе о злодеяниях валашского князя — он мог попасть в Вену, а оттуда в Рим с венгерским посольством, которое в конце июня прибыло в имперскую столицу для заключения мирного договора. Однако сомнительно, что мейстерзингер, известный своим разгульным образом жизни, сочинил довольно длинную (1070 строк) поэму всего за месяц. Скорее всего, он получил заказ гораздо раньше, сразу после ареста Дракулы, и собирал сведения самостоятельно, из разных источников — причем свидетели преступлений воеводы объявились тут же, будто по заказу.

Самое раннее прозаическое произведение о Дракуле появилось в предыдущем 1462 году в бенедиктинском аббатстве Мельк в Австрии — том самом, что вдохновило Умберто Эко на создание «Имени розы». Эта «бенедиктинская рукопись» дошла до нас в составе нескольких манускриптов XV–XVI веков: самого раннего Ламбахского (утрачен в 1926 году), Санкт-Галленского, Кольмарского и Лондонского. Санкт-Галленский, самый полный из них, содержит 42 эпизода, ставшие основой как для поэмы Бехайма, так и для большинства последующих историй о злодеяниях Дракулы.

Автором рукописи, возможно, был тот самый брат Якоб, который, по словам Бехайма, поведал ему о Дракуле и сам едва не стал в свое время жертвой валашского князя. По всей вероятности, он был монахом маленькой францисканской общины в Тырговиште, которую воевода разогнал, борясь с католическим влиянием. После этого Якоб бежал в

Мельк, где жили и другие беженцы из Валахии. Монах охотно рассказывал про пережитые им и его товарищами ужасы другу-поэту — не исключено, что за кружкой доброго вина. Тогда получается, что именно он, а не венгерские придворные, дал Бехайму основной материал для поэмы. Однако без гонорара практичный мейстерзингер за перо не брался, а стало быть, без венгерского заказа дело все-таки не обошлось.

Вероятно, тот же брат Якоб сообщил информацию брату Иоганну из Медьеша, который в 1477 году внес в «Анналы Мелька» известие о жизни Дракулы и ее финале: «Пойманный, закованный в цепи и потом обращенный в христианство, он был возвращен на трон, а позже убит своими же подданными». Характерный момент — злодейства воеводы часто объясняются тем, что он был «язычником», а обращение в «истинную веру», то есть католичество изменило не только его поступки, но и самую суть.

Вероятно, именно «бенедиктинская рукопись» стала основой отпечатанного в 1463 году в Вене анонимного памфлета «История воеводы Дракулы» (*Die Geschichte Dracole Waide*). В последующие десятилетия, начиная с 1488 года, его много раз — до нас дошло 13 изданий — переиздавали в разных городах Германии — Нюрнберге, Любеке, Гамбурге, Аугсбурге и т. д. Гутенбергов пресс заработал совсем недавно, и эти памфлеты стали первыми произведениями массовой литературы — ими бойко торговали на базарах, как в России лубками. Первый из них выпустил в Нюрнберге печатник Марк Айрер, который в целом повторил издание 1463 года, но выкинул несколько историй и добавил одну новую — о награждении льстивого монаха и казни честного. Историк Матей Казаку связывает появление этой книжки именно в 1488 году с новым заказом короля Матьяша, который в условиях обострившегося противостояния с императором Фридрихом III стремился представить себя защитником христианства и борцом с тиранией.

Все остальные издания повторяют вариант Айрера, кроме трех, воспроизводящих раннюю версию 1463 года. В большинстве изданий, как и в самом первом, на обложке помещен портрет Дракулы, хотя с годами он, как уже говорилось, менялся порой до неузнаваемости. В страсбургском издании (1500) его заменила известная гравюра с Дракулой, пирующим среди своих жертв; еще одно украшено сценой распятия, где валашский князь изображен среди мучителей Христа.

Суть всех памфлетов исчерпывающе отражена в сверхдлинном, как тогда было принято, названии одного из них: «Пугающая история безумца или берсерка по имени Дракула, который отличился своими богомерзкими

делами — убивал людей, сажая их на кол, рубил их в капусту, варил живьем матерей вместе с детьми и заставлял их родственников поедать их». Хотя большинство книжек именуется «Историей», там нет ни связного повествования, ни хронологии — это сборники из 30–35 анекдотов, объединенных фигурой главного героя. Имена и географические названия, которые в «бенедиктинской рукописи» воспроизведены достаточно точно, в памфлетах часто искажаются — их явно писали люди, ничего не знавшие о Валахии и ее жителях. В отличие от Бехайма, они ставили перед собой цель не столько разнести дурную славу о валашском правителе, сколько нажиться на кровавых историях, всегда популярных у публики. Как всякая скоропортящаяся литературная продукция, эти сочинения вскоре были забыты.

А вот второй источник сведений о Дракуле оставался популярным еще долго — во всяком случае, на Руси, где было написано анонимное сочинение «Повесть о Дракуле воеводе». Ее автором большинство ученых считают видного дипломата, дьяка Посольского приказа Федора Курицына^[28], который в 1482 году ездил в Венгрию на переговоры и услышал там множество историй о Дракуле. На обратном пути дьяк заехал в Молдову, чтобы договориться о браке между дочерью господара Стефана и сыном великого князя Ивана III. В Сучаве он пополнил запас знаний о валашском воеводе, а потом был надолго задержан турками в крепости Аккерман (Белгород) — очевидно, там, пользуясь вынужденным досугом, он и записал все услышанное в назидание современникам и потомкам. «Повесть о Дракуле» была закончена в 1486 году, а полтора десятилетия спустя ее автор потерял придворную должность (а возможно, и жизнь), прославив сторонником ереси «жидовствующих».

Вероятно, при венгерском дворе Курицын познакомился не только со страшными историями про Дракулу, но и с их письменным изложением. Но в его сочинении приводятся и уникальные подробности жизни и смерти господара, которые могли сообщить только свидетели. «Повесть о Дракуле» — не историческая хроника, а литературное произведение, хотя в нем отсутствует характерное для той эпохи морализаторство. Это ставило в тупик не только современников, но и Н. М. Карамзина, который в своей «Истории государства Российского» удивлялся: «Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям самим судить о философии Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертью!»^[29]

В отличие от других авторов, Курицын склонен оправдывать поступки Дракулы его заботой о благе государства и его жителей. Издатель и комментатор его сочинения Яков Лурье пишет: «Русская повесть содержит значительно меньше рассказов о бессмысленных жестокостях Дракулы, чем немецкие рассказы, и больше эпизодов, где поведение Дракулы мотивировано, и иногда даже вызывает одобрение»^[30]. Неслучайно в дальнейшем переписчики «Повести о Дракуле» (известно 22 ее списка вплоть до XVIII века) выбрасывали из нее эпизоды, порочащие героя, делая его безусловно положительным. Характерно, что главным грехом воеводы русский автор считает не жестокость, а переход в католичество («прия латыньскую прелесть»). Тут стоит вспомнить, что у румын бытовало поверье: православный, отрекшийся от своей веры, становится после смерти вампиром...

По поводу Дракулы не могли не высказаться и венгры, с которыми он был тесно (часто теснее, чем хотел) связан большую часть жизни. Официальный историограф короля Матьяша Корвина, итальянец Антонио Бонфини, завершил около 1495 года обширное сочинение на латыни под названием «Декады о венгерских делах», где несколько страниц посвящено валашскому господарю. Бонфини хоть и пишет, что Дракула «прославился невиданными жестокостями», но повествует в основном о его войне с турками, с похвалой отзываясь о его храбрости. Нужно иметь в виду, что Бонфини прибыл в Венгрию только в 1485 году, поэтому о Дракуле, как и большинство авторов, судил с чужих слов^[31].

В отличие от него, другой итальянец, папский легат Никколо Макиненсе, епископ Модруссы (ныне город Модруш в Хорватии), побывал весной 1463 года в Венгрии и лично видел валашского князя в темнице. Об этом говорилось в его пространном донесении папе Пию II, сохраненном в архивах Ватикана. В отличие от Бонфини, Макиненсе обличал воеводу не хуже Бехайма, обвиняя его помимо жестокости в «измене христианскому делу» и сговоре с турками. Именно это обвинение — по мнению большинства историков, ложное — привело Дракулу в тюрьму, и можно догадаться, что задача донесения епископа — доказать в глазах папы сомнительную правоту короля Матьяша. Ведь он бросил в темницу не кого-нибудь, а главу соседнего государства, притом своего союзника в войне с «неверными»; для этого требовались веские основания, которые не грех и сфабриковать.

Вот, собственно, и всё. Другие источники или чересчур кратки (это относится к грамотам и письмам самого Дракулы), или посвящены

исключительно войне господря с турками. Среди последних выделяются «Записки янычара», автором которых считают серба Константина Михайловича, много лет прослужившего в турецкой армии^[32]. Он участвовал в походе турок против Дракулы в 1462 году и был свидетелем знаменитой «ночной атаки», в которой предводитель валахов едва не лишил жизни самого султана Мехмеда II. Краткие по-военному записки отражают уважение янычара к сильному и умному противнику. Об этом походе писали также византийские историки Лаоник Халкокондил и Михаил Критовул, в трудах которых явственно проглядывает восхищение дерзостью непокорного воеводы, бросившего вызов могущественному врагу. Сами турки о Тараклу Ифлак-бее, Дракуле Валашском, пишут мало — несколько пассажей в исторических трудах и официальной переписке. О человеке, который переиграл великого Мехмеда Завоевателя в дипломатии и не сдался ему на поле боя, лучше — и безопаснее — было помолчать.

Среди всех этих разноязыких сочинений не звучит голос только тех, кто общался с Дракулой больше всего — самих румын. Исторические сочинения этого периода, как уже говорилось, отсутствуют, а народные предания начали записывать только в XIX веке, когда Румыния стала, наконец, независимой и единой. Первым их стал собирать писатель и фольклорист Петре Испиреску (1830–1887), готовивший большую работу о Дракуле (сохранилась ее вводная часть, изданная посмертно)^[33]. За пределами страны эти предания стали известны только в 1972 году, когда двое историков — румын-эмигрант Радун Флореску и американец Реймонд Макнелли — выпустили в США книгу «В поисках Дракулы». Обобщив все известные свидетельства о валашском господаре, они впервые предъявили миру вместо вампира из романа Стокера реального исторического деятеля с его достоинствами и недостатками. Правда, соавторы не обошлись без саморекламы, претендуя на открытие многих фактов и источников, давным-давно обнаруженных учеными — прежде всего румынскими и русскими. К тому же в их книге хватало ошибок и сомнительных умозаключений, отчасти исправленных в последующих трудах Флореску и Макнелли, на которых базируется вся современная «дракулиана».

Так вот: румынские легенды повторяют многие обвинения в адрес Дракулы, прозвучавшие в сочинениях названных нами авторов. Скорее всего, это означает, что они основаны на фактах — трудно предположить, что неграмотные крестьяне читали на досуге труды Курицына или Бехайма, к тому же написанные на чужом для них языке. Есть, правда, и другое объяснение: страшные истории взяты из фольклора и не относятся к

какому-то реальному правителю, а Дракуле их приписали только потому, что он был самым колоритным валашским князем своего времени. В любом случае, легенды не только осуждают жестокость Дракулы, но и изумляются, почти восторгаются ею, а заодно пытаются оправдать — государственными нуждами или тем, что «с людьми иначе нельзя». Для западного читателя это звучит дико (вот и Флореску с Макнелли возмущаются), а русскому уху слышится что-то давно знакомое. На ум приходят даже не нынешние восхваления сталинского террора, а народные песни о Иване Грозном: в них и ужас, и восхищение, и оправдание преступлений царя-тирана.

Кстати, сам Иван Грозный, усердный читатель, наверняка вдохновлялся «Повестью о Дракуле», подражая описанным там казням и пыткам. И не только он — в 1470 году английский вельможа Джон Типтофт, граф Вустерский, вдруг начал сажать своих крестьян на кол в наказание за разные проступки. До этого он служил дипломатом при папском дворе, где, должно быть, и услышал о Дракуле и его методах наведения порядка. Надо сказать, что развернуться графу не дали — король Генрих VI приговорил любителя экзотики к смерти «за поступки, противные законам нашей страны». Однако и в просвещенном XVIII столетии в Европе находились любители колосажания, в том числе Петр Великий, приказавший посадить на кол среди прочих и любовника своей жены — майора Степана Глебова.

*

Но вернемся к Владу Дракуле, который только еще начинает править своим маленьким государством, зажатым между Карпатами и Дунаем, между венграми и турками.

Порядка нет, казна пуста, княжеская дружина разбежалась, бояре захватывают казенные имения. К тому же Турция, уже оправившаяся от белградского разгрома, готовилась возобновить натиск на румынские земли. В сентябре в Тырговиште прибыли османские послы, доставившие личное послание султана: «Император императоров и царь царей приветствует своего верного вассала Тараклу Ифлак-бея и желает ему здравствовать сто лет...» За шелком этих вкрадчивых речей Дракула давно привык различать сталь угроз. Мехмед требовал подчинения не на словах, а на деле — ежегодной выдачи 10 тысяч золотых, впятеро больше, чем платила соседняя Молдова. Выдвигалось и еще одно условие: пропустить

турецкую армию в Трансильванию, как прежде уже вынужден был сделать Влад Дракул.

Об этих требованиях Влад написал 10 сентября 1456 года тревожное письмо городскому совету Брашова:

«Мои искренне любимые родичи, друзья и соседи! Сообщаю вам, как делал и прежде, что к нам прибыл посланец из турецкой земли. Вам надлежит помнить и держать в уме прежние наши договоренности о мире и братстве; всего обещанного тогда мы искренне намерены придерживаться и впредь. Заботясь и трудясь ради своего блага, мы намерены еще более трудиться ради вашего блага. Ныне время и назначенный час, о котором говорилось, настали: турки намерены взвалить на наши плечи тяжкое, почти невыносимое бремя; и бремя это они хотят наложить не только на нас, но и на вас, чтобы показать наше бессилие. Относительно наших дел мы еще можем примириться с турецкими условиями, но не относительно ваших, ибо турки требуют, чтобы мы пропустили их через нашу страну, чтобы они могли захватить и разорить вашу. Вдобавок они заставляют нас выступить против католической веры и ваших порядков. Мы менее всего желаем делать вам что-либо плохое, как уже говорили вам, обещая быть вашими преданными друзьями и братьями. Поэтому мы задержали турецкого посланца до тех пор, пока не сообщим эту новость вам.

Вы знаете, что если правящий государь силен и могуществен, он может вести дела так, как пожелает, но если он слаб, то другой, более сильный, выступит против него и сделает с ним всё, что ему угодно. По этой причине мы просим вас сразу по прочтении этого письма прислать нам ради нашей и вашей пользы двести, сто или хотя бы пятьдесят воинов не позже следующего воскресенья. Когда турки увидят силы венгров, они умерят свои притязания, а мы скажем им, что следом идет большое войско. И так мы сможем уладить наши и ваши дела наилучшим образом, пока не получим распоряжения от его величества короля. Как я уже говорил, прошу вас поспешить ради вашей и нашей защиты, ибо Бог видит, что мы заботимся о ваших мире и безопасности так же, как и о своих. Вы должны знать, что мы и все наши люди настроены к вам дружески, хотя есть у вас те, кто думает о нас плохо и злоумышляет против нас. Вы должны бороться с этими людьми, как мы боремся с вашими врагами, и делать для нас то, что мы делаем для вас. Тырговиште, пятница после дня святой Марии, год Господа нашего 1456-й.

Влад, князь Валахии и правитель Фэгэраша, ваш брат и друг во всем»^[34].

Брашов и Сибиу были не только богаче и многолюднее других

трансильванских городов, но и находились ближе всего к Валахии. Многие валахи уезжали туда на заработки, тамошние купцы ездили на юг торговать, и Влад был вправе рассчитывать на помощь соседей. Однако у саксов не было доверия к валашскому князю: они помнили, что его отец позволил туркам разорить Трансильванию и сам участвовал (пусть и не слишком активно) в их набеге. Вдобавок они всегда относились к валахам и молдаванам свысока, считая их людьми второго сорта и соглашаясь помогать им только за деньги. Их давней практикой было держать у себя знатных беглецов из Валахии в качестве рычага давления на господарей. Говоря о «злоумышленниках», Влад имел в виду как раз такого беглеца — брата убитого им Владислава Дана III, окопавшегося в Брашове. Он, выросший среди саксов и хорошо знакомый им, был для них более удобным кандидатом на трон, чем Дракула, помогать которому они не собирались — во всяком случае без прямого приказа их сюзерена, короля Венгрии.

Но надежды на такой приказ было мало: юный король Ласло V страдал смертельным недугом (судя по симптомам, лейкемией), и у его ложа дрались за власть феодальные кланы. Сын Яноша Хуньяди Ласло подстроил убийство своего соперника Ульриха фон Цилли, став после этого новым наместником королевства. Вскоре, в декабре 1456 года, в письме брашовянам он неожиданно потребовал поддержать Дана III Данешти, в борьбе за валашский трон: «Будучи в изгнании, Влад, принц Валашский, давал нам и нашему господину королю много обещаний. Однако с тех пор, как он вернулся в свою страну, он стал причиной множества проблем и наверняка доставит новые неприятности, забыв про обещание хранить верность нам и нашему господину королю... Посему мы просим вас, наших добрых и преданных друзей, ради нашего общего блага предоставить воеводе Дану всю необходимую помощь и поддержку». Вероятно, причиной резкого охлаждения отношений с венграми стало требование Влада вернуть ему графства Амлаш и Фэгэраш, отнятые Яношем Хуньяди. И не просто требование — посланные князем воины выгнали из города венгерских чиновников.

Дракула ждал мести прежнего покровителя, однако в марте 1457 года ситуация разрешилась — разгневанный убийством Цилли король Ласло V приказал обезглавить Ласло Хуньяди. Другого сына покойного «белого рыцаря», Матьяша по прозвищу Корвин («ворон»), король увез с собой в Прагу и там бросил в тюрьму, однако венгерские дворяне требовали освободить его и возвести на трон, чтобы не допустить к власти Габсбургов. Дядя Матьяша Михай Силади даже поднял в Трансильвании

восстание против короля. В бурных, доходивших до сабельных схваток, спорах между сторонниками разных партий венгры начисто забыли о Валахии. Но воевода не радовался: это означало, что он лишился своего главного союзника против турок. Не стоило надеяться и на помощь трансильванцев, даже не отвечавших на его письма. Вдобавок они приютили у себя не только Дана Данешти, но и другого претендента — сводного брата Дракулы Влада Монаха, который сбежал из монастыря, чтобы попытаться силы в борьбе за власть. Расчетливые саксы решили, что беглые принцы будут неплохим орудием для давления на Дракулу.

У них были причины обижаться на нового господаря: к примеру, сразу после прихода к власти он начал выпускать свои монеты, в которых было куда больше серебра, чем в обесценившихся венгерских. На аверсе этих монет изображались сначала хвостатая комета, потом валашский герб, орел с крестом. На реверсе — герб самого Дракулы, где справа были красно-белые полосы, а слева — месяц и звезда, окруженные надписью «*Io Vlad Voivod*». Это нарушало как условия договора с брашовянами, так и вассальные обязательства, по которым Валахия не могла чеканить монеты без разрешения венгерского короля. Кстати, Дракула стал последним валашским государем, чеканившим собственные деньги — после него страна окончательно перешла на иноземные, прежде всего турецкие, монеты, которые использовались вплоть до XIX века.

Отказ от венгерских монет больно бил по карману трансильванцев, и они тут же пошли на ответные меры: запретили под угрозой смерти вывоз серебра в Валахию (своего там, напомним, не было), а заодно в нарушение договора перестали пускать валашских купцов на свои рынки. Они и прежде торговали на валашских рынках беспошлинно, а с приезжающих к ним румынских торговцев драли три шкуры на таможне в том самом замке Бран, что сегодня фигурирует в путеводителях, как «замок Дракулы».

Господарь был твердо намерен разобраться с наглецами, но сначала надо было обезопасить себя от вторжения турок. Он принял все их условия и летом того же года лично отвез валашскую дань в Константинополь ко двору султана, за что был награжден подарками. С тех пор это повторялось три или четыре года, и турецкий хронист Турсун-бег писал: «Каждый год он лично приезжал ко двору с данью и богатыми дарами, выражая свою покорность лобызанием подножия трона. Падишах же вознаграждал его всеми милостями, вручая расшитые халаты, красные кафтаны, шитые золотом меховые шапки и милостиво позволяя вернуться в свою страну»^[35]. Вряд ли Дракула радовался, получая эти подарки вместо так необходимого его стране золота. Но турецкую одежду носил: на портретах

он запечатлен в том самом или похожем красном кафтане.

Он сознавал, что не смог бы захватить власть без помощи принца Стефана и его молдаван. Теперь пришла пора отдать долги — и заодно обзавестись первым влиятельным союзником. Всю зиму Влад и Стефан собирали силы для похода, и в марте 1457 года принц двинулся на родину с шеститысячным войском валахов и молдавских изгнанников. Господарь Петр Арон с наспех созванной дружиной встретил их у ручья Хряска к югу от Сучавы. Сражение было недолгим — Петра не любили за скупость и угодничество перед турками и драться за него не хотели. С кучкой сторонников он бежал в Польшу, а Стефан торжественно въехал в столицу на белом коне под звон колоколов и крики: «Здравствуй вечно, наш государь!»

Стефану, Штефану чел Маре, суждено было править 47 лет — дольше всех правителей Молдовы, — сразиться в 47 битвах и возвести 47 храмов и монастырей. Он вошел в историю со званиями Великого и Святого, хотя крови пролил не меньше, чем его ославленный в веках друг Влад. Молдавско-немецкая летопись сообщает, например, что в 1470 году «Стефан пошел к Брэиле в Мунтении и пролил много крови и сжег торг; и не оставил в живых даже ребенка в чреве матери, а распарывал животы беременных и вешал младенцев им на шею»^[36]. Сажание на кол тоже было для него привычным делом; та же летопись под 1473 годом сообщает о расправе Стефана с пленными турками: «Велел сажать их на колья крестообразно через пупок, всего 2300; и был занят этим два дня». Турками дело не ограничивалось: сразу после прихода к власти Стефан велел посадить на кол 60 бояр, обвинив их в убийстве своего отца. Так что, похоже, Дракула в своей любви к колосажанию был совсем не уникален.

Дружба государей Молдовы и Валахии продлилась недолго, но пока союз двух княжеств решено было скрепить брачными узами. Скоро Стефан выдал за Влада свою родственницу — быть может, она полюбилась изгнаннику еще в те дни, когда он гостил при дворе господаря Богдана. Как звали эту первую жену Дракулы, мы точно не знаем. Романисты называют ее то Лидией, то Еленой, то Снежаной; есть версия, что она была не принцессой из рода Мушатов, а дочкой валашского боярина или трансильванского купца. Враждебно настроенные современники считали ее не женой, а любовницей воеводы, которую он прятал от людей, стыдясь ее низкого происхождения. Однако фольклор упрямо именует ее *doamna*, «государыня» — это звание могло принадлежать только законной жене правителя.

Редкое для Румынии сербское имя Снежана и правда встречается в

генеалогии молдавских князей: так звали младшую дочь господаря Александру Доброго, которая была ровесницей Влада, но при этом приходилась ему теткой по матери. В Западной Европе вступать в брак при таком родстве было строго запрещено, а в Восточной — вполне допустимо. Но кем бы ни была жена Дракулы, довольно скоро, около 1458 года, она подарила супругу сына, которого окрестили Михаилом, но звали попростому Михня. Архангел Михаил считался святым покровителем Влада, из чего можно сделать вывод, что воевода родился в его праздник, отмечающийся 21 ноября (ряд румынских ученых так и считает, хотя доказательств этого нет). Не исключено, однако, что князь-воин просто «присвоил» себе в покровители главу небесного воинства, самонадеянно претендуя на такое же первенство среди воинств земных.

*

Но женитьба и рождение сына были позже, а пока, лишившись союзников-молдаван, Влад остался почти в одиночестве. Дворец в Тырговиште казался ему ловушкой, где его в любой момент могли ждать удар кинжалом из-за угла или яд в кубке с вином. Бояре держались чванливо, всем видом показывая, что настоящие хозяева Валахии — именно они. За долгие годы княжеских междоусобиц они привыкли мгновенно пристраиваться к берущему верх претенденту, получая за это новые земли и должности, чтобы вскоре предать его при следующей смене власти. Влад тоже признали быстро: первыми это сделали главный советник Владислава Маня Удриште, логофет (канцлер) Казан, сын Сахака, и пожилой немец Леонард, бывший секретарем у четырех князей и обладавший большим влиянием.

Неизбежно возник вопрос: тот ли человек Влад, за кого себя выдает? Его не было на родине 12 лет, не считая краткого пребывания у власти в 1448-м, и узнать его могли только немногие соратники отца. Саксонец Георг Рейхершторфер в XVI веке писал о странном обычае, позволявшем узнать наследника в румынских княжествах: «Когда рождается наследник, ему на теле ставят отметку раскаленным железом в виде специального знака, чтобы, когда он вырастет, его легко можно было узнать». Рисунок этого знака — видимо, татуировки, — держали в тайне, чтобы его нельзя было подделать, но о нем говорит народная баллада: он, как и герб Румынии, включал в себя древние символы даков — луну, солнце и две звезды. Скорее всего, такой знак был и у Дракулы, так что сомнения в его

происхождении быстро исчезли.

Теперь началась подготовка к коронации, которая проходила в архиепископской церкви в Куртя-де-Арджеш, построенной отцом Дракулы. На ее привратной башне он укрепил свою эмблему — резное изображение дракона. Состоявшаяся в октябре или начале ноября 1456 года коронация проходила по старинному византийскому обряду, описание которого сохранилось в митрополичьем манускрипте 1705 года. Сначала собравшиеся бояре, воины и простой народ вышли из церкви к помосту, с которого митрополит объявил им: «Воевода Владислав умер! Кого вы хотите вместо него?» Все закричали: «Никого, кроме Влада, сына воеводы Влада!» После этого все вернулись в церковь во главе с новым князем, который преклонил колена перед алтарем и митрополит совершил над ним ритуал миропомазания. Священное миро для церемонии доставлялось из Константинополя и готовилось из смеси оливкового масла, бальзама и более чем тридцати благовоний.

Вслед за этим новый воевода трижды входил в алтарь и выходил из него, и каждый раз митрополит, священники и все собравшиеся пели ему «Аксиос» — «Достоин есть!». После этого его облачили в парадное одеяние, надели на голову золотую корону и вручили символы власти — знамя, скипетр (буздуган), меч и копье. Затем он сел на трон, и все присутствующие, начиная с митрополита, подошли поцеловать ему правую руку. День закончился пиром, а наутро во дворе той же церкви князь принимал от всех пришедших присягу на кресте и Евангелии. Часто это была уже вторая присяга — первую господарь, едва захватив власть, наспех принимал от придворных и «старших бояр», чтобы хотя бы теоретически избежать предательства с их стороны. Дракула так и сделал в 1448 году, но провести коронацию не успел. Теперь он почувствовал себя, наконец, полноправным господарем и мог править страной — конечно, с одобрения бояр, как все его предшественники.

До нас дошли четыре грамоты Государственного совета за 1457–1461 годы со списками их участников — ценнейшие документы, позволяющие судить о расстановке сил в валашской элите. Тем более что имена в списках расставлялись не по рангу, а по реальному месту бояр в системе власти. Правда, есть предположение, что списки эти неполные: в них всего по 10–12 имен, хотя позже в заседаниях Госсовета участвовали 30–40 человек, включая представителей высшего духовенства, чьи имена в грамотах времен Дракулы отсутствуют вовсе. Возможно, тогда господарь для экономии времени собирал не большой совет, а более узкий, куда входили только самые влиятельные сановники.

В списке совета 16 апреля 1457 года первые места занимают советники прежнего господаря Владислава, — «большие бояре» Маня Удриште, Драгомир и Кодря. Появление их на вершине власти было связано с переворотом 1446 года, стоившим жизни отцу и брату Дракулы, и тот не собирался этого прощать. Из списков следующего совета, состоявшегося 5 марта 1458 года, все трое исчезли. Зато появились новые лица — комис Гергина, пахарник Стойка и страторник Петру, из которых Гергина сохранял высокое положение до конца правления воеводы, а вот двое других быстро исчезли. Некоторые участники Госсовета 1457 года сохранили и даже упрочили свое положение: к ним относились Войко Добрица, Казан, сын Сахака, Стан, сын Негре, и особенно Иова, который из конца списка перекочевал в начало, заняв важный пост вистерника.

Здесь необходимо объяснить, что означают эти загадочно звучащие термины, большинство которых пришли в румынский язык из греческого. Логофет был главой княжеской канцелярии, отвечавшим за составление, отправку и хранение всех важных документов. Ворник, изначально «дворник» или министр двора, отвечал за безопасность и благополучие дворца и всей столицы, где исполнял также роль главного судьи. Спэтар (от греческого «спафарий») был командующим конницей, а часто и всей армией; когда помимо «малого войска» созывалось «большое», для управления ими назначались два спэтара. Стольник при валашском дворе делал то же, что и при русском — обеспечивал князя и его придворных питанием, а иногда сам пробовал готовые блюда. Пахарник (кравчий) отвечал за поставку ко двору вин и других напитков.

Важное положение занимал вистерник или казначей: он контролировал доходы и расходы казны, сбор налогов, а также поставку одежды, мехов и обуви для княжеского гардероба. Страторник или постелник, как и русский постельничий, отвечал за состояние жилых помещений князя во дворце и в разъездах. Комис или конюший занимался конным парком князя и придворных, следя, чтобы для них всегда были наготове свежие лошади; он также ведал доставкой срочных сообщений и дани туркам. Еще три категории чиновников не входили в Госсовет: это были пыркэлабы — военные губернаторы столицы и других укрепленных городов, — грэмэтики (секретари) и, наконец, армаши, отвечавшие за исполнение приговоров, в том числе сажание на кол. К этим категориям принадлежали не бояре, а представители других сословий, для которых усердная служба была единственным способом выбиться в люди. Именно они были самыми усердными и нерассуждающими исполнителями приказов господаря, его глазами и руками. По мнению Р. Флореску и Р.

Макнелли, среди них было много иноземцев — венгров, сербов, цыган, даже турок и татар. Это вполне вероятно: не имея в Валахии родни и друзей, они не знали никакой жалости к ее жителям. Можно вспомнить, что и среди опричников Ивана Грозного было немало иноземцев.

На первых порах Дракуле пришлось мириться с властью «больших бояр» — прежде всего Мани Удриште и его сына Драгомира (которого не следует путать с верным соратником воеводы Драгомиром Цакалом). Старый Удриште заседал в Госсовете с 1432 года и имел большие владения недалеко от столицы, в долине Праховы. Тогда же начал свою придворную карьеру Казан, сын Сахака — потомок армянского рода, служивший канцлером при Александру Алде. Ему, одному из немногих, удалось пережить политические бури времен Дракулы и его преемников и досидеть в Госсовете до 1478 года.

На Госсовете, состоявшемся 20 сентября 1459 года, произошли новые изменения: в первых строках списка появились жупан Стефан Туркул (Турок) и некий Братул, стольником вместо Буды стал Токсаба, а недавно назначенные Гергина и Стойка перекочевали из начала списка в самый его конец. Следующий Госсовет 10 февраля 1461 года отмечен дальнейшим обновлением состава: ворником вместо Стана Негре стал жупан Галеш, спэтаром — Бурю, а стольником — Линарт. Первые позиции по-прежнему занимали Войко Добрица и логофет Казан Сахак; кроме них, с 1457 года в Госсовете остался только вистерник Иова. Конечно, это не значит, что все исчезнувшие из списка были посажены на кол; их могли просто лишить должности и отправить «на пенсию», то есть в родовые поместья. Были и случаи возвращения из политического небытия: например, боярин Опря, занимавший в 1457 году важнейший пост логофета, в следующем году не участвовал в совете, но потом появился снова, уже как пахарник.

Надо сказать, что с самого начала Дракуле покорились не все «большие бояре» — некоторые, особенно близкие к его предшественнику, предпочли бежать в Брашов и другие саксонские города, куда заранее успевали перевести накопления. Это, например, произошло с Михаем, занимавшим при Владиславе должность логофета. Дракула не раз обращался к брашовянам, требуя его выдачи, но в итоге изгнанник погиб от рук убийцы или в бою при очередной попытке свергнуть Влада. В 1460 году король Матьяш Корвин велел городскому совету Брашова передать имущество Михая — вероятно, немалое — в венгерскую казну. Еще одним беглецом стал Пахуля или Пахом, вистерник Владислава — он увез в Брашов чуть ли не всю валашскую казну, сильно затруднив этим дела господаря.

Но и те бояре, что остались при дворе, не проявляли особого почтения к новому князю. Шпионы, которые уже завелись у Дракулы, передавали их слова, сказанные без особой оглядки: «Если змееныш покусится на наши права, с ним будет то же, что с его драконьей породой — отцом и братом». Слыша это, Дракула до крови кусал губы: сразу после прихода к власти он велел вскрыть могилу Мирчи в Тыргшоре и убедился, что тот, во-первых, был ослеплен — кости пустых глазниц еще хранили следы огня, — а во-вторых, перевернулся в гробу, что доказывало ужасный факт погребения заживо.

Влад умел хитрить и выжидать: внешне смиряясь, он готовил удар — и нанес его. Пасха в 1457 году пришлась на 17 апреля, и похоже, что именно в этот день случилось первое из легендарных кровопролитий Дракулы. По давней традиции, господарь пригласил на праздничный пир во дворец знатнейших бояр со всей страны вместе с их семьями. Р. Флореску и Р. Макнелли так описывают это впечатляющее зрелище: «Некоторые бояре нарядились по обычаю венгерской или центральноевропейской знати, другие предпочитали более пышный византийский стиль. Купцы и ремесленники были одеты проще, некоторые из них носили крестьянское платье, почти не изменившееся до наших дней. Многие мужчины были в дакийских костюмах: вышитая рубашка, штаны с широким кожаным поясом, расшитый узорами жилет с шерстяной подкладкой и мягкие кожаные туфли. Боярские жены собрались в небольшие кружки в соответствии с их рангом или придворными должностями, усевшись на принесенных с собой персидских коврах. Цыгане-скрипачи играли вовсю, развлекая собравшихся»^[37].

Бояре и все прочие увлеченно пировали за длинными столами, ломаясь от снеди, осушая кубок за кубком; часа через два те, кто постарше, уже клевали носом, а молодежь закружилась в танце. Никто не обращал особого внимания на молодого князя, который почти не появлялся за столом — все больше мелькал по краям двора, на котором были накрыты столы, отдавая какие-то приказы своим людям. Потом внезапно он вышел в центр и попросил слова. Все ждали, что он произнесет еще один веселый тост — их в тот день прозвучало немало, — но он вдруг стал спрашивать бояр, скольких господарей они помнят на своем веку. Оказалось, что даже самые молодые пережили не меньше семи, а старики — целых два десятка. В самом деле, за полвека в Валахии сменилось 22 правителя — учитывая, что многие правили по несколько раз. Дракула вкрадчиво спросил, почему же их было так много. Бояре разошлись во мнениях: одни уклончиво говорили «так уж сложилось», другие замечали, что многочисленные

отпрыски рода Басарабов никак не могут поделить власть. Слушая это, Влад хмурился все больше и наконец в гневе воскликнул: «Нет, это вы виноваты! Вы лишаете власти любого, кто мешает вам грабить страну. Вы изгнали из Валахии закон и порядок, из-за вас ее считают гнездом разбойников. И вы ответите за этот позор!»

О том, что было дальше, легенды говорят по-разному. Бехайм уверял, что всех присутствующих, а именно пять сотен человек, тут же посадили на кол:

*Рек Дракул: «А по чьей вине
сменилось в бедной сей стране
властителей так много,
как это было до сих пор?
За этот гибельный позор
судить вас нужно строго».
Старейших и юнейших,
всех без изъятия осудил;
на колья Дракул посадил
пятьсот мужей знатнейших.*

Румынские предания же утверждают, что воевода заставил вызвавших его гнев бояр строить крепость Поенари: «Захотелось Воде Цепешу иметь крепость на вершине горы. Так и сделали и назвали эту крепость Поенары. В тот день, когда началось строительство крепости, царские слуги приводили группами всех схваченных на качелях в день пасхи и заставляли их работать. Все были разодеты в новую и чистую одежду, как и полагалось на пасху. Можно было видеть рядом со стариком девушку, а возле тетушки мальчугана. Мужья с женами и детьми таскали известку, кирпичи, камни. Слугам дела не было до того, кто кем был, всех заставляли работать, всех щекотали розгами. Кормили их так, что только душа держалась в теле. Никто не ушел оттуда, пока не построили крепость. И никто не сменил одежду. Когда их отпустили, больно было смотреть на них. Одежда изнасилась, и все вернулись домой оборванные и ободранные, в страшном виде — наполовину голые и наполовину одетые»^[38].

Историк XVIII века Константин Кантакузин писал: «Воевода Влад построил замок Поенари и святой монастырь Снагов. Он также наказал жителей Тырговиште, узнав, что бояре в этом городе закопали живьем его брата. На Пасху, когда все они веселились и плясали, он схватил их без

всякого предупреждения. И всех стариков города он посадил на кол, а молодых вместе с женами и детьми, мальчиками и девочками, отправил в Поенари прямо в праздничной одежде, и они работали там, пока одежда на них не истлела, а от них самих не остались кожа до кости. По этой причине его прозвали Цепелуш»^[39].

Кантакузин перепутал Цепеша и Цепелуша; второе прозвище, означающее «маленький колосажатель», носил Басараб IV, представитель рода Данешти, недолго правивший Валахией после гибели Влада. Он также преувеличил размах репрессий: никто из современников не утверждал, что воевода покарал всех жителей столицы, речь шла только о боярах и их семьях. Но другое сообщение историка может быть правдой — Дракула наказал бояр не за слишком хорошую память, а за причастность к смерти его любимого старшего брата. Это обвинение господарь и бросил застигнутым врасплох боярам перед тем, как его воины окружили их и, тыча в спину древками копий, погнали за 70 километров от столицы, к подножию Карпат.

Там, согласно легенде, воевода обратился к толпе измученных пленников — возможно, их и правда было пятьсот, как пишет Бехайм, — с речью: «Бояре, боярыни и дети боярские! Дела ваши заслуживают казни, но я помилую вас, если за год, к следующей Пасхе, вон на той скале, где сейчас нет ничего, кроме орлиных гнезд, появится крепость с крепкими стенами и башнями. Запомните это и принимайтесь за работу!» Делать нечего — пришлось боярам, сгибаясь под тяжкой ношей, таскать в гору кирпичи и камни, складывать стены, прорубать бойницы. Жили они в землянках у подножия горы, кормили их впроголодь и охраняли так зорко, что за весь год ни один человек не смог убежать. Многие сорвались с горных круч, став поживой для волков и стервятников, многие умерли от непосильного труда. Но через год на назначенном месте возвышалась грозная крепость. Всех бояр, доживших до завершения работы, господарь отпустил восвояси — он был человеком слова.

Крепость Поенари — точнее, ее развалины — до сих пор возвышается на крутом утесе над рекой Арджеш. На самом деле ее выстроили еще в XIV веке при господаре Раду Негру, но Дракула заново отстроил ее и считал своим оплотом. Следы его работы хорошо видны — если основа крепости выстроена из камня, то остальная часть сложена из красного кирпича, остатки печей для обжига которого еще сохранились у подножия горы. Из пяти крепостных башен уцелели две, включая главную, поднимающуюся на высоту 10 метров. Местные жители утверждают, что из крепости в пещеры под ней ведет подземный ход — по нему воевода бежал от турок, о

чем будет сказано в свой черед. Таких пещер в крутом склоне Арджеша несколько; одну из них называют «Пивницей», уверяя, что в ней Дракула всегда держал запас вина.

Крепость почти неприступна — сегодня к ней можно подняться по 1480 деревянным ступенькам, но остается загадкой, как наверх поднимали материалы для строительства. В окрестностях до сих пор живут легенды о сооружении Поенари — в том числе популярная баллада о мастере Маноле, которому дьявол пообещал помочь в постройке крепости, если мастер принесет ему в жертву — замурует в стену — первого человека, который подойдет к лагерю строителей. Конечно же, это оказалась жена Маноле, которая несла мужу завтрак. Правда, этот случай относят также к строительству старинной Епископской церкви в Куртя-де-Арджеш и других известных сооружений. И вообще мастер, продавший душу дьяволу ради создания шедевра и жестоко поплатившийся за это — слишком известный фольклорный сюжет, чтобы привязать его к Поенари.

*

Многое в истории «кровавой Пасхи» 1457 года вызывает сомнения, начиная с ее даты — часть историков переносит это событие на год 1459-й. Для этого есть причины: только что придя к власти, еще не завоевав сторонников, Дракула вряд ли мог решиться на массовые репрессии. С другой стороны, он всегда показывал себя приверженцем нестандартных решений, которые нередко оказывались самыми эффективными. Перед его глазами стояли два примера; первым был его добрый молдавский дядя Богдан, который оставил при дворе бояр, близких к его сопернику, и поплатился за это жизнью. Второй — турецкие султаны, которые при восшествии на престол убивали всех своих братьев, а провинившихся придворных без суда и следствия отправляли на плаху или, ослепив, бросали до конца жизни в каменный мешок. Второй пример, хоть и далекий от христианского милосердия, нравился Владу гораздо больше. Поэтому он вполне мог одним ударом обезглавить боярскую оппозицию — да так жестоко, чтобы надолго отбить у нее охоту устраивать заговоры. Скорее всего, именно тогда закончили свою жизнь «большой боярин» Маня Удриште и ворник Кодря, как и другие участники заговора против Влада Дракула.

Конечно, сажание на кол было самым впечатляющим способом казни, способным устроить всех потенциальных врагов. Эта страшная кара

давно вышла из употребления, но суть ее хорошо известна. Казнимого связывали и валили на землю, вставляя ему в задний проход длинный заостренный кол, смазанный маслом для лучшей проходимости. Потом кол поднимали и устанавливали вертикально, человек под тяжестью собственного веса насаживался на него все глубже и умирал мучительной смертью от разрыва внутренних органов. Вся операция была длительной и сложной — чтобы посадить на кол одного человека, требовалось семь-восемь других людей и не менее получаса времени. К тому же было очень мало «специалистов», способных ввести кол так, чтобы человек не умер сразу — это лишило бы смысла все усилия, поскольку главной целью колосаждения всегда было устрашение. Впервые эта казнь зафиксирована еще в Древнем Египте и на протяжении веков практиковалась во многих странах Старого и Нового Света. Но в Валахии ее прежде не знали, поэтому произведенный ею эффект был особенно сильным.

У колосаждения было несколько особенностей, которые делали его особенно страшным для жертв. Многие средневековые казни были чрезвычайно мучительными, но сажание на кол и среди них выделялось своей длительностью — с ним могло сравниться только распятие, которое в Европе не применялось из-за связи с крестными муками Христа. Страдания казнимого могли продолжаться несколько дней, причем они были не только физическими. Колосаждение (как и распятие в древнем мире) считалось позорным, рабским видом казни, и человек знатный страдал вдвойне, когда оно применялось к нему. Страдал от унижения, от насмешек толпы, от публичного обнажения, которое тогда было совершенно недопустимым. Известно, что Дракула запрещал убирать трупы казненных в течение многих месяцев. Похоже, их и потом не хоронили — не только из страха, но и потому, что оставшееся на колах мало годилось для христианского погребения. По тогдашним поверьям, душа, не нашедшая покоя, была обречена вечно скитаться по земле. Такое дополнение прижизненных мук посмертными заставляло даже самых мужественных людей дрожать при мысли о том, что их могут посадить на кол.

Не исключено, правда, что в начале своего правления Влад еще не применял этот вид казни. Об этом говорит весьма интересный документ — письмо валашского ворника (министра двора) Нягу городскому совету Брашова, написанное летом 1459 года: «Помните ли вы, кто начал первым сажать на кол? Наши изгнанники и вы, принявшие сторону Дана. Только после этого воевода Влад разгневался и принес вам много зла, сажая на кол людей и сжигая дома». Быть может, это правда — как уже говорилось, в Трансильвании сажание на кол было обычным делом, и его могли перенять

валашские беженцы во главе с Даном III, а потом и их враг Дракула. Вполне возможно, что на «кровавую Пасху» старших бояр не сажали на кол, а прикончили более простым способом — что обеспечило нужную господарю быстроту и внезапность. Только потом, прочно утвердившись на троне, он смог осуществлять масштабные, тщательно разработанные церемонии казни, наподобие тех, о которых с ужасом писали западные дипломаты при дворе Ивана IV.

По многим свидетельствам, Дракула проявлял в колосажании удивительную изобретательность. Он использовал колы разной высоты, цвета и формы в зависимости от статуса жертвы. Расставлял их в виде геометрических фигур, на которые любовался сверху, с вершины холма или башни. Велел втыкать кол в разные точки тела — в живот, грудь, промежность. Женщинам «из милости» кол вводили во влагалище, и они уже через несколько часов умирали от кровопотери в страшных мучениях. В обычае были коллективные казни, когда подлинных или мнимых врагов господаря сажали на кол целыми семьями от мала до велика, и они испытывали дополнительные страдания, видя муки своих ближних. При этом чаще использовались не острые колы, а тупые, которые продлевали агонию. Иногда на колу устанавливалась горизонтальная перекладина, которая не давала телу сползать слишком низко, чтобы кол не дошел до сердца и других жизненно важных органов. В этом случае смерть наступала не от увечий, а от жажды, голода, жары и укусов мух, которые целыми тучами вились над местом казни. Обычно жертвам связывали руки, что делало их легкой добычей не только насекомых, но и ворон, которые стаями слетались на место казни и первым делом выклевывали своим жертвам глаза. Методы колосажания тоже были разными: иногда кол забивали в задний проход деревянной кувалдой (как описано в романе Иво Андрича «Мост на Дрине»), а иногда люди или лошади тянули лежащего человека за ноги, постепенно насаживая его на острие.

Из страшных историй о Дракуле можно заключить, что он хватал и сажал на кол всех подряд. На самом деле его жертвами становились в основном три категории людей: 1) политические противники, 2) иностранцы и иноверцы, 3) те, кто, по его мнению, нарушал закон и нормы поведения. В вину валашскому господарю можно поставить прежде всего то, что нарушение закона он понимал чересчур широко и карал за него чересчур свирепо, проявляя при этом чернейший юмор — русская повесть недаром называет его «зломудрым», то есть изобретательным во зле (тот же эпитет нередко применялся к дьяволу). Вот отрывок из немецкого памфлета: «Увидев работника в короткой рубашке, он спросил его: «Есть ли

у тебя жена?» Тот ответил: «Да». И Дракула сказал: «Приведи ее сюда ко мне». Потом он спросил ее: «Что ты делаешь дома?» Она сказала: «Я стираю, готовлю, пряду шерсть и прочее». Он же велел посадить ее на кол за то, что она не сделала мужу рубаху подлиннее, чтобы не был виден его срам. Дракула тотчас дал работнику другую жену, приказав ей сшить ему длинную рубаху, иначе она тоже будет посажена на кол»^[40].

В другом варианте истории рубаха была просто рваной, что делало вину нерадивой хозяйки более наглядной. Вот как обыграл этот сюжет Федор Курицын: «Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?» — «Да, государь». — отвечал тот. Дракула повелел: «Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть». И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: «Разве ты не сеял льна?» Он же отвечал: «Много льна у меня, господин». И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: «Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить мужу нарядные и красивые одежды; ты же и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват». И приказал ей отрубить руки и труп ее посадить на кол»^[41]. Румынское предание завершает историю моралью: «Хорошо, что в наши дни не княжит какой-нибудь Цепеш! Большой понадобился бы расход колов, чтобы избавить мир от лентяек, зря топчущих землю».

У разных авторов повторяется и другая история: «Однажды ко двору Дракулы пришли двое странствующих монахов из ордена святого Бернарда и начали просить подавание. Спросив их, хотят ли они быстрее попасть из сей юдоли на небо, он получил утвердительный ответ и тут же распорядился посадить обоих на кол. С монахами был осел, везший их поклажу, который вдруг начал реветь, и тогда Дракула приказал и его посадить на кол рядом с его хозяевами»^[42]. На сей раз жестокость воеводы представляется особенно дикой: ни монахи, ни тем более их осел не нарушили никаких законов и моральных норм. Их вина (если, конечно, история не выдумана — всегдашняя оговорка, когда дело касается Дракулы) могла заключаться только в том, что они — монахи, а не осел, — были немцами, которых государь особенно не любил и вполне мог казнить просто так, без всякой причины.

В памфлетах немало говорится о черном юморе воеводы. Например, о человеке, приведенном на суд к Дракуле и горячо уверявшем, что он не совершал преступления, в котором его обвиняют. «Значит, ты виноват в

чем-то другом!» — не растерялся воевода. «Что вы, господин! Вся округа знает меня как честнейшего человека, не способного ни на какое зло». «Что ж, — сказал Дракула, — тогда я велю отрубить тебе голову и выставить в церкви, чтобы ей поклонялись как святыне». Можно вспомнить и историю о том, как господарь приказал обезглавить нескольких бояр, а в их черепах велел посадить капусту. «Впоследствии, — повествует один из манускриптов «бенедиктинской рукописи», — он пригласил к себе друзей казненных и угостил их этой капустой, сказав после этого: «Вы только что съели мозг ваших друзей». И тут же велел посадить их на кол».

В варианте этого сюжета говорится о том, что господарь откармливал трупами своих жертв раков в дворцовом пруду, а потом кормил этими раками друзей казненных:

*Надумал Дракул-хлебосол
Тех самых раков им на стол
Подать, спросив лукаво,
Каков на вкус для друга друг,
И тут же все на кольях вдруг.
Забава так забава!*

Тут снова возникает параллель с Иваном Грозным — в источниках (естественно, тоже западных) говорится, что он со своими опричниками питался рыбой, выловленной в дворцовом пруду, куда бросали тела казненных. Велик соблазн предположить, что русский царь и в этом подражал своему валашскому коллеге, но скорее всего это просто совпадение. То же касается и сажания на кол, которое при Иване IV применялось весьма широко — как и Дракула, он сажал на кол бояр и простолюдинов, татар и немцев, не только живых, но и мертвых (так были казнены посмертно ливонцы из Вендена, упорно защищавшие свой город от русских войск). Царь научился этому способу расправы с врагами не у валахов, а у татар, которые занимались колосажанием еще во времена Батые. Но сходство между двумя государями глубже, чем совпадение излюбленных ими методов казни. Историк Руслан Скрынников считал, что Иван Грозный первым в русской истории сделал террор сердцевиной государственного управления. То же самое Дракула совершил в Валахии, и все его благие и разумные начинания были скромпрометированы в глазах потомков (да и современников) тем, что их проводили в жизнь при помощи жесточайших репрессий.

Еще одна история, тоже фольклорная, повествует, как Дракула — опять-таки подобно другим вошедшим в легенды правителям — одевался простолюдином и обходил в таком виде улицы и рынки. Во время одной из таких прогулок к нему в толпе подобрался вор, который срезал с его кафтана несколько пуговиц, сделанных из драгоценных камней. Воевода, никогда не терявший бдительности, повернулся и мгновенно отсек жулику нос. «Что ты делаешь?!» — завопил тот. «Ты же отрезал у меня пуговицы», — хладнокровно напомнил Дракула. «Вот, забери твои пуговицы обратно!» — сказал вор. «Что ж, тогда и ты возьми назад свой нос», — ответил воевода.

Сажанием на кол дело не ограничивалось — Дракуле приписывали самые изощренные казни и пытки, заимствованные, вероятно, его обличителями из описания мучений христианских святых. Самый ранний их список приведен в «Истории воеводы Дракулы» 1463 года: «Он творил ужасные, пугающие и неопишуемые мучительства. Он распинал матерей вместе с младенцами и детей возрастом год, два и старше. Он отрывал детей от матерей и матерей от детей. Он также отрезал матерям груди и вкладывал в раны головы их детей, а потом сажал их на кол. Творил он и многие другие казни. Никто из жестоких тиранов и преследователей христиан — Ирод, Нерон, Диоклетиан и прочие язычники — не причинил столько зла и боли, не сделал столько людей мучениками, как этот безбожный тиран»^[43].

Еще красноречивее в описании зверств воеводы оказался Михаэль Бехайм:

*Людей приказывал терзать,
носы и уши отрезать,
срамные также части;
злодею сердце веселя,
служили камень и петля
кровопролитной страсти.
Вбивать в глаза и в уши
велел он гвозди, а тела
живые, чтобы кровь текла,
разделявать, как туши.
И жечь, и резать, и колоть
людскую страждущую плоть
дал Дракул полномочья.
Своим псарям он делал знак*

*и сам науськивал собак,
чтоб разрывали в клочья.*

В наше время эти перечни зверств вызывают не только тошноту, но и чувство нереальности, словно их творили существа с иной планеты. Но следует помнить, что на рубеже нового времени жизнь европейцев была гораздо более жестокой, они постоянно наблюдали казни и сами становились их жертвами. Принятая в 1532 году «Каролина» — правовой кодекс императора Карла V — назначала смертную казнь за 29 видов преступлений от умышленного убийства до совершения аборта. Из способов казни там перечислялись обезглавливание мечом, утопление, сожжение, колесование, повешение на веревке или цепи, четвертование с последующим выставлением частей тела напоказ, сажание на кол и погребение заживо (эта казнь, как и на Руси, применялась только к женщинам). Специалист по средневековому праву Раду КонстантINESКУ, изучив правовые тексты того времени — например, «Кодекс Альтенбергера», названный в честь судьи из Сибиу, — пришел к выводу: «Мучая и подвергая пыткам саксонцев в Трансильвании и своих румынских подданных в Амлаше и Фэгэраше, Влад не причинял им ничего такого, что не было бы записано в их собственных законах»^[44].

Особый сюжет — «сокровища Дракулы», которые он якобы велел прятать в тайных местах, а тех, кто это делал, убивал. Такое поведение приписывалось множеству злодеев от Аттилы до капитана Флинта (а в России — Степану Разину и тому же Ивану Грозному). Дьяк Федор Курицын пишет: «Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его — дьявола». Румынские легенды уточняют, что воевода прятал государственную казну во время нашествия турок — то ли в лесу близ крепости Поенари, то ли на дне озера Снагов. Правда, и в этом случае говорилось, что рабочих, закапывавших клад, казнили, чтобы они не выдали тайну захватчикам. Немецкие памфлеты усугубляют вину воеводы, указывая, что он заставлял прятать сокровища невинных детей и закалывал их прямо над кладом для сотворения с помощью их крови особых охранных чар. Такое поведение уже прямо указывает на связь с дьяволом и вполне приличествует вампиру.

Вот еще одно проявление черного юмора воеводы в изложении русского автора: «Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его. Он же ел среди них и в том находил

удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть трупного смрада и заткнул нос и отвернулся. «Что ты делаешь?» — спросил его Дракула. Тот отвечал: «Государь, не могу вынести этого смрада». Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: «Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!»^[45]. И снова разночтения — в румынском варианте говорится, что чересчур брезгливым оказался не слуга, а боярин, что придает истории нравоучительный оттенок: будь этот чистоплюй ближе к народу, небось не стал бы воротить нос от неприятного запаха.

Слух о том, что Дракула пировал среди казненных, отражен не только во многих историях о нем, но и на гравюрах, включенных в немецкие памфлеты. Неискушенным читателям, видевшим эти гравюры, могло показаться, что Дракула пьет не вино, а кровь — в этом одна из причин его последующего превращения в вампира. Впрочем, еще Бехайм в своей поэме утверждал, что князь во время своих пиров запивал кушанья кровью из кубка и вообще вел себя как маньяк, одержимый дьяволом:

*Когда во власти палача
Бедняги корчились, крича,
Смотрел на их мученья,
Жестокой тешился игрой
И приговаривал порой:
«Нет лучше развлеченья!»*

И снова русская повесть: «Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И сел Дракула с ним обедать среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный позолоченный кол, и спросил Дракула посла: «Скажи мне: для чего я приготовил такой кол?» Испугался посол тот немало и сказал: «Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более почетной, чем других». Дракула же отвечал: «Верно говоришь. Вот ты — великого государя посол, посол королевский, для тебя и приготовил этот кол». Отвечал тот: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, — делай как хочешь. Ты судья справедливый — не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле»^[46].

Далее Курицын развивает тему обращения воеводы с иностранными

дипломатами: «Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на коварные вопросы Дракулы, то сажал он посла на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. Если государь твой, зная, что неумышленно ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой же государь и убил тебя. Если же ты сам решился идти, неученый, то сам же себя и убил». И так готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа»^[47].

Уже упомянутый сюжет о сожжении нищих в русской повести звучит так: «Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина. Они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо Богу, государь, и тебе: что тебе Бог внушит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдают они на этом свете от нищеты или болезней»^[48].

Эта история известна и в румынском фольклоре, который, как обычно, оправдывает господаря: нищих, особенно цыган, развелось слишком много, и честным людям не было от них проходу. Многие просто не хотели работать, рассуждая: «Бедняки трудятся всю жизнь и все равно остаются бедняками, так зачем тогда трудиться?» Видя это, воевода пришел к выводу: эти люди живут за счет других, они ничем не лучше воров, и от них необходимо избавиться. Интересно, что то же оправдание приводится в немецких памфлетах, во всем остальном враждебных Дракуле: «Он считал, что попрошайки даром объедают других, а сами не делают ничего полезного».

Такой подход отражает дух Реформации, порвавшей со средневековьем, когда нищие считались «божьими людьми». Теперь же

практичные буржуа воспринимали их как паразитов и расправлялись с крайней жестокостью: в XV–XVI веках по Европе прокатилась волна кровавых репрессий против нищих. Так что валашский господарь действовал вполне в духе новейших политических веяний. Оправдывает его и снятый в Румынии при Чаушеску фильм «Влад Цепеш» — там показано, как мнимые нищие на пиру отбрасывают кто повязку с глаз, кто деревянную ногу и оказываются здоровыми, наглыми обманщиками. И не просто обманщиками, а вожаками преступного мира, настоящими «ворами в законе» своего времени. Понятно, что Влад (изображенный в фильме сугубо положительно) просто обязан избавить страну от этих нелюдей — заботливо выведя перед этим из дома настоящих калек, затесавшихся среди жулья. Конечно, это перебор: настоящий Дракула вряд ли стал бы щадить несчастных — по своей извращенной логике, он охотно «освободил» бы их от нищеты, а заодно и от жизни.

В истории с нищими можно увидеть как еще один образец черного юмора воеводы, так и проявление его всегдашнего, хотя и весьма своеобразного стремления к справедливости, о котором говорят почти все авторы. Тот же Курицын не без одобрения пишет: «И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет — не избегнуть тому смерти. Пусть будет он знатный вельможа, или священник, или монах, или простой человек, пусть он владеет несметными богатствами, все равно не откупится он от смерти». Русский автор подтверждает сказанное широко известной легендой о золотой чаше: «Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить из того колодца родниковую воду, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место. И сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару»^[49]. Эту историю рассказывали о многих любимых народом правителях, и знаменательно, что предание включило Дракулу в их число.

О любви господаря к честности упоминает также Антонио Бонфини: «Он приказал флорентийскому купцу, боявшемуся за сохранность своих денег, оставить их ночью посреди улицы, и поскольку тот не солгал о количестве денег, когда их нашли и доставили ему, отпустил его с миром. Он правил в этой варварской стране с такой строгостью, что имущество каждого было в безопасности даже в чаще леса». Ту же историю пересказывает немецкий памфлет, изданный в Страсбурге в 1500 году:

«Однажды в его стране была ярмарка, где купцы без страха оставляли свои деньги в шатрах не только днем, но и ночью. Однажды Дракула явился ночью к их шатрам, взял деньги у одних и подложил другим, записав, у кого и сколько он взял. Утром он подошел к ним, спросил, сколько у них украли, и возместил им эту сумму. Тех же, кто не признался, что нашел деньги, он посадил на кол».

Об этом случае упоминает и русский автор: «Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже золота. Дракула же отвечал: «Иди, этой же ночью найдешь свое золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдете преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото и пересчитал его и раз, и другой, все выходило, что один дукат лишний. И, придя к Дракуле, сказал: «Государь, нашел золото, но вот один дукат не мой — лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором»^[50].

Эта история, как и похожие на нее, вряд ли выдумана для очернения воеводы, поскольку вызывает невольное уважение к нему. Похоже, что он искренне стремился не просто навести в своей стране элементарный порядок, но превратить ее в некое идеальное государство, где не было бы ни бедности, ни воровства, ни даже таких невинных человеческих слабостей, как обман и тщеславие. Все это очень похоже на коммунистическую мечту, которая, напомним, жила и в ту эпоху в виде фантазий о сказочных счастливых странах наподобие немецкой Шлараффии — «страны лентяев». Действия Дракулы, в свою очередь, напоминают о фразе, приписанной Ленину: «Пусть девяносто процентов русского народа погибнет, лишь бы десять процентов дожили до мировой революции». Достойными учениками валашского князя выглядят и «красные» диктаторы XX века — например Пол Пот, истребивший ради строительства идеального общества треть населения многострадальной Камбоджи, 2,5 миллиона человек. Печальный опыт современности заставляет воспринимать поступки Дракулы без всякого удивления и верить самым чудовищным обвинениям, возводимым на него.

Но дело в том, что Дракула не был коммунистом — он вовсе не собирался радикально менять общество или изводить под корень «лишние»

классы. Не был он и религиозным фанатиком, которым в ту эпоху принадлежало большинство рекордов в области массовых убийств. Он был традиционалистом, твердо верившим в средневековые идеалы (хоть и с налетом Ренессанса) и искренне считавшим, что служит Богу и своей стране, истребляя преступников, еретиков-немцев и нехристей-турок. В этом он мало отличался от государей своего времени, хотя... Все-таки повышенное внимание к его деяниям нельзя объяснить одной «черной легендой». Было что-то, что потрясло иностранных купцов и дипломатов даже на тогдашнем, довольно негуманном фоне. Что это? Небывалый размах репрессий, их предельная жестокость или принципиальное несоответствие преступления и наказания, подчеркивающее «зломудрость» воеводы?

Почти все, кто писал о Дракуле, подчеркивали, что он не ограничивался сажанием на кол, применяя широчайший «ассортимент» казней. Он велел сжигать своих жертв, четвертовать, вешать, отрубать им руки, носы и уши, скальпировать, закапывать живьем в землю и расстреливать из луков. А еще варить в котлах, сбрасывать с крыш, травить собаками, разрывать на части лошадьми, сдирать кожу и даже забивать людей в жерло пушек и стрелять ими — притом что пушек в тогдашней Валахии, скорее всего, просто не было. Это сведения Бехайма, который постарался приписать воеводе все казни, которые только могло измыслить его поэтическое воображение. Авторы немецких памфлетов, как обычно, вторят поэту, приукрашивая его описания в меру собственной фантазии: «Был у него большой медный котел с двумя ручками и крышкой, сделанной так, что в ее отверстия проходили человеческие головы. Он сажал в этот котел людей и разводил под ним огонь, так что вода закипала, и несчастные люди, мужчины и женщины, посаженные туда, жалобно кричали, пока не сваривались заживо. Он также имел обычай размалывать людей мельничными жерновами...»^[51]

Федор Курицын о таком разнообразии ничего не пишет, зато привлекает особое внимание к жестоким карам, которым господарь подвергал прелюбодеек: «Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, или, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла женщина, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся

кости или не расклюют ее птицы»^[52].

Подобные жуткие картины веками вдохновляли больное воображение людей, подобных маркизу де Саду — в его произведениях сажание на кол упоминается постоянно, еще и потому, что оно было извращенным подобием сексуального акта. Р. Флореску и Р. Макнелли в своей первой книге предположили, что болезненное пристрастие Дракулы к сажанию на кол объяснялось его импотенцией. В последующих трудах авторы отказались от подобных фантазий — и правильно сделали. Известно, что воевода стал отцом как минимум трех сыновей; многие легенды говорят о его любвеобильности и привлекательности для женщин. Если он и был к чему-то болезненно пристрастен, то прежде всего к соблюдению порядка в своей стране — и был готов бороться за это до последнего человека.

Глава четвертая

ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ

Жестокие казни Дракулы производили особенно ошеломляющее впечатление из-за того, что прежде в румынских землях существовала довольно мягкая система наказаний. Действовавшее там церковное право предусматривало, к примеру, за убийство пять лет поста и ежедневное чтение 150 молитв «Отче наш», за воровство из храма — 50 ударов розгами и три года поста. В городах не было ни тюрем, ни постоянных палачей. Самое тяжкое преступление, заговор против князя, наказывалось отсечением головы с конфискацией имущества — но без всяких репрессий в отношении родных.

Такое положение в условиях постоянных войн и мятежей неизбежно вело к разгулу преступности, с которой Дракуле, желающему навести порядок в стране, пришлось бороться самыми суровыми способами. Инструменты для этой цели он мог позаимствовать в Трансильвании, где в 1453 году было введено магдебургское право, предусматривающее смертную казнь — причем весьма изощренную и болезненную — за 53 вида преступлений. Турки, творившие массовые расправы над «неверными», также внесли свой вклад в ужесточение нравов: именно их приход открыл в Румынии эпоху кровавых казней и пыток, которыми отличились многие местные правители. То же сажание на кол стало привычным настолько, что еще в 1785 году «цивилизованные» австрийцы казнили этим способом вождей крестьянского восстания в Трансильвании. Но это был явный пережиток — пик суровости наказаний Европа пережила как раз в XV–XVI веках, на переходе от средневековья к новому времени.

Написанные на исходе этой эпохи слова Шекспира «распалась связь времен» с гениальной простотой выражают суть случившегося. В условиях распада привычных родственных, идеологических, вассальных связей одни европейцы кинулись в водоворот религиозных и гражданских войн. Другие, обездоленные бурными экономическими сдвигами, занялись разбоем, воровством и нищенством — все это серьезно угрожало покою и безопасности не только простых обывателей, но и самого государства. Поэтому многие правители, вовсе не бывшие патологическими садистами, вынуждены были массово обезглавливать, вешать, топить нарушителей закона. Особенно свирепым было преследование нищих и бездомных,

которые в отдельных регионах составляли до 10 процентов населения. Печально знаменитые «законы против нищих» Генриха VIII Английского унесли до 100 тысяч жизней. Особой свирепостью отличалось законодательство в Центральной Европе, в том числе в Венгрии и Трансильвании. Там широко применялись такие виды казни, как сдирание кожи, сваривание в кипящем масле, ослепление, четвертование, колесование, заливание в рот и уши расплавленного свинца, а также, как уже говорилось, сажание на кол. Дракула выделялся разве что тем, что его казни совершались демонстративно, даже театрализованно — явно не для удовлетворения кровожадной натуры воеводы, а для примера его незаконопослушным подданным.

Стоит отметить и то, что поступки воеводы вполне соответствовали политической философии Ренессанса, когда правители, прежде хотя бы теоретически соотносившие свои действия с христианскими нормами, стали руководствоваться только собственной волей и страстями. «Государь» Макиавелли еще не был написан (он появится только в 1517 году), но основные его нормы уже воплощались в жизнь европейскими монархами. Вспомним, что еще при жизни Дракулы французский король Людовик XI держал своих врагов в железных клетках, медленно убивая их голодом, а вскоре после смерти господаря Ричард III Английский прикончил юных сыновей своего предшественника, чтобы захватить трон. На Руси в те годы великий князь Василий II и его противники «вынимали очи» друг другу в борьбе за трон. Итальянские государи, щедрые покровители художников и ученых, зверствовали еще пуще — неаполитанский король Ферранте, к примеру, мумифицировал казненных врагов в причудливых позах и показывал их трупы гостям. Тиран Римини Сиджисмондо Малатеста, прозванный «двуногим зверем», грабил церкви, убил двух своих жен (одну заколол кинжалом, другую отравил), насильничал собственным дочерям и даже зятю. Чуть позже на всю Европу прославились кровавые дела семейства Борджиа, особенно поразительные из-за того, что глава этой семьи был римским папой, непогрешимым заместителем Христа. На этом мрачном фоне деяния валашского князя выглядели не исключением, а скорее правилом.

Как ни странно, он был не одинок и в ославленном на века обычае обедать и пить вино среди казненных — что и стало главным поводом для его обвинения в вампиризме. То же самое делал «белый рыцарь» Янош Хуньяди, однажды приказавший накрыть себе стол на поле битвы среди умирающих турок. Тем же занимались венгры после победы над турками у Кеньермезё в 1479 году, причем их командир Пал Кинижи потом еще и

плясал на вражеских трупах, держа при этом в зубах отрубленную голову турка. По легендам, такие же пиры среди мертвецов устраивал Иван Грозный со своими опричниками, но это ничем не подтверждается — как, впрочем, и пирушки Влада. Стоит отметить, что подобные же пиры гонителей христиан на фоне казненных (в том числе посаженных на кол) мучеников нередко изображались на иконах, что могло стать примером как для самого валашского воеводы, так и для сочинителей баек о нем.

Авторы, пишущие о Дракуле — как в его времена, так и сейчас, — часто рисуют фантастическую картину царства смерти, в которое превратились его владения. Красноречивее всех оказался турецкий хронист Турсун-бег: «Тараклу был безжалостен к своим подданным, как злейший тиран. Если в какой-нибудь деревне кто-либо совершал преступление, этот изверг карал всех жителей вместе с их женами и малолетними детьми, сажая их на колы. В своей столице Агач-Хиссар (Тырговиште), где он жил в деревянной крепости, он посадил большой сад, протянувшийся на шесть лиг и окруженный стеной с воротами по обеим сторонам. Перед этими воротами он велел сажать на кол венгров и мятежных валахов с молдаванами. За пределами крепости рос лес, и на каждой ветви каждого дерева висело не менее чем по одному повешенному. И он запрещал снимать их и хоронить, угрожая повесить рядом всех, кто попытается это сделать»^[53].

Конечно, этот сад из «Тысячи и одной ночи» выдуман — на самом деле казни обычно совершались рядом с господарским дворцом в Тырговиште. Этот дворец на краю города не раз разрушался и восстанавливался, и до наших дней дожили только его развалины, раскопанные и частично отреставрированные в течение XX века. Дворец начал строить Мирча Старый, но при Дракуле он был обновлен и окружен стеной; воевода построил также 27-метровую башню Кин-дия (Рассветная), с верхушки которой, как говорят, любил наблюдать за казнями. В наши дни башня заботливо отреставрирована, и на трех ее этажах работает музей Дракулы. С нее хорошо виден фундамент дворца, где в подвалах находились тюрьма и камера пыток. На несохранившемся первом этаже дворца располагался тронный зал, где проходили важные церемонии, а на втором этаже — жилые покои и домовая церковь. Дворец был невелик, и большие приемы устраивались во дворе — его контуры тоже сохранились. Судя по ним, там могло уместиться максимум 50–60 колов с посаженными на них людьми, но никак не сотни и тем более не тысячи.

Не менее важно несоответствие во времени. Сажание на кол одного человека даже при большой сноровке палачей занимало не меньше

получаса, а казнь сотен жертв растянулась бы на несколько суток. Такое если и происходило, то не больше трех-четырёх раз за все правление Дракулы — ведь ему, помимо казней, нужно было заниматься укреплением обороны, строительством, приемом послов, решением судебных дел и прочими обязанностями правителя, о которых говорит его обширная переписка. При этом даже фантазер-турок признает, что на кол отправляли прежде всего мятежников, воров и разбойников, а их в небольшой стране не могло быть слишком уж много — даже если их действительно казнили с женами и детьми. Народный фольклор так и говорит: честным людям при Дракуле бояться было нечего, он казнил только преступников и изменников-бояр. При всей сомнительности таких утверждений их передавали из поколения в поколение сами румыны, в то время как «черную легенду» о воеводе конструировали в основном иностранцы, знакомые с положением в Валахии большей частью понаслышке.

Нет, не зря Дракула подозрительно относился к чужеземцам, поголовно видя в них шпионов! Все авторы пишут, что среди его жертв было много немцев, венгров, турок. Часто его гнев обрушивался на цыган, которые не только были чужаками, но и пользовались репутацией воров и чародеев. Не только памфлеты, но и румынские предания повествуют, как господарь сварил троих цыган живьем и заставил весь табор есть их мясо. Но не просто так, а чтобы заставить цыган (в другой версии татар) сражаться против турок:

«Пришли в его страну около трех сотен цыган. И он взял трех самых главных из них, зажарил их на огне и заставил остальных цыган их съесть, говоря: «Или вы все съедите друг друга, пока никого не останется, или отправитесь сражаться с турками». И они все согласились биться с турками, когда он только пожелает. Он же нарядил их всех в коровьи шкуры вместе с их лошадьми, и когда они двинулись на врага, турецкие лошади испугались и понесли, и цыгане погнались за ними. Не сумев сдержать своих лошадей, турки въехали в глубокую реку и все утонули»^[54]. Так цыгане оказались невольными помощниками Дракулы, хотя в других легендах, как и в романе Брэма Стокера, они помогают ему вполне добровольно.

Об этом эпизоде пишет и Бехайм, считающий, однако, что цыгана (одного, по его версии) воевода велел повесить за воровство. А когда другие цыгане заявили, что королевский указ запретил их вешать, Дракула вполне в духе своей «зломудрости» распорядился сварить его в котле. Отношение своего героя к иностранцам мейстерзингер обобщает в таких словах:

*Он жителей различных стран.
Язычников и христиан,
Русинов и валахов,
Цыган, евреев истреблял,
Во многих ужас он всеял...*

В истории, однако, остались факты неприязненного отношения Дракулы только к туркам и трансильванским саксам, причем в обоих случаях для этого имелись веские причины. В марте 1457 года он отправил в Брашов и Сибиу очередные письма с требованием выгнать из этих городов претендентов Дана и Влада Монаха. Письмо городскому совету Сибиу за вежливыми формулами скрывало целый список претензий: «Приветствую от всей души знатных мужей, дальновидных и осмотрительных господ, благородных отцов, братьев, друзей и соседей наших. Вы хорошо знаете и помните все соглашения и клятвы, заключенные между нами и подкрепленные договорами. Пока мы живы, они никоим образом и никогда не должны нарушаться, поэтому у нас, и у вас хранятся грамоты с их изложением.

С нашей стороны нет и не было никакого намерения навредить вам. Однако мы узнали, что вы втайне от нас вступили в сговор с людьми валашского священника, называющего себя сыном воеводы. Мы узнали также, что ваши сограждане Петер Герерб де Вингарт, а также Петерман, сын покойного Петермана, готовятся вступить в вечное владение нашими таможенями в Рукере и Брэиле, которые им подарил и обещал этот священник. Вспомните и о случае, когда мы в наших странствиях прошли через ваши земли вопреки вашему запрету. Тогда вы сговорились и устроили так, чтобы благородные господа Иоанн Герерб де Вингарт и Николаус де Визакна подстерегли нас в городе Джод и попытались убить. Этим вы желали добиться любви господаря Владислава.

Благодарение Господу, моя власть простирается всюду без помощи других людей. С вами мы заключили добрый и нерушимый мир, но если вы окажетесь врагами, то будете враги. Теперь мы вполне понимаем, каким образом вы хотели добиться, чтобы тот валашский священник, что называет себя сыном воеводы, унаследовал то, что по праву принадлежит мне. И если он еще что-то против меня предпримет, то лишь потому, что вы ему это постоянно советуете. То же касается и земель Амлаша, которые он грозит захватить: он может сделать это по своей воле и одновременно по

вашему желанию. Вследствие сложившихся обстоятельств мы настоятельно просим вас, чтобы вы ради Бога и заповедей католической веры, а также ради братства и дружбы между нами ответили нам письмом или по-другому уведомили, желаете ли вы оставаться верными соглашениям и положениям, закрепленным в грамотах, что хранятся у нас и у вас. Но даже если вы не захотите нас уведомить, мы сможем дать вам отпор и править дальше.

Дано в Тырговиште в понедельник после дня блаженного папы Григория (14 марта. — В. Э.) года...

Влад, воевода, брат, сын и слуга ваш во всем.

Знатным мужам, дальновидным и осмотрительным господам — Освальду, главе города, судьям и советникам Германштадта, одного из семи саксонских городов, нашим друзьям и соседям, которых мы искренне уважаем»^[55].

Как видно, Дракула считал городские власти Сибиу виновными не только в поддержке Влада Монаха, но и в уже упомянутом покушении на него, вдохновители которого постоянно жили в этом городе. Один из них, Петер Гереб, граф де Рошия, несколько раз был мэром Сибиу; другой, Петерман де Лонго-Кампо, прежде жил в Валахии, а теперь владел половиной герцогства Амлаш. Господаря особенно разгневало то, что претендент обещает передать саксам валашские таможни, дававшие казне княжества немалую часть доходов. Дело было не в самом Владе Монахе, которому тогда было около тридцати — он, как показали последующие события, был человеком не слишком деятельным, не отличавшимся жестокостью и коварством. За его спиной стояли бежавшие в Трансильванию сторонники Владислава, связанные и с саксами, и с венгерским двором. Даже расправившись со всеми врагами внутри страны, господарь всегда мог ждать удара от изгнанников, которым так упрямо и недальновидно помогали его немецкие «друзья и соседи».

На послания Дракулы патриции обоих городов вновь ответили глухим молчанием. В следующем месяце, сразу после расправы над боярами, он с конным войском вторгся в Трансильванию. Вторжение было согласовано с новым союзником Михаем Силади, который объявил войну саксонским городам. Дело в том, что Силади хотел посадить на трон Венгрии племянника, Матьяша Корвина, а немцы поддерживали своих соплеменников Габсбургов. Узнав о нападении Дракулы, Брашов и Сибиу в панике затворили ворота, и валахи несколько дней беспрепятственно грабили окрестные деревни. Господарь приказал преподать саксам урок, и его подчиненные старались как могли. Сочинители кровавых анекдотов о

Дракуле упорно игнорируют хронологию, но похоже, что именно той весной были уничтожены немецкие деревни Кастенхольц, Нойдорф, Хольцмайна и другие в окрестностях Сибиу. На колы там никого не сажали — просто сожгли селения вместе с жителями, которых заперли в их домах. Об этом пишет Бехайм, которому можно и не верить, но подобные экзекуции Дракула не раз совершал и позже.

По сообщению того же Бехайма, многие саксы были угнаны в Валахию и там все-таки посажены на кол, но последнюю деталь поэт, похоже, присочинил. Скорее всего, пленные были заложниками, ради возвращения которых городской совет Брашова осенью 1457 года начал переговоры с Владом и Михаем Силади. 23 ноября в Праге умер злополучный Ласло V, оставив венгерский трон вакантным. Его советники продолжали держать в тюрьме главного претендента, четырнадцатилетнего Матьяша Корвина, но знать все громче требовала его освобождения. В этой беспокойной обстановке Дракула и брашовяне предпочли оперативно достичь соглашения. Саксы обязались выгнать из города Дана и впредь не поддерживать врагов воеводы, а взамен получили пленников и все торговые привилегии, которыми пользовались прежде. Дракулу такое положение не устраивало и он собирался изменить его, но позже. 1 декабря он писал городскому совету Брашова:

«Знайте, что я исполню всё, что велел мой господин и старший брат Михай Силади, и клянусь поддерживать мир с вами и открыть для ваших людей все пути к нам, чтобы они покупали и продавали свободно, без забот и убытка, как будто находятся в своей стране. Пускай и наши люди свободно, без всякого ущерба, приходят к вам, как приказал мой господин и старший брат Михай Силади. Но я согласен на это только до тех пор, пока он пребудет в мире с вами — то же буду делать и я»^[56]. В дополнение к свободе торговли Брашов согласился изгнать Дана и выплатить 10 тысяч Силади, который быстро становился самой влиятельной политической фигурой Венгрии. В январе 1458 года он то уговорами, то угрозами заставил венгерских дворян признать Матьяша Корвина королем на съезде в Ракошмезе. Через месяц новый король был освобожден и привезен в Буду, а Силади стал на ближайшие пять лет его опекуном.

Совсем еще мальчик, Матьяш был блестяще образован и наделен острым умом. Довольно скоро он избавился от опеки магнатов и правил единовластно, виртуозно сталкивая между собой феодальные группировки. Венгрия при нем из дикой европейской окраины превратилась в оплот Ренессанса; в Буду, прозванную «дунайской жемчужиной», потянулись художники, скульпторы, архитекторы из Италии и Германии. Королевская

библиотека Корвиниана славилась на всю Европу. Стараясь скрыть свое «низкое» румынское происхождение, Матьяш отрекся от фамилии Хуньяди, приказав придворным историкам вывести его от римского рода Корвинов — на самом деле, это прозвище, означающее «ворон», произошло от родового герба, на котором был изображен ворон с кольцом в клюве. Была и другая версия, выводившая род короля от древних гуннов, а самого Матьяша объявлявшая «новым Аттилой», которому суждены великие завоевания.

Честолюбивый юноша действительно был намерен сделаться императором и покорить Восточную Европу, а потом и Азию. Великим замыслам мешали слабое здоровье и полное отсутствие полководческих талантов, которое отчасти компенсировалось умом и коварством. Осуществление своих планов Матьяш начал с создания первой с римских времен постоянной армии — «черного войска» чешских и немецких наемников, хорошо оснащенного пушками и аркебузами. Этому воинству, которое возглавил беглый гетман чешских гуситов Ян Искра, через несколько лет суждено будет сыграть роковую роль в судьбе Дракулы.

Но вначале приход Матьяша к власти обрадовал валашского господаря. Его союзник Михай Силади не скрывал ненависти к туркам и вдохновлял молодого короля на новый крестовый поход, чтобы сокрушить османскую мощь и снова водрузить крест на берегах Босфора. Эти планы поддерживал новый римский папа Пий II, Энео Сильвио Пикколомини, мечтавший лично повести флот европейцев на Константинополь, как Нестор на Трои. Родившийся в 1405 году аристократ из Сиены, поклонник античности и отец нескольких внебрачных детей, в 25 лет решил сделать духовную карьеру и быстро стал секретарем папской курии, а потом и советником императора Фридриха III. В 1458 году его избрали папой, но он по-прежнему проводил ночи за сочинением эротических стихов и своих «Комментариев» — единственных за всю историю папских мемуаров, где среди прочего говорится и о Дракуле. Интересуясь всем на свете, Пий II знал ситуацию во всех уголках Европы и один из немногих сознавал, какую опасность несет Османская империя. Крестовый поход стал его «идеей фикс», ради которой он мог пожертвовать здоровьем, деньгами и даже папским авторитетом.

Вдохновленный Дракула был готов встать в ряды крестоносцев — хотя он не носил, как его отец, регалии ордена Дракона, кто мешает ему вступить в другой рыцарский орден или даже основать свой собственный? Теперь, когда в союзниках у него были венгры и молдаване, он чувствовал себя невероятно сильным, готовым на любые подвиги. В конце концов, ему

не было еще и тридцати...

*

Соглядатаи доносили султану Мехмеду II, что его вассал Влад собирает армию и возводит укрепления. Построив крепость Поенари, он также обновил укрепления Тырговиште, выстроив новые стены и уже упомянутую сторожевую башню Киндия. Господарь также основал к югу от столицы новый город Бухарест (Букурешть) — впервые он упоминается в дарственной от 20 сентября 1459 года. Возможно, Дракула хотел перенести туда столицу, поскольку сразу стал строить посреди городка свой дворец, остатки которого сохранились до сих пор, и при помощи саксонских мастеров окружил его мощными стенами. Бухарест должен был стать форпостом против турок, центром оборонительной системы, в которую входили также монастыри Снагов и Комана. Обе обители, расположенные на островах в болотистой местности вокруг Бухареста, были прекрасными природными бастионами, обе получили от господаря щедрые пожертвования и обе позже стали причастны к тайне его могилы и посмертной участи.

Вообще страна, которая, казалось бы, должна обезлюдеть от массовых казней, при Дракуле процветала. Точных данных у нас нет, но складывается впечатление, что в его правление население росло, строились новые деревни, а города расширяли свои границы. Тех, кто основывал поселения на новом месте, господарь освобождал от налогов на 20 лет — сохранились грамоты на этот счет, выданные деревням Албутеле и Влада. Помимо городов и крепостей, были построены новые церкви в Тыргшоре, Балтени, Констанешти. По предположению ученых, именно в правление Дракулы началась разработка железных и серебряных шахт в предгорьях Карпат. Все это не только укрепляло страну, но и давало работу тысячам бедняков — похоже, Влад боролся с бедностью не только путем массового сжигания нищих... Много позже румыны, задавленные гнетом турок и их прислужников-бояр, с тоской вспоминали «золотые дни воевод Мирчи и Влада».

Представление о повседневной работе господаря, известной потомкам куда меньше, чем войны и казни, дают 14 сохранившихся грамот Дракулы. Все они посвящены обыденным, даже скучным темам — чаще всего земельным пожалованиям и урегулированию споров, связанных опять-таки с землей. Некоторые грамоты дополнены особым, необычным на первый

взгляд пунктом. Например, дарение земель своим приближенным Стеву и Андрею с сыновьями в 1459 году он завершил так: «Если тот, кто после моей смерти унаследует престол Валахии — будь то мой сын, иной родственник или, по нашим грехам, кто-то другой из нашего рода — умножит, сохранит и обновит эту мою волю, пусть Бог вознаградит его. Если же он не обновит или отменит ее, пусть Бог накажет его и истребит тело его в этом мире, а душа его в ином мире пребудет в обществе Иуды, Каина и прочих, о ком сказано: кровь его на вас и на детях ваших. Да будет так ныне и вовеки, аминь!»^[57] Эти проклятия отражают тот факт, что в Валахии, как и других восточноевропейских странах, воля одного правителя была не обязательна для других. В итоге каждый господарь после прихода к власти должен был подтверждать — или не подтверждать — пожалования и привилегии, данные его предшественниками, на что уходило немалое время, особенно в условиях постоянной смены правителей.

Почти каждая грамота воеводы завершается списком приближенных, участвовавших в ее подписании: по таким спискам можно судить об изменении состава правящего класса. Мы уже сравнивали Дракулу с Иваном Грозным — хотя эти люди, как и их страны, были очень разными, но действовали они в похожих условиях. Потому и методы у них были похожи, хотя о правлении Дракулы мы знаем несравнимо меньше — можно лишь строить догадки. Известно, что отличившихся воинов он переводил в категорию «храбрецов» (*viteazi*), выдавая им щедрое жалованье и позволяя сражаться не в пешем, а в конном строю. Они занимали важные места не только в армии, но и в администрации, потеснив представителей старых боярских фамилий.

О подозрительном отношении Дракулы к боярам можно судить уже по тому, что высшие чиновники при нем менялись почти каждый год; если в 1457 году логофетом был боярин Опря, то через год эту должность уже занимал Казан. Спэтаром Дракулы вначале был Молдовян, потом эту должность занял уже упоминавшийся Драгомир Цакал, но и он не задержался надолго. Храбрый и преданный воеводе Драгомир просто оказался плохим стратегом и был заменен более способным кандидатом, не утратив при этом доверия Дракулы. Однако дело было не только в практической пользе — похоже, Влад постоянно устраивал перетряски среди высших сановников, переводя их с одной должности на другую, чтобы они не успели обрасти связями и сторонниками. Если прежние (и последующие) господари держали рядом с собой почти исключительно бояр, то при Дракуле возросла роль незнатных придворных. Одним из них

был Раду, называвший себя персидским словом Фарма, «грамотей» — он был бессменным секретарем воеводы, исполнявшим самые ответственные его задания.

О том, что Дракула привлек к управлению страной новых людей, наиболее внятно пишет Лаоник Халкокондил: «Придя к власти, он сперва создал корпус телохранителей, постоянно охранявших его. Потом он приказал тайно схватить тех лучших людей его страны, кто, по его мнению, замышлял измену, и убил их посредством сажания на кол вместе с их сыновьями, женами и слугами, так что один убил больше людей, чем все, о ком мы слышали. Чтобы укрепить свою власть, он умертвил за короткое время двадцать тысяч мужчин, женщин и детей. Он также окружил себя множеством храбрых и преданных воинов и слуг, которым передавал деньги, имущество и должности тех, кого он убил. Тем самым он совершенно изменил всё положение дел в Дакии»^[58].

Это выглядит пропагандистским преувеличением, однако при Дракуле явно наметилась тенденция, начавшаяся еще при Мирче Старом: привлекать к управлению страной не только «больших бояр», занятых в основном делами своих поместий, но и «меньших», богатство и положение которых целиком зависели от воли господаря. Этот отчасти напоминает политику русских царей, опиравшихся на дворян в борьбе с родовитым боярством. Однако в Валахии дворяне — и правители — в итоге потерпели поражение, когда турки сделали соглашателей-бояр своей главной опорой.

Единственное известное нам описание окружения Дракулы принадлежит Михаэлю Бехайму — естественно, резко негативное. Двор воеводы в поэме мейстерзингера предстает как «образец кощунства и разврата», где в чести только тот, кто может выдумать для забавы воеводы какое-нибудь еще неслыханное злодеяние. При этом там все завидуют друг другу, норовя отправить недруга в опалу, а еще лучше — на казнь:

*Там был со зверем каждый схож.
Царили там интриги, ложь
И низкое притворство.
Был каждый каждому врагом
И видел ненависть в другом,
В предательстве проворство...*

Главной опорой Дракулы была его личная гвардия, составленная в основном из наемников — что-то вроде русского опричного войска. Можно

догадаться по аналогии, что эти головорезы, набранные со всей Восточной Европы («татарин, турок и мадьяр», по словам того же Бехайма), отличались не столько на войне, сколько в казнях врагов господаря. Кстати, между палачами — напомним, что их называли «армаши» — делилась часть имущества казненных, в то время как другая часть поступала в государственную казну. Это неизбежно порождало злоупотребления, доносы и гибель невинных. Впрочем, еще раз скажем, что на сей счет можно только гадать — в отличие от Ивана Грозного, Дракула не вел списков казненных им людей. Мы знаем по именам лишь немногих его жертв и совсем не знаем палачей — никому не ведомо, кто был валашским Малютой Скуратовым или Басмановым, и какая участь их постигла. Их-то, в отличие от самого Дракулы, народ никогда не идеализировал и доброй памяти о них не сохранил.

Число «опричников» Влада достигало четырех тысяч человек, а в его дружине, состоящей большей частью из «храбрецов», служило примерно столько же. Вместе они образовывали «малое войско» (*pastea mica*), которое в случае войны превращалось в «большое» (*pastea maza*) путем прибавления боярских дружин и народного ополчения. Даже в случае полной мобилизации валашская армия не превышала 40 тысяч человек — большей частью необученных и плохо вооруженных. Это означало неминуемое поражение в схватке с агрессивными соседями, прежде всего с турками, которые в одной только Румелии (европейской части Османской империи) могли легко собрать пятидесятитысячное войско. Выходом могло стать еще более широкое привлечение наемников, к которому в ту эпоху начали прибегать государи всей Европы. Но для этого требовались деньги. Конфискация собственности опальных бояр, если она и состоялась, не решила проблему. Повышать налоги до бесконечности было невозможно, а торговля, которая могла приносить в казну неплохой доход, находилась в руках немецких купцов, освобожденных от пошлин.

Отношения Дракулы с Трансильванией после прошлогоднего военного конфликта пока что были мирными. Господарю даже вернули Амлаш и Фэгэраш со всеми их доходами. Однако условия мирного договора не соблюдались: свободно торгуя на всей территории Валахии, саксы по-прежнему не допускали румынских купцов на свои рынки, а тем более в другие страны Европы. Вдобавок они снова впустили в Брашов Дана III Данешти, вокруг которого понемногу объединялись все изгнанники из Валахии. 3 марта 1458 года Матьяш Корвин направил городскому совету Брашова письмо, в котором требовал отказаться от враждебного отношения к Дракуле — в противном случае они сами будут виноваты в «зле и

ущербе», которые им причинит воевода. Король предупредил, что в случае конфликта не собирается заступаться за саксов, которые «испытывают его терпение».

У Матьяша хватало других проблем: он никак не мог короноваться, поскольку священная корона святого Стефана находилась в руках императора Фридриха III, который запросил за ее возвращение огромные деньги. Скрепя сердце король начал собирать деньги на выкуп — а попутно превращать Буду в «северные Афины», выписывая из Италии архитекторов, поэтов и художников. Ему не хотелось воевать ни с Дракулой, ни тем более с турками, хотя османская угроза никуда не делась: об этом постоянно твердил королю его дядя Михай Силади. В январе 1458 года умер, не оставив преемников, сербский деспот Лазарь, сын Георгия Бранковича, на чьи владения претендовали как венгры, так и турки. Вскоре разразился конфликт между матерью покойного Лазаря Еленой Палеолог, стоявшей на стороне венгров, и воеводой Михаилом Ангеловичем, который, как брат османского великого везира Махмуд-паши, защищал интересы турок. Сторонники Елены арестовали воеводу и отправили в Венгрию; узнав об этом, султан Мехмед бросил на Сербию тридцатитысячную армию во главе с тем же Махмуд-пашой. За три месяца турки разорили страну дотла, лишив ее независимости почти на четыре века. В руках у христиан остались только Белград и крепость Смедерево, которую оккупанты так и не смогли взять.

В мае Силади, не спросив короля, обратился к папскому послу, кардиналу Сент-Анджело, с предложением объявить новый крестовый поход и пообещал предоставить для этой цели 10 тысяч венгерских всадников. Матьяш, давно уставший от воинственного дяди, воспользовался этим самовольством, чтобы убрать его с поста регента и отослать в Трансильванию. Там обиженный Силади сговорился со своим прежним врагом, воеводой Миклошем Уйлаки, и начал вооружать собственную армию. Узнав об этом, король стал искать поддержки как у саксов, так и валашского воеводы, к которому 10 сентября отправил своего посла Бенедикта Бойтора. Дракула вовсе не хотел враждовать со своим давним покровителем Силади, поэтому принял посла холодно — вероятно, именно его он угрожал посадить на кол, как описано в памфлетах. В итоге Бойтор уцелел, но привезенные им предложения господарь не принял, обещав подумать.

Узнав от Силади о готовящемся крестовом походе, Дракула воспринял его как желанный повод покончить с зависимостью от турок. Возможно, именно тогда он впервые выступил против них, хотя об этом сообщает

только письмо некоего венецианского купца из Константинополя, написанное осенью 1458 года. Там говорится, что армия Махмуд-паши, возвращаясь из Сербии, захватила придунайскую крепость Турну-Северин, которая находилась на румынских землях, но принадлежала Венгрии. «Волей Господа там оказался Дракула, — пишет венецианец, — а с ним войско из 5000 венгров и валахов. Узнав, что произошло, он погнался за ними и настиг рано утром, так что из 18 тысяч турок менее чем восьми тысячам удалось бежать, а все остальные были утоплены или изрублены в куски, а все угнанные люди освобождены. Махмуд-паша, опасаясь венгерской армии, бежал в Софию. Тотчас же он направил посланника к султану, предупредив его, что пришли венгры с огромной армией. Новость облетела всю страну и людей охватил страх: счастливым считался тот, кому удалось уйти в Анатолию. Когда султан, который еще утром был в Морее, а к вечеру успел захватить Коринф, узнал эту новость, то спешно бросил все и вернулся в Адрианополь»^[59].

Похоже, венецианец что-то напутал — такое значительное поражение турок никак не могло ускользнуть от внимания историков, и вряд ли после него Дракула сохранил бы расположение мстительного Мехмеда II. Махмуд-паша Ангелович тоже не подвергся никакому наказанию и продолжал оставаться на своем посту. Тут нужно кратко рассказать про этого вельможу, сыгравшего важную роль в судьбе Дракулы. В 1427 году он, малолетний сын потомка византийских императоров Михаила Ангела и знатной сербки, попал в плен к туркам, был обращен в ислам и взят слугой в султанский дворец. Мурад II подарил его сыну и не исключено, что мальчик, как и Раду, стал любовником неумного Мехмеда. Во время штурма Константинополя он, уже офицер, первым поднялся на стену города. В 1455 году, испытав Махмуда в войне с его соотечественниками-сербам, султан назначил его великим везиром. С тех пор он был рядом с Мехмедом во всех военных кампаниях, компенсируя своим умом и энергией отсутствие у своего повелителя полководческих талантов. Став правоверным мусульманином, он в то же время покровительствовал бывшим единоверцам; предполагают, что именно его секретарем был историк Лаоник Халкокондил. Популярность Махмуда, которого современники называли «вторым султаном», сыграла в его судьбе роковую роль — в 1474 году Мехмед, с годами делавшийся все более подозрительным, сместил везира и приказал удавить его тетивой от лука.

Такою же несправедливостью к своему главному советнику проявил вскоре король Матьяш, который в сентябре прибыл в Белград, чтобы помириться с Михаем Силади и вместе с ним выступить в крестовый

поход. Эта новость ободрила Влада, однако новые известия оказались неутешительными: 8 октября сторонники короля арестовали Силади и отвезли его в замок Вилагош. Матьяш уже подписал указ о казни дяди, который отменил его только по просьбе папского легата. Сторонники Силади требовали его освобождения, а часть из них даже решила передать власть Фридриху III, который следующей весной короновался в короли Венгрии в замке Винер-Нойштадт.

Новая смута в Венгрии лишала Дракулу поддержки против турок, но позволяла без помех разобраться с непокорными трансильванцами. Для начала он возобновил чеканку собственных монет, названных «дукатами крестового похода». На их лицевой стороне красовалась уже не комета Галлея, а изображение князя, держащего в правой руке крест, а в левой державу — «земное яблоко». По образцу византийских императоров это символизировало претензии на суверенную, ни от кого не зависимую власть и одновременно на защиту христианства. О последнем говорил и лик Иисуса на оборотной стороне; его помещал на своих монетах и Мирча Старый, как бы говоря, что служит и покоряется одному Господу.

В конце 1458 года воевода издал указ, запретивший купцам-саксам торговать на всей территории Валахии, кроме трех главных городов — Тырговиште, Кымпулунга и Тыргшора. Дело в том, что там княжеские чиновники зорко следили за соблюдением правил торговли, и купцы не могли, как в других местах, обманывать неграмотных крестьян и скупать товары за бесценок. Дракула надеялся, что эта мера вынудит саксов пойти на уступки, но случилось иначе. Разъяренные жители Брашова, лишившиеся немалой доли доходов, выбрали объектом своей мести ни в чем не повинных валашских купцов, оказавшихся в городе. Их схватили, притащили на рыночную площадь и там посадили на кол — уже говорилось, что эта казнь применялась в Трансильвании задолго до Дракулы. Узнав об этом, господарь в гневе забыл обо всех хитроумных политических планах. Его ответ был скорым и жестоким: все саксы, которые на свою беду оказались в Тырговиште, были тоже посажены на кол. Возможно, тогда же были казнены — сожжены, по утверждению Бехайма, — молодые немцы, которые то ли учились в Валахии румынскому языку, то ли просто помогали торговать своим старшим соплеменникам.

Все это случилось весной 1459 года, что подтверждается письмом претендента Дана III, написанным 5 апреля: «Наш враг Дракула, внешне преданный королю, а на деле продавшийся туркам, творит жестокости, внушенные ему самим дьяволом. Все купцы из Кронштадта и Бурценланда, мирно торгующие в Валахии, были схвачены, их товары отобраны, а сами

они числом 41 человек посажены на кол. Но этого ему было мало: распаясь еще больше, он собрал в Тырговиште и других валашских городах 300 юношей из Кронштадта и Бурценланда и одних посадил на кол, других сжег. И жители Кронштадта взяли валашских купцов и их товары и спросили меня, как с ними поступить. И когда я услышал это и посоветовался с моими боярами, я объявил горожанам о своем решении: взять все их (валашских купцов. — В. Э.) добро и отдать его семьям тех, кто был убит, чтобы добро это никогда не вернулось назад в Валахию»^[60]. Письмо, в котором Дан явно преувеличивал свое влияние, было призвано ободрить его сторонников в Валахии накануне решающей схватки за власть.

Но воевода опять переиграл своих врагов. Это стало ясно в апреле, когда народу объявили о раскрытии заговора бояр, намеренных выступить на стороне Данешти. Виновных схватили и вместе с семьями посадили на кол возле дворца. Среди них был и старый Албу Великий. Дракула давно точил на него зуб: пользуясь безвластием, Албу захватывал казенные земли и совершал набеги на соседей. На Государственном совете он вел себя откровенно нагло, с господарем говорил свысока, цедя слова сквозь зубы и всем видом показывая, что считает Влада всего лишь очередным выскочкой-временщиком. Некоторые историки считают, что Албу погиб еще при первом избиении бояр, но тогда он отсиделся в своих владениях, или господарь просто не решился его трогать. В итоге «большой боярин», окончательно обнаглев, разорил и сжег монастырь Говора, отказавшийся платить ему дань.

Об этом напоминает пассаж из дарственной грамоты господаря Мирчи Чобанула (Пастуха), составленной много лет спустя, в 1551 году: «Во времена воеводы Влада Цепеша был боярин по имени Албу Великий, что силой захватил упомянутые деревни Глодул и Хинця и разорил сам святой монастырь. И он оставался разоренным до того самого времени, когда Господь даровал мне трон после моего отца, воеводы Раду Доброго <...> В дни воеводы Влада этот боярин Албу пытался силой отнять у него трон, но воевода Влад пошел на него походом и пленил вместе с его семьей. Увидев святой монастырь разоренным, воевода Влад даровал ему вышеупомянутые деревни»^[61].

Говора была семейным монастырем рода Дракулешти; именно там жил в юности Влад Монах, а сам Дракула только недавно пожертвовал обители большую сумму денег. Нападение на него было сознательным оскорблением воеводы, а оскорблять себя он не позволял никому. Боярин

понял это слишком поздно — теперь он беспомощно корчился на колу рядом со своими сыновьями. Не исключено, что ни он, ни другие казненные не готовили заговор: Дракула просто воспользовался случаем избавиться от внутренних врагов, прежде чем разобраться с внешними.

До последних — трансильванских саксов — очередь дошла очень скоро. В мае «храбрецы» Дракулы в очередной раз ворвались долиной Арджеша в Трансильванию и разграбили пригороды Сибиу. Летом сам воевода собрал войско и отправился к Брашову — не обходным путем, как прежде, а прямо через долину Праховы, где путь преграждал замок Бран. Валашский господарь сумел каким-то образом обойти его или подкупить охрану, поэтому его вторжение стало совершенно неожиданным. Вся область Бурценланд (Цара Бырсей) вокруг Брашова подверглась опустошению, но сам город, как и прежде, затворил ворота и остался невредим. Правда, Михаэль Бехайм пишет, что Брашов был сожжен, но на самом деле сгорели только предместья за городской стеной вместе с церковью Святого Иакова, построенной в 1342 году. Именно в этой, менее престижной части города жили валашские изгнанники вместе с Даном III, но они, кем-то предупрежденные, успели укрыться в Фэгэраше. Дракула сжег и старейшую в Трансильвании готическую церковь Святого Варфоломея вместе со всеми ее святынями. Жители окрестных деревень и не успевшие укрыться горожане были захвачены в плен, но на этот раз Дракула не увел их с собой как заложников. У него были другие планы.

На склоне холма Гершпренберг (Тымпа) перед городской стеной, на которой сгрудились не верившие своим глазам брашовяне, с раннего утра готовилась декорация для страшного спектакля. Гвардейцы Дракулы, деловитые, как муравьи — сходство усугублялось их черными куртками, — тащили из леса связки свежесрубленных колов и обтачивали их, споря об оптимальной толщине. Их товарищи уже гнали со всех сторон толпы связанных, измученных мужчин, женщин и детей. Некоторые пленники плакали, догадываясь об ожидающей их участи, другие угрюмо молчали. Когда все было готово, раздалась дробь полковых барабанов-бучумов, и всадник на вороном коне с белым пером на шапке, смотревший на зрелище с вершины холма, поднял руку и повелительным жестом опустил ее. Сейчас же гвардейцы схватили первый десяток пленных, опрокинули их на землю, завозились, сдирая одежду и делая еще что-то, отчего на траву брызнула кровь и над местом казни разнеслись леденящие душу крики. Это был секрет, который воевода узнал у татар, известных мастеров пыток — если казнимому перерезать седалищный нерв, задний проход расслабляется, и кол входит туда почти без усилий.

Вот уже первые колы с насаженными на них людьми вознеслись в воздух. Пока одни палачи укрепляли их, забрасывая основание землей, другие сноровисто повалили наземь новый десяток. Третьи сортировали заготовленные колы, отбирая те, что потоньше — очевидно, для детей. Пока гвардейцы творили кровавое дело, одни горожане плакали, умоляя воеводу пощадить их родных и земляков, другие в гневе пускали в палачей стрелы и дротики, хотя расстояние было слишком большим, чтобы они могли причинить вред. Расправа продолжалась, и человек в шапке с пером по-прежнему смотрел на нее пристально, не улыбаясь. Временами лицо его странно дергалось, особенно когда маленького ребенка вырывали из рук обезумевшей матери, чтобы посадить их на разные колы. Может быть, он вспоминал о своем двухлетнем сыне, так похожем на этих малышей. А может, ни о чем таком не думал — просто прикидывал, поможет ли этот жестокий урок снизить торговые пошлины и возобновить так необходимые ему поставки оружия.

Казнь продолжалась до самого вечера. Только когда начало темнеть, командир наемников с явным облегчением приказал возвращаться в лагерь, предварительно зарубив оставшихся пленников — те могли считать, что им повезло, и встретили смерть слезами облегчения. По всему холму сотни посаженных на кол слабо шевелились, бормоча невнятные угасающие слова молитв или проклятий. Кровь ручейками стекала на землю, и в воздухе уже кружились первые вороны, резкими криками созывая товарищей на добычу. Всадник на черном коне смотрел на эту картину с вершины холма еще долго; только когда стало темно, он дернул поводья и поехал прочь, не оглядываясь, сопровождаемый телохранителями.

Когда это произошло, сказать трудно — поход Дракулы мог состояться в любое время между маем и сентябрем 1459 года. Он продолжался не больше недели: пока основные силы держали в осаде Брашов, летучие отряды рыскали по соседним селам, истребляя там все живое. Вот как описаны эти события в немецкой «бенедиктинской рукописи»: «Он вторгся в Бурценланд, потравил посевы и уничтожил все зерно на полях. Схватив множество людей в окрестностях Кронштадта, он приблизился к городу до самой церкви святого Иакова и велел предать огню все пригороды. Сразу по прибытии туда рано утром он приказал посадить на кол мужчин и женщин, молодых и старых напротив церкви, на склоне горы. Потом он сел за стол среди казненных и отобедал с большим аппетитом»^[62]. Бехайм тоже описал этот чудовищный обед, который — если он не выдуман — мог состояться только на следующий день после затянувшейся казни:

*Потом на утренней заре
устроил Дракул на горе
подобие застолья.
Себя решил он усладить,
велел он пленных насадить
вокруг себя на колья.*

Поэт передает и другую историю: когда валашский отряд не сумел сжечь немецкое село Зейдлинг (ныне Кодля) из-за сопротивления жителей, Дракула приказал посадить на кол его командира Калина за недостаток храбрости. Во всех селениях, не проявивших такой же стойкости, как Зейдлинг, жители были по уже привычному методу Дракулы посажены на кол или сожжены в собственных домах. В этот раз воевода велел не брать пленных, поскольку его главной целью был не выкуп, а устрашение трансильванцев. Разорив Бурценланд дотла, валахи тем же путем вернулись обратно.

Вот как описал карательный поход воеводы классик румынской литературы Михай Садовяну: «Возглавив конные отряды, он приказал им сперва растоптать засеянные поля Бырсы, а затем спалить их; стада не гнали в Валахию через перевалы, а посекали на месте; словно собрались тут волки со всего света и, зарезав овец, оставили их гнить без надобности. Горящие села на холмах освещали ночные кутежи в долинах. Простершиеся ниц рабы были вознесены гораздо выше, чем сидят обычно люди, — на то в обозе были заготовлены колья с паленым острием. Правда, для детей имелись колья покороче»^[63].

Нападение на венгерские владения никак не могло вызвать восторга у короля Матьяша, но он все еще сражался за корону с Фридрихом III. Только в августе 1459 года стороны заключили перемирие и договорились совместно включиться в войну с турками, которую готовил папа Пий II. 26 сентября он открыл собор в Мантуе, на котором присутствовал и Фридрих, трехчасовой речью, где говорил о турках, «свирепом и кровожадном народе, который уже захватил Грецию и нацелился теперь на Венгрию». 14 января папа объявил о подготовке крестового похода, требуя от всех христианских государей прекратить междоусобные войны и вместе ударить на врага. Император пообещал предоставить для этого 32 тысячи пехотинцев и 10 тысяч конников, другие страны пока колебались. Сам папа выделил 100 тысяч золотых дукатов и основал рыцарский орден Святой Марии Вифлеемской, куда планировалось принимать будущих

крестоносцев.

Момент был выбран удачно: султан Мехмед собирался отправиться в поход против враждебных эмиратов Малой Азии. Повсеместно начался сбор денег на войну, целью которой провозглашалось освобождение Константинополя и Балканского полуострова «от Великого зверя, предтечи Антихриста, злейшего тирана Магомета». В этих условиях Матьяш никак не мог ссориться с одним из главных своих союзников, да и Дракула не искал ссоры с королем. Он понимал, что для него будущий поход — шанс не только избавиться от унижительной турецкой дани, но и утвердиться в роли одного из главных игроков на шахматной доске балканской политики.

*

Но пока что воевода не собирался идти ва-банк. В феврале 1460 года он лично отвез в Эдирне валашскую дань и подписал с турками новый договор, взамен того, что был заключен Мирчей Старым. По этому договору Влад признавал себя вассалом султана и обязался платить ему ежегодно харадж (дань) размером 10 тысяч золотых дукатов. При этом Валахия сохраняла полную внутреннюю самостоятельность, о чем говорят статьи договора:

«1. Высокая Порта не должна вмешиваться в дела страны и ее управление, и ни один турок не может войти в страну, кроме посланника падишаха, получившего на то позволение князя. В пути от Дуная до Тырговиште этого посланника должен сопровождать представитель князя, как и на обратном пути в Джурджу, где он должен пересчитать всю дань, 10 тысяч золотых, и выдать расписку в этом княжескому представителю. После переправы из Джурджу в Руцук эти деньги должны быть снова сосчитаны, чтобы страна не была ответственной за их потерю в пути.

2. Валахия будет управляться по своим собственным законам, вести войну со своими соседями или заключать с ними мир, и князь будет властен над жизнью и смертью своих подданных.

3. Если какие-либо христиане примут ислам, находясь за пределами страны, по возвращении в нее они смогут снова вернуться к прежней вере, чтобы это не вызывало вражды или споров.

4. Те валахи, что будут посещать земли Высокой Порты по делам, освобождаются от всех податей и не должны преследоваться за их одежду и обычаи.

5. Князь избирается митрополитом, епископами и боярами.

6. В случае спора мусульманина с валахом спор этот будет решаться княжеским судом в соответствии с обычаями страны, и решение этого суда должно уважаться властями Высокой Порты.

7. Турецкие торговцы, приходящие с их товарами, должны получать разрешение князя на торговлю, без промедления продавать и покупать товары в отведенных для этого местах и тут же покинуть страну. Им не позволяется свободно ездить по стране или торговать в иных местах, чем те, что отведены для них.

8. Эти торговцы не могут уводить с собой валашских слуг или служанок, как и устраивать особые помещения для своих молитв.

9. Ни при каких условиях Высокая Порта не должна наказывать по своим законам жителей страны, и никто из них не может силой быть уведен в Константинополь или иные османские владения»^[64].

Эти условия были весьма мягкими — султан Мехмед II готовился к войне в Малой Азии и хотел обеспечить лояльность своих европейских подданных. Обращает на себя внимание скрупулезность условий договора, продиктованных, скорее всего, самим Дракулой — зная нравы турецких чиновников, он вполне мог предположить, что по пути в Стамбул валашская дань изрядно «похудеет», а ответственным за это объявят его. В договор не включили условие, обязательное для большинства вассалов султана — ежегодную отдачу крепких юношей в янычарское войско. Это значило, что Валахия играет важную роль в политических планах султана Мехмеда II, и он готов сохранять ее самостоятельность при условии полного послушания.

Именно это условие выводило Дракулу из себя. Он спал и видел, как рвет бумагу с ненавистной арабской вязью, а потом вместе с крестоносцами — нет, во главе их, — мчится на Восток, где сияют вожделенные купола Святой Софии. Вместо этого ему приходилось вновь и вновь сталкиваться с угрозой с Запада. С одобрения венгерского короля трансильванцы приютили у себя — на этот раз в Сигишоаре — еще одного претендента из рода Данешти, Лайоту Басараба. 21 января 1460 года он отправил городскому совету Брашова письмо, уверяя, что пять сотен его людей могут защитить город от новых набегов Дракулы — если, конечно, горожане обеспечат их оружием и деньгами.

На самом деле у прозябавшего в бедности Лайоты было в распоряжении лишь несколько слуг, и знавшие об этом брашовяне предпочитали поддерживать его дядю Дана III. В марте он со своими людьми захватил Амлаш и Фэгэраш, казнив или изгнав находившихся там валашских чиновников. А сразу после этого выпустил очередное воззвание,

в котором обвинял «проклятого изменника и тирана» Влада в «убийстве, мучительстве и многих прочих притеснениях тех, кто верно служит нашему королю». Снова, в который уже раз, претендент утверждал, что Дракула, как и его отец, втайне служит туркам и непременно перейдет на их сторону в случае войны. Обозленные на воеводу немцы щедро снабжали Данешти оружием, одновременно прекратив поставлять его в Валахию. Надо сказать, что в румынских землях выпускалось только кустарное оружие — качественные мечи, кинжалы, секиры, не говоря уже о пушках и аркебузах, завозились из Трансильвании или через Трансильванию.

Прекращение оружейного импорта было серьезной проблемой для Влада, но еще серьезнее было то, что он лишился единственного союзника при венгерском дворе в лице Михая Силади. В рамках подготовки к крестовому походу Матьяш освободил своего дядю и назначил его воеводой Трансильвании. Набрав на собственные средства войско, неутомимый вояка отправился в Сербию, где вспыхнуло восстание против турок. В начале 1460-го в битве у Сокола на валашской границе Силади был разбит и попал в плен. В султанской темнице его долго пытали, требуя выдать расположение укреплений Белграда, но он не сказал ни слова и был замучен до смерти. Новый трансильванский губернатор Себастьян Розгони тут же признал Дана законным князем и велел оказывать ему всяческую поддержку.

Претендент со своими сторонниками разместился в Брашове, куда стекались уцелевшие бояре-заговорщики, образовавшие альтернативный валашский двор. Любой противник Влада находил за Карпатами радушный прием, и скоро у Дана набралось целое войско — до пяти тысяч бойцов, отменно вооруженных брашовянами. В этих условиях Дракула не мог заниматься ничем, кроме напряженного ожидания нападения. Хорошо еще, что Влад Монах продолжал сидеть в Сибиу, отказавшись примкнуть к Дану — то ли из-за мирного характера, то ли по врожденному неумению валашских принцев ладить друг с другом.

Потеряв терпение, Влад решил выманить Дана из-за гор и дать ему решающий бой на подступах к столице. Это было рискованно: господарь мог рассчитывать только на своих «храбрецов», силы были практически равными, а жители Тырговиште, среди которых было немало родственников казненных, в любой момент могли ударить господарю в спину. Но Дракула никогда не боялся риска. В апреле 1460 года он отправился в Брэилу инспектировать укрепления, позаботившись, чтобы об этом узнали в Брашове. Уже через несколько дней армия Дана перешла горы и, легко разметав пограничные гарнизоны, приблизилась к столице.

Беглые бояре и дюжие саксонские наемники шли вперед бодро, уже предвкушая хлеб-соль от благодарных горожан. Но вместо этого на подступах к дворцу их встретил строй «храбрецов» — едва увидев долгожданного гонца, Дракула повернул назад и возглавил армию.

Как он и надеялся, битва не продлилась долго. Ни боярские слуги, ни наемники не собирались умирать за чужое им дело Данешти. Уже через час они дрогнули — малыми отрядами и поодиночке отступили в лес и побежали к перевалу, спасая свои жизни. Дан с кучкой отчаянно бившихся сторонников был окружен и сбит с коня. По приказу Дракулы претендента поставили на колени перед вырытой могилой, и приведенные из города священники заживо отпели его. В бледном лице Дана не было ни кровинки. Он знал, что жалости от соперника ждать бессмысленно, и умолял провидение только об одном — чтобы его не зарыли заживо, как некогда его приверженцы зарыли юного Мирчу. Бог услышал его молитву — Дракула, мрачно наблюдавший за церемонией, взмахнул рукой, и голова принца скатилась в могилу, куда тут же рухнуло и его тело.

Уже 22 апреля некий Блез из Пешта рассказал жителям Барфты (ныне Бардейов в Словакии) о том, что случилось с Даном: «Воевода по имени Дракула вступил на днях в бой с воеводой Даном. В итоге из всех людей Дана избежать унижительной смерти удалось только семи воинам, а сам Дан был взят в плен и по приказу Дракулы обезглавлен. Обуянный звериной свирепостью, Дракула приказал посадить на кол воинов воеводы, которые пали в битве. Тех женщин, которых смогли поймать, также посадили на кол вместе с детьми, прибитыми к их груди. Это было сделано по причине его крайней жестокости и во вред всем христианам»^[65]. Блез — единственный, кто упоминает о сажании на кол мертвецов воеводы: возможно, это вымысел, но не исключено, что Дракула и правда приказал казнить для устрашения уже мертвых врагов, раз не осталось живых. Говоря о «вреде христианам», то есть католикам, Блез — судя по имени, представитель духовенства, — мог иметь в виду то, что Дан обещал венграм после прихода к власти обратить Валахию в католичество. Если валахи об этом узнали, то немудрено, что народная поддержка претендента стремилась к нулю.

Немецкий памфлет 1463 года описал гибель Дана III более кратко: «Юный Дарин был схвачен в бою живым. Ему вырыли могилу, поставили его на край ее и велели священнику отпеть его, как положено у христиан. Когда с этим было покончено, он обезглавил его прямо над могилой»^[66]. Тут про казнь женщин ничего сказано; если Блез из Пешта ничего не

напутал, то это могли быть жены сторонников Дана, которых те везли с собой, твердо надеясь на победу и скорое возвращение домой. Возможно, правда, что речь шла о новых жертвах среди бояр и их родственников, истинно или ложно обвиненных в поддержке претендента.

После гибели Дана воевода решил отомстить жителям Брашова за его поддержку — или хотя бы хорошенько напугать их. 28 апреля венгерский дворянин Янош Герреб де Вингарт написал городскому совету: «Великий князь и воевода Влад, правитель Валахии, намеревается прийти и разорить ваши земли вместе с турками, злейшими врагами Христа». Устрашенные патриции Брашова решили поскорее примириться с Владом. Матьяш Корвин им не препятствовал: по-прежнему враждуя с императором Фридрихом III, он совершенно не хотел воевать еще и с Валахией. 26 мая уже знакомый нам Миклош из Окны передал брашовянам волю короля: примириться с Дракулой и не чинить впредь никаких обид валашским послам и торговцам. Господарь, вероятно, знавший об этом письме, тут же отправил в город для переговоров доверенного боярина Войку Добрицу, который потребовал передать ему всех беглецов из Валахии или, по крайней мере, изгнать их из города в его присутствии. Очевидно, брашовяне так и сделали, поскольку вскоре воевода написал, что намерен поддерживать с ними добрые отношения, пока они выполняют то, что обещали ему.

Но на этом вражда Дракулы с трансильванцами не прекратилась — теперь он собирался наказать румын Амлаша и Фэгэраша, а также их соседей-саксов за поддержку Данешти. Первый его удар был обращен на Амлаш, маленький анклав недалеко от Сибиу, состоящий из одноименного немецкого села и семи валашских деревень. Каратели появились здесь в праздник святого Варфоломея, который католики отмечают 24 августа. «Варфоломеевская ночь» Влада описана в «бенедиктинской рукописи»: «В год 1460-й, в день святого Варфоломея Дракула явился из-за леса со своими прислужниками и согнал, как говорят, всех валахов обоюбого пола в селении Гумилаш (Амлаш). И селение это он приказал сжечь дотла со всем добром и, как говорят, с людьми числом более тридцати тысяч»^[67].

О походе на Амлаш повествует и «История воеводы Дракулы»: «Всех, кого он нашел в этом селении, он взгромоздил друг на друга наподобие холма и велел изрубить в капусту мечами и кинжалами. Их старейшин и всех, кого не убили на месте, он увел в свою страну и там повесил. И все селение с ее жителями числом более 30 тысяч он приказал сжечь. После он забрал всех жителей области, называемой Фуграш, в Валахию и там

приказал посадить их на кол»^[68]. Прежде всего обращает на себя внимание многократно завышенное число жертв — 30 тысяч в одном селе! На самом деле население Амлаша даже два века спустя не превышало 10 тысяч и, конечно, далеко не все из них погибли.

То же касается и Фэгэраша, куда «храбрецы» отправились, миновав Сибиу — штурмовать этот укрепленный город они не собирались. В Фэгэраше месть воеводы сторонникам Данешти была особенно жестокой. Здесь снова были сожженные вместе с жителями села, груды изрубленных и длинные ряды колов, на которых корчились люди, замученные не за какую-то, пусть даже мнимую вину, а заодно с другими, для примера. От своих шпионов Дракула знал, что один из главных соратников Дана, боярин Богдан Добока, живет в фэгэрашской деревне Шеркайя. Не найдя его там, воевода приказал сжечь деревню и посадить на кол всех ее жителей от мала до велика; даже век спустя на этом месте было только пепелище. То же было сделано с деревней Мика и другими. Разорив всю местность, «храбрецы» вернулись в родные края долиной Арджеша.

Цель похода была достигнута: Сибиу запросил мира, как прежде Брашов. 1 октября 1460 года эмиссары Дракулы подписали с патрициями обоих городов соглашение, в котором князь обязался не позволять туркам нападать на Трансильванию, получив в ответ обещание не помогать его врагам. В договор было также вписано обязательство городского совета Брашова уплатить князю 15 500 флоринов в компенсацию за товары, отобранные прежде у валашских торговцев. Правда, с уплатой брашовяне не торопились — как следует из позднего письма господаря Раду Красивого, до свержения Дракулы они заплатили ему всего четыре тысячи флоринов. Да и обязательство не пускать в город врагов воеводы не выполнили — в 1462 году, когда он был занят войной с турками, Лайота Басараб снова появился в Брашове. Саксы не собирались прощать Дракуле совершенные им зверства — пусть их масштабы были преувеличены, но в самой их реальности сомневаться трудно.

*

К тому времени в психике князя, похоже, стали происходить непоправимые сдвиги. Если вначале он совершал жестокости вынужденно, то со временем начал находить в них удовольствие и даже некий высший смысл. Это хорошо иллюстрирует изложенная несколькими авторами история о его беседе с двумя монахами-францисканцами. Вот как передает

ее автор русской «Повести о Дракуле»: «Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где виднелось множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: «Хорошо ли я поступил, и кто эти люди, посаженные на колья?» Монах же ответил: «Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!» Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: «Ты, государь, Богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны». Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: «Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках». И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: «Ты мудрый человек»^[69].

Румынское предание, как водится, излагает этот случай совершенно иначе: Влад Цепеш призвал к себе двух православных монахов, румына и грека, и спросил у них, что говорят о нем в народе. Льстивый грек начал говорить, что все в один голос прославляют справедливость и милосердие господаря. Влад рассердился и велел посадить его на кол за ложь. Видя это, бедный, но честный румынский монах бесстрашно сказал: «Люди говорят разное, но многие недовольны, что продукты при тебе стоят дороже, чем при твоём предшественнике, и что ты творишь чрезмерные жестокости». К удивлению придворных, воевода не рассердился, а приветливо сказал: «Спасибо тебе за честность, святой отец! Я подумаю над твоими словами, а ты отныне будешь моим исповедником». Этот вариант истории явно выдуман в пику грекам, которые во времена Дракулы в Валахии почти не появлялись, но позже, в эпоху фанариотского господства, заняли ведущие позиции в румынской церкви и высокомерно третировали местное духовенство.

Другой вариант истории был записан Петре Испиреску: «Владу Воде Цепешу стало известно, что по стране ходит, попрошайничая, греческий монах, болтун и придира. Желая познакомиться с ним, как-то в воскресенье Вода пошел в церковь. Туда обычно держал свой путь и монах. Увидев Воду, он захотел показать свою ученость. Поднялся на амвон и стал поучать народ словами из Евангелия о том, что нехорошо зариться на добро ближнего. Вода, который уже по слухам знал, что за человек этот монах, говорящий одно, а делающий другое, пригласил его к себе на обед... Вода

посадил его рядом с собой, задавал всякие вопросы из Священного Писания. Пока монах говорил, Вода нарезал куски хлеба и клал их перед собой. Монах захотел есть, и толкнул же его грех взять кусок из тех, что принадлежали Воде, и положить себе в рот. Не успел и разжевать его, как схватил его Вода за руку и крикнул ему: «Ах ты, грабитель, поймал я тебя! В церкви ты учишь народ не зариться на чужое добро, не брать чужой вещи, а сам-то поступаешь хуже разбойника. За моим столом отнимаешь у меня кусок, мною же отрезанный. Недостоин ты жить в моей стране». И, посмотрев сурово на слуг, добавил: «Казнить эту опоясанную скотину!» Уж как умолял несчастный монах простить его; упал на колени! Но где найти уши, чтобы его услышали, или глаза, чтобы увидели! Все было напрасно, его мольбы никто не стал слушать»^[70].

Похоже, впервые история двух монахов появилась у Бехайма, который сам беседовал в аббатстве Мельк с уже знакомым нам ее участником — братом Якобом. Правда, рассказывая об этом мейстерзингеру, тот покривил душой, отведя роль льстеца не себе, а третьему, неведомо куда девшемуся монаху — брату Михелю. Попутно Якоб сообщил еще одну шокирующую подробность: его несчастный товарищ, брат Ганс, оказывается, был посажен на кол вверх ногами, причем кол вбили ему в голову, чтобы покарать за «неверные» мысли. Этот факт, если он не выдуман, демонстрирует то, о чем говорили и другие авторы: извращенный юмор Дракулы и его повышенный интерес к теме преступления и наказания («тварь я дрожащая или право имею?»). Стараясь доказать себе и другим, что он «имеет право», воевода не терпел никаких поучений и попреков. Об этом напоминает еще одна история, весьма похожая на правду: один священник заявил Дракуле, что его дела противоречат Святому Писанию. Тот ответил: «Похоже, ты не читал книгу Царств» — и тут же приказал посадить правдолюбца на кол. Эта книга Библии и правда могла стать примером для князя — ее героям, древним царям Израиля, прощались любые преступления, если они хранили верность Божьим заветам.

Но был ли сам Дракула верен им? Обвиняя его в жестокости и «зломудрии», источники ни разу не упоминают о его пьянстве, обжорстве, мотовстве или тяге к роскоши. Создается впечатление, что воевода, как многие тираны, вел довольно скромный образ жизни, позволяя себе только одно отклонение от библейских норм — внебрачные связи. Похоже, его отношения с женой довольно быстро разладились; беллетристы предполагают, что она безуспешно пыталась заступаться за жертв Дракулы и в итоге возненавидела его. Есть даже версия, что господарь казнил несчастную Снежану (если ее звали именно так), хотя, как мы увидим, на

самом деле она погибла позже и совершенно иначе. Ее просто путают с героиней одной из страшных легенд — любовницей Дракулы, которая однажды заявила ему, что беременна от него. Вот как описывает эту историю румынское предание в изложении Петре Испиреску:

«У Влада Воды Цепеша была любовница. Дом ее стоял в глухой и безлюдной части Тырговиште. Даже собаки не чуяли, когда он ее навещал. Надо же было, чтоб за какие-то грехи полюбилась она ему. В нем говорила только похоть, и ничего больше.

Бедная женщина всячески старалась ему угодить. Он принимал от нее все знаки любви, и при ней его лицо немного оживлялось. Как-то, увидев, что он мрачнее, чем обычно, и желая его развеселить, она посмела сказать ему ложь:

— Твое величество, ты обрадуешься, как только я тебе сообщу новость.

— Какую же новость ты мне сообщишь?

— Проник мышонок в молочный горшок.

— Что это значит? — спросил Вода, ухмыляясь.

— Это значит, твое величество, что я чувствую себя затяжелевшей.

— Ты такие слова не болтай больше.

Женщина знала, как Вода Цепеш наказывает за ложь, и захотела показать, что говорит правду:

— Так оно, твое величество, как я сказала.

— Не будет оно так, — сказал Вода, нахмутив брови.

— А если будет, то надеюсь, что твое величество обрадуется, — еще осмелилась добавить женщина.

— Сказал я тебе, что этого не будет! — крикнул Вода и топнул ногой. — Я тебе покажу, что так оно не будет.

И, выхватив меч, полоснул по животу сверху и донизу, чтобы посмотреть, верно ли она сказала или солгала. И когда она стала умирать, он ей сказал:

— Вот видишь, не будет.

Он ушел, а она отдала душу Господу в страшных муках, за то что солгала, желая развеселить своего любовника»^[71].

Не очень понятно, чего хотел «зломудрый» воевода: наказать любовницу за ложь или избавиться от нежеланного ребенка, который по валашской традиции стал бы потом претендовать на власть. А может, его, как и тогдашних итальянских гуманистов, просто интересовало устройство человеческого тела? В то время по Европе ходил похожий анекдот про Мехмеда II, который был увлечен садоводством и выращивал в своем

дворце всевозможные цветы и фрукты. Однажды, обнаружив, что кто-то съел выросший у него на грядке огурец редкого сорта, он велел распороть животы десяти (по другой версии — восемнадцати) бостанджи, то есть садовникам, и в желудке у одного все-таки нашел семечки огурца. Что характерно, это жестокое деяние иногда тоже приписывают валашскому господарю.

При всем этом Дракула, которого и современники, и потомки обвиняли в служении дьяволу, был не чужд благочестию. Если его предшественник Владислав II за девять лет правления построил всего одну церковь, а Стефан Молдавский возвел первый храм только на десятом году пребывания у власти, то валашский господарь всего за пять лет основал как минимум четыре храма — в уже упомянутых монастырях Коман и Снагов, а также в Балтени и Тыргшоре, на месте гибели отца и брата. Все его гонения были направлены против католиков — и убийства монахов, и изгнание их из Валахии, и сожжение церкви Святого Варфоломея в Брашове (в «Анналах Мелька» говорится, что там он даже ел на церковном алтаре, что было равнозначно осквернению храма). Понятно, что именно из католического лагеря исходят самые страшные обвинения в его адрес. Но Дракула, верный сын своего времени, вполне мог считать католиков «ненастоящими» христианами, то есть не совсем людьми — какими они сами считали православных.

В сентябре 1460 года воевода пожертвовал румынскому монастырю Филотеу на Афоне четыре тысячи аспр ежегодно за упокой души... нет, не его многочисленных жертв, а отца и монахини Евпраксии — по всей видимости, его матери или мачехи. До этого он выделял большие суммы другим обителям, включая еще один афонский монастырь — Свято-Пантелеймонов, где жили русские монахи. Именно Дракула сделал валашскую церковь независимой; отныне ее митрополит не назначался из захваченного турками Константинополя, а избирался местным духовенством. Около 1457 года им стал Иосиф, старец (настоятель) монастыря Козия, который по этому случаю был освобожден от всех налогов. Та же привилегия была позже дарована монастырю Тисмана. Из четырех хрисовулов (жалованных грамот) Дракулы три посвящены дарованию земель и привилегий монастырям.

Конечно, для средневекового правителя это типично, но как-то странно представлять Колосажателя, ославленного в веках вампиром, в роли покровителя церкви — или вообще правителя, занятого мирными делами вроде установления торговых пошлин или разрешения спора о краже стада коров. Казалось бы, он, как истинный герой «черной легенды», должен

дьявольски расхохотаться да и посадить на кол обоих спорщиков — но нет, обыденно присудил стадо одному из них. Вообще не исключено, что Влад при всей его «зломудрости» мог с годами успокоиться, став нормальным — или даже выдающимся — монархом своей эпохи. Если бы жизнь дала ему такую возможность... но этого не случилось. Часы истории неумолимо тикали, приближая воеводу к главной, хоть и не последней войне его жизни.

*

Матьяш по-прежнему не хотел отправляться в поход на восток, предпочитая реализовывать свои завоевательные планы на западе. Это придавало османам смелости. Вскоре они захватили Смедерево, последний независимый город Сербии, а потом и уцелевший осколок Византии — Морею или Пелопоннес, правитель которого Фома Палеолог бежал в Рим вместе с дочкой Зоей, будущей русской государыней. Не без труда расправившись с мятежными эмиратами Анатолии, Мехмед 11 заодно прихлопнул, как муху, христианскую Трапезундскую империю, открыв себе тем самым дорогу на Кавказ. Это случилось в августе 1461 года, но до того враги султана могли надеяться, что он завязнет в восточном походе надолго — или вовсе не вернется из него. Именно тогда, по всей видимости, Дракула решился на дерзкий поступок — прекратил выплату дани, которую до этого исправно посылал в Стамбул.

Это, конечно же, было замечено при османском дворе и отразилось в хронике хорошо информированного Турсун-бега, бывшего тогда секретарем султанского дивана (совета): «Добившись поддержки Высокой Порты, он (Дракула. — В. Э.) разбил венгров, убив многих из них, как и других воевод равного с собою ранга. Эта победа сделала его чересчур самоуверенным, и когда султан отправился в длительный поход на Трапезунд, он, побуждаемый гордыней и склонностью к вражде, решился нанести вред османским владениям»^[72]. «Венграми» турецкий хронист называет трансильванцев, а к «воеводам» причисляет, очевидно, Дана III, но в целом видит картину верно. Никаких теплых чувств к туркам Дракула не питал и долго ждал момента, когда можно будет открыто выступить против них, не опасаясь удара в спину от враждебных соседей или собственных бояр.

В противостоянии султану ему придавали смелости три обстоятельства. Во-первых, на восточных рубежах турки вступили в

конфликт с могущественным тюркским эмиратом Ак-Коюнлу (Белобаранным), подчинившим почти весь Иран, и предсказать, на чьей стороне окажется победа, не мог никто. Во-вторых, папа Пий II, как уже говорилось, провозгласил в Мантуе новый крестовый поход с целью отвоевания у «неверных» Константинополя. После этого папские эмиссары начали переговоры с правителями Восточной Европы, добиваясь их поддержки; не исключено, что они побывали и у Дракулы, обещая ему всю возможную помощь. В-третьих, воевода завершил, наконец, конфликт с трансильванскими саксами и стоящей за ними Венгрией и мог надеяться на их поддержку. Он понимал, что надо спешить — несмотря на мягкие условия договора 1460 года, турки твердо намерены покончить с независимостью румынских земель и превратить их жителей в таких же угнетенных «райя», какими уже стали сербы и болгары.

Осенью 1461 года вернувшийся из Трапезунда султан прислал в Тырговиште фирман, требуя от Дракулы лично доставить в османскую столицу дань за два года — 20 тысяч золотых флоринов. К этому, по мнению румынских историков (не подкрепленному, впрочем, документами), добавились новые требования: выдать пятьсот валашских юношей в янычары, сотню коней и три десятка ловчих соколов. Требования были явно чрезмерными: до сих пор с румынских княжеств никогда не брали «налог кровью», который платили только захваченные османами христианские земли. Ни один договор турок с Валахией не содержал подобного условия, как и пунктов о конях и соколах. В Стамбуле прозрачно намекали, что отказ от немедленного выполнения требований будет означать войну.

Влад, хорошо знавший характер султана Мехмеда, подготовился к конфликту заранее. Летом он без лишней огласки встретился с венгерскими послами, которые сулили ему не только военную помощь, но и женитьбу на сестре короля (точнее, на одной из двух его юных кузин — Маргот или Юстине Силади). Правда, Дракула вроде бы был к тому времени женат, но ради союза с Венгрией такой «мелочью» можно было поступиться. В сентябре эмиссары господаря посетили Брашов, добившись от местных патрициев обещания в случае конфликта с Турцией предоставить соседям четыре тысячи полностью вооруженных солдат и 10 пушек. Однако ни один воин из-за Карпат так и не пришел на помощь Валахии, когда на ее земле запылал пожар войны. А случилось это очень скоро.

Глава пятая

НЕРАВНАЯ БИТВА

В январе 1462 года на Дунае появилось множество пышно разодетых всадников в сопровождении большого количества солдат. Это было турецкое посольство, отправленное султаном к правителю Валахии. Турок возглавлял Юнус-бей, он же обращенный в ислам грек Фома Катаволинос — человек ученый, знающий несколько языков и искушенный в дипломатии. Ему надлежало донести до Влада Дракулы простую мысль: дальнейшее неподчинение воле Мехмеда II грозит ему и всем его подданным многими бедами.

Для внушительности посла сопровождала целая армия — несколько сотен воинов во главе с беем Никополя Хамза-пашой, по совместительству «секирджи-баши» или главным сокольничьим султана. Им приказали действовать по обстоятельствам: если воевода проявит непокорство, воины могут тут же на месте показать ему, как следует обращаться с посланцами великого падишаха. История повторилась — за два десятилетия до этого турки заманили в ловушку отца воеводы, а теперь пытались сделать то же с ним самим. Но Влад хорошо изучил нравы османов и коварством не уступал им.

Зима в том году выдалась суровой, Дунай замерз, и турки, кутаясь кто в соболью шубу, кто в овчину, перебрались через него по льду. Воины Хамза-паши расположились в Джурджу, а Юнус-бей отправился напрямик в Тырговиште на встречу с давним знакомым — когда-то именно он охранял юного Влада в крепости Эгригёз. Передав Дракуле приказ Мехмеда — немедленно выплатить дань за два года, — он добавил несколько слов от себя. Султан разгневан непослушанием, и валашскому князю лучше не сердить его, а привезти поскорее дань в Джурджу. Господарь ответил, что зимние дороги в Валахии плохи и он может собрать и доставить дань, а тем более юношей, которых нужно еще забрать у родителей, в лучшем случае через месяц.

— Это очень долго, — покачал головой грек. — Падишах накажет тебя, да и меня не помилует. Лучше сразу поезжай на встречу с Хамза-пашой и попроси его об отсрочке. И мой совет — приготовь подарки побогаче. Полезно одарить человека, который может замолвить за тебя словечко перед падишахом, да продлит Аллах его дни. Кстати, это

относится и к твоему покорному слуге...

Поняв намек, Дракула щедро одарил Юнуса, и тот вернулся в Джурджу, пообещав уговорить пашу подождать. Вскоре, как было условлено, воевода отправился на юг. Его встреча с послами состоялась на нейтральной территории, между двух пологих холмов недалеко от Джурджу. С Дракулой были всего несколько человек — и никаких повозок с данью, никаких подарков, никаких коней и соколов.

— Когда же ты намерен уплатить положенную дань падишаху, Ифлак-бей? — осведомился грек.

— Пожалуй, никогда, почтенный Юнус, — ответил, усмехаясь в усы, всадник в подбитом мехом плаще, на шапке которого трепетало от холодного зимнего ветра перо белой цапли. — Я подумал и решил, что и деньги, и сильные юноши, и быстроногие валашские кони мне нужны больше, чем султану, который и так несметно богат.

Ученый грек не слишком удивился — он помнил, каким неуступчивым был Дракула еще в детстве. Юнус-бей ждал чего-то подобного, потому и привел с собой столько воинов.

— Похоже, ты издеваешься над послами падишаха, а значит, и над ним самим. Такая дерзость должна быть наказана. Боюсь, тебе придется дожидаться подвоза дани у нас в гостях.

Как по команде, широкоплечий Хамза-паша, закованный в латы, поднял руку в тяжелой перчатке и рявкнул:

— Взять его!

— Нет, взять *их!* — крикнул в ответ Дракула, и тут же на склонах холмов будто из-под земли появилось множество вооруженных людей, пеших и конных. Их было больше, чем турок, гораздо больше. Юнус-бей посмотрел на своего бывшего пленника — тот довольно улыбался. Кажется, на этот раз их роли поменялись...

Час спустя дозорные на стенах Джурджу увидели бегущую к ним через поле толпу воинов в турецкой одежде, за которой стлалось облако пыли.

— Откройте! — завопил бежавший впереди усатый командир. — Гяуры напали на нас, их слишком много! Готовьте крепость к бою!

Турки спешно отворили ворота, впусив беглецов, но те повели себя странно — выхватили из ножен мечи и начали рубить гарнизонных солдат. Слишком поздно те увидели, что их гости были переодетыми в турецкую одежду валахами, а их командир — самим Дракулой, которому пригодилось, наконец, отменное знание турецкого языка. Бой на бастионах крепости был ожесточенным, но недолгим. Отчаянно сопротивлявшихся

янычар перебили, остальные сдались и были загнаны в подвал, из которого предварительно освободили пленников-румын — комендант Джурджу приторговывал рабами, захваченными в соседних селах. После боя в крепость доставили напуганных турецких послов, и господарь, с клинка которого еще стекала кровь, постарался их успокоить: к их высокому статусу отнесутся со всем уважением, но им придется какое-то время побыть гостями валахов...

Эта реконструкция с долей вольности восстанавливает события, описанные в источниках довольно скупо. Подробнее всех о них поведал сам Дракула в письме венгерскому королю, написанном 11 февраля 1462 года: «Я уже сообщал Вашему величеству о том, как турки, злейшие враги Креста Господня, отправили к нам посланцев высокого звания, чтобы убедить отказаться от мира и союза с Вашим величеством и не праздновать свадьбу, а вместо этого отправиться с ними в Порту к султану... Они также послали к нам важного советника султана по имени Хамза-бег Никопольский для обсуждения дел на дунайской границе, а на самом деле для того, чтобы этот Хамза-бег завлек нас обманом или обещаниями в Порту, а если бы это не вышло, доставил бы нас туда силой. Но милостью Божьей на пути к границе мы прознали об этом вероломном намерении и сами захватили Хамза-бега в турецкой земле возле крепости, называемой Джурджу. Турки открыли ворота крепости по зову наших людей, думая, что это их воины желают войти внутрь; но наши люди, смешавшись с их воинами, захватили крепость и немедленно предали ее огню»^[73].

Говоря о свадьбе, господарь имел в виду предполагаемую женитьбу на родственнице Матьяша, но турки вряд ли могли знать о ней, как и о тайном соглашении Дракулы с королем. Вероятно, он просто набивал себе цену как союзнику, тем более что к этому времени война уже шла вовсю. Судя по его словам, он известил короля Венгрии о пленении послов сразу же, но эти письма не сохранились. Само пленение, очевидно, состоялось между 20 и 25 января, поскольку военная кампания князя длилась к моменту написания письма примерно две недели. Похоже, он готовился к ней давно, тайно подтянув свои силы к Дунаю, который благодаря морозам легко можно было перейти по льду.

Возможно, Дракула спровоцировал и сам приезд послов, пленение которых вызвало войну. Турецкий хронист Ашик-паша-заде в своей «Истории османов» («Тарихи ал-Осман») излагает события так: «Князь сказал турецким посланцам следующее: «Мой народ неверен мне. Если я оставлю страну и отправлюсь в Порту, они приведут венгра и отдадут ему трон. Я прошу султана отправить одного из беев на Дунай для защиты моей

страны, пока я буду отвозить дань султану». Поверив словам этого неверного, султан отправил к нему Хамза-бея Чакирджи. Тогда проклятый собачий сын Ифлак-бей напал на Хамза-бея среди ночи, убил много турок и взял Хамза-бея в плен. После этого неверные в нескольких местах перешли Дунай и напали на соседние с Валахией области, причинив им много вреда. И он отрезал голову Хамза-бею и отослал ее вместе с головами других мусульман королю Венгрии вместе со словами: «Отныне я враг турок»^[74].

О январских событиях пишет и Лаоник Халкокондил: «Когда император узнал о его недобрых намерениях и о том, что он обратился за помощью к венграм, он счел это дело весьма серьезным. Тогда он послал к нему секретаря Порты Катаволиноса, чтобы пригласить его в Константинополь и передать, что с ним не случится ничего плохого, если он исполнит волю императора. С таким приказом к нему был отправлен Катаволинос вместе с Хамзой, который имел тайный приказ в случае проявления этим человеком непокорства пленить его хитростью или силой и увести с собой. Получив такой приказ, двое посланцев обсудили между собой, как его исполнить, и решили, что когда Влад встретится с ним (Катаволиносом. — В. Э.), Хамза приготовит для него ловушку, а грек в условленное время подаст ему сигнал. Так и было сделано, и они ждали подходящего момента, чтобы схватить его. Но Влад со своими людьми на пути в Порту узнал о грозящей ему опасности и приказал пленить их вместе со всеми их людьми. Когда Хамза попытался начать атаку, Влад храбро сразился с ним, разбил и пленил его, а многих бежавших убил. Пленных же он увел в свою страну и посадил на кол, сперва изуродовав. Для Хамзы он приготовил самый высокий кол и со слугами поступил так же, как с господами»^[75].

Одни источники утверждают, что османских вельмож казнили сразу же, другие — что Дракула увез их вглубь страны и посадил на кол уже позже. Однако все сходятся на том, что переговоры были лишь предлогом для того, чтобы заманить воеводу в ловушку и увести в Порту, где его наверняка ждали казнь или темница. У султана по-прежнему был свой кандидат на валашский трон — Раду Красивый, который вполне мог заменить брата. Это подтверждает Турсун-бег: «Султан вручил трон брату этого злодея по имени Раду, который давно уже был подготовлен для этой роли Пор-той и много лет жил при султанском дворе». По словам Халкокондила, об этом знал и сам Дракула, еще до войны писавший королю Матьяшу, что султан собирается отдать валашский трон Раду.

В планы господаря это никак не входило, и он только для виду мог

отправиться с османскими послами к Джурджу, заранее подготовив на пути засаду. Результатом стало пленение сотен турок во главе с Юнус-беем и Хамза-пашой. Вероятно, их всех отправили в крепость, которую янычар Константин из Островицы называет Куриста, добавляя, что она стоит «среди воды». Рядом с монастырем Снагов есть местечко Курсу, затерянное в болотах Яломицы — возможно, османских «гостей» держали именно там. Но солдат, взятых в плен в Джурджу, никуда не увозили — их мелкими партиями вывели за крепостные стены и перебили всех до одного, побросав трупы в проруби на Дунае. Сама крепость была сожжена дотла, чтобы турки не могли снова сделать ее своим форпостом.

Скорее всего, именно тогда случилась еще одна страшная история, связанная с именем Дракулы. Рассказывали, что турецкие послы на встрече с ним не сняли тюрбанов, объясняя это своим обычаем, и тогда он повелел прибить им тюрбаны к голове гвоздями. Русская повесть повествует об этом событии так: «Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы следовали ему неуклонно». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай блюсти у других государей, которым обычай такой чужд, а в своей стране его соблюдает»^[76].

«Отпустил» — странное выражение для людей, которым вбили в голову гвозди. Одни историки считают, что эти «гвозди» были булавками, только проткнувшими кожу; Дракула, по их мнению, хотел не убить послов, а только оскорбить их. Другие предлагают более правдоподобную версию: господарь казнил только главных послов, а их спутников отпустил, поручив им доставить трупы начальников к султану. Но когда случилась эта история? Если до пленения посольства Юнус-бея, то султан просто не стал бы его посылать, если после — то зачем было дублировать оскорбление, уже нанесенное туркам взятием Джурджу? Остается предположить, что жертвами гнева воеводы стали посланцы грека-ренегата, прибывшие в Тырговиште — ведь все источники утверждают, что история с послами случилась в том самом тронном зале дворца, развалины которого сохранились до наших дней. В этом случае убитых турок не пришлось никуда отправлять: Дракула не собирался раньше времени оповещать противника о своих планах.

Бехайм в своей поэме поведал ту же историю, но заменил турок на итальянцев, к головам которых якобы прибили их модные береты. В анонимных памфлетах послов также называют *Wahlen*, что могло означать итальянцев или французов. Это лишний раз доказывает, что немецкие авторы целенаправленно очерняли воеводу: такое обращение с христианами наверняка возмутило читателей, а против убийства турок они ничего не имели. Правда, ложь вышла довольно неуклюжей — уж конечно, итальянцы, искушенные в придворном этикете, сняли бы головные уборы перед князем.

Интересно, что такие же байки сочинялись об Иване Грозном — голландский посол Ян Данкерт, побывавший в России в 1609 году, уверял, что царь приказал прибить к голове то ли французского, то ли венецианского посла неучтиво не снятую тем шляпу. На самом деле итальянцев, нуждаясь в их деньгах, Дракула принимал весьма любезно, венгров с поляками мог попугать, но в общем-то тоже не обижал. А вот с турками, помня о пережитом в плену, обошелся весьма недипломатично. Дракула ненавидел Юнус-бея не только как своего тюремщика, но и как отступника от христианства, предателя в борьбе с «неверными». Поэтому он и сохранил пока что жизнь ученому греку и другим высокопоставленным пленникам — как мы увидим, в их отношении у него были свои планы.

*

Покинув выгоревший Джурджу, валахи перешли по льду Дунай и двинулись вдоль него на восток по земле Болгарии, захватывая одно турецкое укрепление за другим. Погруженные в сонный зимний покой, не ждущие никаких неприятностей гарнизоны сдавались почти без боя. Все они были вырезаны до последнего человека — Дракуле не нужны были ни голодные рты, ни лишние противники в будущей войне. Пали Руцук, Туртукай, Силистра; вся Добруджа, кроме форта Енисала, была очищена от турецких войск. Константин из Островицы пишет: «Он отпустил своих людей, чтобы они брали в плен и убивали турок, как и христиан, по селам, по городкам, и этим он причинил большой вред султану. И всем, как мертвым, так и живым, он велел отрезать носы. И он послал их в Венгрию, похваляясь, что он столько турок перебил, сколько было этих носов»^[77]. Анонимный турецкий автор подтверждает сказанное: «Вместо того чтобы изъявить покорность султану... он напал на города и села и разграбил их.

Взяв множество пленников, он иных обезглавил, иных посадил на кол, а иных сжег. Многим он вставил в нос железные кольца и таскал за них взад и вперед, пока нос не отрывался»^[78].

Итоги болгарской кампании Влад подвел уже упомянутым пространным письмом, отправленным 11 февраля Матьяшу Корвину: «Мы истребили мужчин и женщин, старых и молодых, живших в Облучице и Новоселе, где Дунай впадает в море, от Раховы до Килии и от низовий Дуная до таких мест, как Самовит и Гиген. Мы убили 23 884 турок и болгар, не считая тех, кого сожгли в их домах или у кого наши солдаты не отрезали голов. Пусть Ваше величество знает, что мы сделали всё, что только могли, чтобы навредить тем, кто понуждал нас оставить христиан и вступить в союз с их врагами. Ваше величество также должен знать, что мы нарушили мир с ними не только для нашей пользы, но и для славы Вашего величества и Вашей святой короны, для защиты христианства и блага католической веры.

Как только турки узнали, что мы сделали, они покончили со всеми войнами, что ведут во владениях Вашего величества и в других местах, и обратили весь свой гнев на нас и нашу страну. Как только позволит погода, а именно весной, они вернутся с враждебными намерениями и всеми силами нападут на нас. Однако у них нет переправ, потому что мы разрушили и сожгли их все, кроме Видина. С Видинской переправы они не смогут причинить нам большого вреда, поэтому они должны привести корабли из Константинополя и Галлиполи через море на Дунай. Поэтому, если Ваше величество собирается воевать с ними, соберите всю Вашу страну и все Ваши военные силы, конные и пешие, и приведите их к нам в Валахию, чтобы сразиться с турками здесь. Если же Вы не сможете явиться сюда лично, то пошлите всю армию Вашего величества в Ваши трансильванские земли к дню святого Георгия (23 апреля. — В. Э.). Если Ваше величество не хочет прислать всю армию, то пришлите хотя бы те силы, что сможете, в Трансильванию и к саксам.

Если только Ваше величество намерен оказать нам помощь, прошу безотлагательно сообщить о Ваших планах. Убедительно прошу Вас, Ваше величество, не задерживать ответ нашему человеку, который привез Вам это письмо, но отослать его назад как можно быстрее. Ибо мы намерены не оставлять незаконченным то, что начали, но довести дело до конца. Если Господь выслушает мольбы всех христиан и соизволит обратить свой слух к молитвам страждущих во имя Его, и подарит нам таким образом победу над неверными и врагами Святого Креста, это будет самой высокой честью, пользой и душевной помощью Вашему величеству и всем истинным

христианам, поскольку мы не хотим бежать от их варварства, но, напротив, собираемся всеми способами сражаться с ними. А если мы придем — упаси Господи! — к плохому концу и наша маленькая страна погибнет, Ваше величество также не получит от этого никакой пользы и облегчения, ибо это причинит ущерб всему христианскому миру. Вы можете верить тому, что Вам скажет наш человек Раду Фарма, как если бы мы лично высказали это Вашему величеству.

Из крепости Джурджу 11 февраля 1462 года»^[79].

Судя по словам Дракулы, кроме текста письма, он передал королю какие-то секретные предложения. Что в них могло содержаться? Из того, что господарь собирался жениться на сестре Матьяша, следовало, что он еще перед войной согласился перейти в католичество — а может быть, и содействовать обращению в него своих подданных. Возможно, именно это король и его советники сделали условием помощи Валахии в борьбе против турок. Ставки в игре были высоки, и Влад вполне мог в интересах дела согласиться на этот нелегкий шаг — как согласился на него позже, много лет спустя. В этом же контексте следует рассматривать его слова о «благе католической веры», которому он якобы служил. Правда, с переходом в другую веру господарь всячески тянул, обоснованно считая, что это вряд ли поднимет его популярность в народе и боевой дух последнего. В свою очередь, венгры, не получив от Дракулы обещанного, медлили с помощью ему.

В приложении к письму содержались педантичные подсчеты убитых:

«В местах, называемых Облучица и Новосело, убито 1350 человек, 6840 в Дурсторе (Силистрия), Картале и Дридопотруме, примерно 343 в Орсове и 840 в Вектреме, 630 в Туртукае, примерно 210 в Маротине. 6414 было убито в Джурджу по обоим берегам реки и в самой крепости, которая была захвачена. Там был убит комендант крепости и взят в плен Хамза-бег, а в Никополе был схвачен и обезглавлен его комендант, сын Фируз-бега, и все находившиеся в Никополе турки убиты вместе с ним. Таким же образом было убито 384 человека в Турну, Батине и Новеграде, 410 в Сиштове и двух соседних деревнях, переправа в Никополе была сожжена и полностью уничтожена, как и в Самовите. В Гигене было убито 1138 человек, в Рахове 1460, переправа там тоже была сожжена и князь Влад поставил там капитаном Нягое. Таким образом, все места, где были переправы, сожжены и уничтожены, и все люди — мужчины, женщины, старики и дети, перебиты, и вся та местность совершенно разорена. И в этот счет убитых включены только те, чьи головы или признаки переданы нашим людям, но не те, кто остались неучтенными или были сожжены в их домах, а их было

очень много»^[80]. Под «признаками» (*signes*) воевода, как показывает свидетельство янычара Константина, имел в виду отрезанные носы, заменявшие порой головы из-за большей компактности.

Похоже, эти сведения должны были убедить короля в том, что туркам причинен большой урон, как и другое доказательство — мешки с засоленными ушами и носами убитых турок, которые Дракула послал в Буду со своим секретарем Раду Фармой. Однако эти неприглядные трофеи не побудили короля выступить против султана. По своей привычке Матьяш тянул время, дожидаясь прибытия европейских крестоносцев, а скорее всего, уже зная, что они не придут. Все просьбы Дракулы о помощи остались без ответа. Правда, позже какие-то венгры все же воевали на стороне валахов, но, скорее всего, это были немногочисленные секейские всадники, которых по своей инициативе послал на помощь соседям губернатор Трансильвании Миклош Уйлаки.

Письмо Дракулы о походе на Болгарию пересказывается в «Истории воеводы Дракулы», автор которой, знакомый с письмом воеводы венгерскому королю, переделал его похвалы в обвинения: «В 1462 году он пошел к Никополю и перебил там более пяти тысяч людей всех наций — христиан, иудеев и язычников. Среди них были красивые жены и девицы, которые полюбились слугам Дракулы, и те попросили его отдать этих девиц им в жены. Дракула же приказал изрубить всех этих людей в капусту вместе с девицами оттого, что его страна подчинялась туркам и те постоянно требовали от него уплаты дани. Тогда он сказал турецким посланцам, что сам привезет дань, и все жители той области явились верхом на конях приветствовать его, думая, что он привез дань султану. Он же коварно велел перебить всех встречающих, поскольку они не ждали нападения. И Дракула выжег дотла всю Болгарию и посадил на кол всех пленных. Так погибло 25 тысяч человек, не считая тех, кто сгорел в огне»^[81].

Хотя Дракула в своем кровожадном письме упоминал среди жертв не только турок, но и болгар, скорее всего, имелись в виду местные жители, принявшие ислам или переселенные турками на Дунай албанцы, тоже мусульмане. Христиан Влад щадил или, по крайней мере, приказывал делать это. Болгарские крестьяне встречали его как освободителя, а когда ему пришлось отступить, целые деревни ушли с ним за Дунай, чтобы избежать мести турок. Отступление было неизбежным — узнав о дерзком походе Дракулы, султан Мехмед в гневе требовал как можно скорее покарать изменника.

Великий везир Махмуд-паша спешно собрал войско численностью 18 тысяч человек и выступил с ним к Дунаю. В марте он форсировал реку у Брэилы и углубился на территорию Валахии, разоряя все на своем пути. Дракула с войском находился поблизости и не дал врагам продвинуться далеко. Ночью валахи внезапно подошли к турецкому лагерю и, едва рассвело, бросились в бой. Захваченные врасплох, турки не успели понять, что их вдвое больше, чем нападавших. Сражение кончилось, не успев толком начаться. Махмуд-паша едва успел бежать с остатками армии, бросая награбленное добро. До шести тысяч турок было перебито, четыре тысячи взято в плен.

Победа Дракулы вызвала ликование в Европе. От Кракова до Генуи звонили колокола, приветствуя нового паладина христианской веры. Место подзабытого уже «белого рыцаря» Хуньяди занял «черный рыцарь» — многие уже слышали о любви Дракулы к этому цветку. Иностранные государи слали ему письма с поздравлениями; король Матьяш обещал папе «при первой возможности» отправить войско на помощь валахам. Венецианский посол в Буде Пьетро Томмази 4 марта писал на родину: «Венгерский король сделает все возможное, чтобы помочь Дракуле. Он уже обещал направиться в Трансильванию вместе со своей армией». Английский паломник Уильям де Вей, оказавшийся на Родосе у рыцарей-иоаннитов, сообщал, что на всем острове праздновали великую победу, а Великий магистр ордена раздавал жителям вино и фрукты. Напротив, из Стамбула дипломаты доносили, что в городе тревожно; многие турки переправляют свои семьи и богатства за Босфор, боясь появления грозного Казыклу-бея.

Узнав о случившемся в Валахии, султан впал в ярость. Всезнающий Лаоник Халкокондил пишет: «Говорят также, что господин Махмуд первым узнал об этих событиях, а именно об убийстве послов и префекта Хамзы и о разорении всей области. Когда он рассказал императору, что валахи сделали с его людьми, тот ужасно рассердился — говорят даже, что он осыпал его ударами. Однако это не было таким уж позором для императора Порты, поскольку убитые были не турками, а сыновьями рабов»^[82]. Это был еще один плюс системы «девширме» — благодаря ей инородцы воевали за султана и умирали за него. Тем не менее Мехмеду было нанесено тяжкое оскорбление, и он хотел как можно скорее наказать дерзкого воеводу. Не завершив начатую осаду Коринфа, он отправился в Эдирне собирать армию, которой на сей раз решил командовать лично.

Сборы продолжались до весны. В поход отправилась практически вся постоянная турецкая армия, состоявшая из трех частей: конного

феодалного ополчения спахиев, иррегулярной конницы (акынджи) и янычарского корпуса. Но всех этих сил Мехмеду показалось мало — для похода на непокорную Валахию он мобилизовал отряды подвластных ему турецких феодалов и анатолийских крестьян, которые были необучены и плохо вооружены, но могли задавить противника массой. Чтобы закрепить превосходство над лишенным артиллерии врагом, турки везли с собой около сотни больших и малых пушек. Были у них и осадные орудия, хотя соглядатаи донесли, что валашские города плохо укреплены, не в пример Константинополю или Белграду. Зачем же тогда армия взяла с собой громоздкие катапульты и стенобитные машины? Создатели румынского фильма «Влад Цепеш» вполне правдиво реконструируют завоевательные планы султана: «Валахия — только начало. Оттуда я пойду в Трансильванию, там перезимую, весной ударю на Буду и покорю всю Венгрию. Дальше меня ждут Вена и Рим. Я заставлю всю Европу славить имя Аллаха, и на краю ее воздвигну в знак победы такую высокую мечеть, что на ее минареты будет опираться луна».

Несоразмерность масштабов военных приготовлений с силами и возможностями противника показывает, что замысел похода и правда был куда масштабнее, чем наказание мятежного вассала. Валахия должна была стать для Мехмеда трамплином в осуществлении плана покорения Европы — или преградой на пути этого плана, но это казалось султану почти невероятным. Он надеялся пройти через владения Дракулы легко, как нож сквозь масло, и ударить в трансильванское «подбрюшье» Венгрии, где почти не было королевских войск, стоявших в основном на Дунае. Дальше все зависело от военной удачи, но ничего невероятного в планах захвата Буды и Вены не было — падение Константинополя, величайшего города христианского мира, казалось современникам не меньшим чудом.

О том, что делать с самой Валахией, султан, похоже, не слишком задумывался. Одни историки считают, что он собирался превратить ее в пашалык, обычную провинцию империи, и только храбрость Дракулы и его военное искусство спасли валахов от отуречивания. Другие утверждают, что Валахия и соседняя Молдова были нужнее туркам как буферные государства, которыми они в конце концов и стали. Их завоевание неминуемо привело бы к конфликту с Польшей, которую Порты пока что рассматривала как союзника в борьбе с Венгрией — своим главным врагом на западе. Оккупация румынских предгорий и болот, где не было ни крупных городов, ни крепостей, могла только отвлечь турецкие силы от противоборства с венграми. Гораздо важнее для них был контроль над Дунаем — магистральным путем торговли и переброски войск. Эту задачу

осуществляла цепочка крепостей — Килия, Тигина, Руцук, Джурджу, Никополь и другие, — но события 1462 года показали, что валахи достаточно легко могут захватить их, перекрыв Дунай для турок. Решением проблемы была уже не раз опробованная турками замена враждебного князя Валахии на дружественного. То, что этим последним был Раду, к которому султан питал самые теплые чувства, только разжигало его стремление поскорее посадить любимца на валашский трон.

*

Для осуществления своих планов Мехмед собрал в Эдирне громадную армию. Историки единогласно утверждают, что никогда еще под бунчуком султана не собиралось столько воинов, но в оценках их численности расходятся. Михаил Дука говорит о 150 тысячах воинов, Лаоник Халкокондил о 250 тысячах, турецкие хронисты — даже о 300 тысячах. Скорее всего, это преувеличение, и ближе к истине хорошо информированный венецианский дипломат Пьетро ди Томмази, сообщавший своему правительству, что турецкая армия достигает 80 тысяч человек, не считая все время подходящих новых отрядов. Но сколько бы у Мехмеда ни было людей, силы Дракулы все равно были несравнимо меньше. Тот же Томмази оценивает их в 24 тысячи человек, а другой итальянец, Доменико Бальди, — в 30 тысяч (последняя цифра приводится и в русской «Повести о Дракуле»), При этом большей частью это были необученные крестьяне-ополченцы, а им противостояла элита османской армии — на тот момент сильнейшей в мире.

Турецкий хронист Турсун-бег пишет: «Весной победоносный император, подобный Искандеру, выступил из Эдирне в город Филиппополь (Пловдив) на Дунае, чтобы лично покарать неверного пса Казыклу, отомстить Валахии за ее преступления и водрузить над ней победное знамя ислама. Пока собиралась великая армия из многих областей, султан послал по Черному морю галеры к Дунаю, в город Видин, и весной они подошли к устью Дуная. Всего флот насчитывал 25 боевых трирем и 150 других судов»^[83].

Подробнее подготовку к походу описал тот же Халкокондил: «Когда император Мехмед узнал, что князь Дакии убил его послов вместе с Хамзой, высокопоставленным чиновником Порты, преданным смерти без всяких переговоров, он сильно обозлился, что можно понять, и решил не оставлять это злодеяние безнаказанным и не медлить с наказанием людей,

убивших его посланцев. Он не стал просить у князя Дакии никаких объяснений, разозленный еще и тем, что этот князь со своими людьми пересек Дунай, убил многих его подданных и вернулся домой невредимым. Но из всего этого он счел самым серьезным то зло, что было сделано с его послами. Поэтому он обратился ко всем своим высшим чиновникам, приказав им прибыть в столицу с войсками и вооружением, поскольку он намерен начать войну. Так он начал готовить поход против Дакии.

Как только его армии подготовились к войне, император немедленно ранней весной двинулся в поход на даков. Говорят, что его армия была очень большой, уступая только той, что император прежде повел против Византии. Лагерь его был красивее всех других лагерей и лучше их оснащен оружием и припасами, и армия достигала числом 250 тысяч человек. Это можно было узнать у перевозчиков, переправлявших войска через Дунай — они купили это право у императора за 300 тысяч гальбенов и, как говорят, хорошо заработали на этом. По суше войско шло из Филиппополя, а на море 25 трирем и 150 лодок двинулись к Дунаю, собираясь причалить в Видине. Император приказал всем кораблям в Черном море тоже направиться к устью Дуная для перевозки войск»^[84]. Говоря о ранней весне, греческий историк поторопился: сборы столь многочисленного войска заняли никак не меньше двух месяцев, и в поход султанское войско выступило только 17 мая.

Понимая, что без помощи извне он не сможет остановить противника, Дракула принял меры для защиты населения. Крепостей в Валахии не было — их роль выполняли горы и леса, которые воевода постарался использовать как можно эффективнее. Лаоник Халкокондил пишет: «Как только даки осознали, что император идет на них, они увезли своих жен и детей, одних в горы Брашова, других — в городок (пропуск в тексте — вероятно, историк имел в виду Бухарест, но не знал его названия. — В. Э.), который был со всех сторон окружен болотами и отлично защищен ими. Многих женщин увели в леса, где люди приезжие и не знающие тех мест с трудом находят дорогу, ибо леса эти необъятны, густо поросли деревьями и почти непроходимы. Отправив своих детей и жен в безопасное место, сами даки собрались вместе, чтобы следовать за своим князем Владом»^[85].

Военные приготовления турок вызвали беспокойство в Европе; между столицами, загоня лошадей, метались гонцы. Всех интересовало, куда двинется грозный султан, уже прозванный Завоевателем — в Венгрию, на Белград, на Рим? Мехмед сам старался поддерживать интригу, пустив слух, что он двинет войска на Белград, чтобы отомстить за поражение 1456 года.

Поверив этому, венгерские магнаты бросились вывозить имущество из районов, близких к Дунаю. Король Матьяш отправил к Белграду отряд конных стрелков и, по слухам, сам собирался поехать туда. Об этом 28 мая писал новому дожу Венеции Кристофоро Моро посол в Буде Пьетро де Томмази, оговариваясь: «Сделает он это или нет, я сказать не могу. Мне известно, что светлейшему королю Венгрии очень недостает денег и взять их ему в ближайшее время негде. Потратить на другие цели деньги, предназначенные для выкупа короны у светлейшего императора, или отчеканить другие он не может, а здесь без денег нельзя сделать ничего».

Венецианец знал, о чем пишет: Матьяш израсходовал огромные деньги на войну с Фридрихом III и на выкуп у него короны, поэтому не мог собрать большое войско. С небольшими силами воевать с громадной османской армией он не собирался — в конце концов, Дракула был не его вассалом, а турецким, вот пусть турки с ним и разбираются. Даже если они захватят Валахию, на возню с этим непокорным народом в тамошних горах и болотах у них уйдет несколько лет. А за это время Матьяш накопит денег, вооружит большую армию, получит обещанную помощь от императора и папы — тогда весь мир увидит, кто был прав! Должно быть, так и думал король Венгрии, отвечая на невысказанные упреки своих придворных и собственной совести. Во всяком случае, когда на рубежах Валахии разразилась война, королевская армия не двинулась с места и ничем не помогла соседям.

Армия султана между тем неспешно двигалась вдоль Дуная, минуя города и села, недавно разоренные Дракулой. Колонны турок растянулись на несколько лиг (лига примерно равнялась 4,5 километра), поднимая тучи пыли. Шли грозные янычары в высоких матерчатых колпаках и широких шароварах. Ехали конные спахии в богатом платье, с саблями, на которых золотом были выписаны строки Корана. Носились на своих мохнатых лошадках акынджи, пугая дикими криками анатолийских крестьян. В огромном обозе везли 120 пушек, осадные лестницы и даже запас веревок, чтобы вязать пленных. Там же ехали многочисленные ремесленники, муллы и историографы, призванные описывать победы султана. Всех их вместе со снаряжением и припасами везли тысячи быков, мулов и верблюдов. Войско вели лучшие полководцы империи — великий везир Махмуд-паша, Омер Турхан-оглу, Али Михал-оглу, Али Эвренос-бей-оглу, Умур Дели-оглу из Янины. Сам Мехмед ехал в центре в громадной повозке-шатре, сопровождаемой караваном слуг, поваров и невольниц.

В первых рядах шел отряд, возглавляемый братом Дракулы Раду Красивым, на которого султан возложил особую миссию — стать

господарем Валахии и привести, наконец, этот непокорный край под руку Порты. Константин из Островицы пишет: «Султан послал за его братом, чтобы он приезжал ко двору, и два высших вельможи из султанского дивана, один по имени или по прозвищу Махмуд-паша, а другой — Исак-паша, отправились к нему и, держа его с двух сторон, повели к султану туда, где султан сидел на своем престоле. А когда он пришел, султан поднялся, взял его за руку и посадил подле себя на другом, немного более низком престоле по правой стороне от себя и приказал принести синее одеяние из парчи и надеть на него, потом он приказал принести красную хоругвь и отдал ее ему, а к тому же золото, коней, шатры, какие подобают господарю, и тут же отправил с ним четыре тысячи коней вперед к Никополю, чтобы он его там ожидал, и сам, не мешкая, двинулся вслед за ним»^[86].

Многие относились к Раду свысока, помня его прошлое султанского миньона. Только самые близкие к принцу люди знали, что он умен, смел и опытен в ратных делах. Благодаря близким отношениям с султаном он отлично знал положение дел в империи и соседних странах. По догадке Халкокондила, именно он в свое время упросил Мехмеда посадить Дракулу на валашский трон, но вряд ли это так: давно забыв брата, он воспринимал его только как соперника в борьбе за власть, особенно если они, как считают некоторые, были рождены от разных матерей. Достигнув семнадцатилетнего возраста, Раду покинул покои султана (тот предпочитал мальчиков помоложе) и женился на родственнице сербского деспота Марии Деспине, которая родила ему дочь Марию.

Именно Раду поручили первым подойти к Дунаю в районе Никополя и разведать обстановку. Оказалось, что на другом берегу реки, у крепости Турну, уже собралось валашское войско — Дракула пытался помешать туркам переправиться через реку. Среди янычар был и Константин из Островицы, который вспоминал: «Когда мы были в Никополе, на берегу Дуная, с другой стороны стоял воевода Дракула с войском и оборонял перевоз. Султан так сказал янычарам: «Мои милые овечки, что мое, то ваше, и прежде всего — мои сокровища; дайте мне совет: ведь от вас зависит, переправлюсь ли я на ту сторону и выступлю ли против моего неприятеля». И они ему отвечали: «Счастливый повелитель, вели приготовить лодки, а мы ночью сложим свои головы, но переправимся на ту сторону». Тогда султан велел дать им восемнадцать больших снаряженных лодок и других приспособлений: пушек, ружей, больших и малых пицалей. А когда наступила ночь, мы сели в лодки и быстро поплыли по воде вниз так, что звуков от весел и людей не было слышно. И

мы приехали на ту сторону на один гон ниже того места, где расположилось их войско, и тут мы окопались, поставив орудия и прикрыв их вокруг большими щитами; около себя мы поставили дреколья для того, чтобы с нами ничего не могли сделать всадники»^[87].

Эти события произошли 4 июня 1462 года. Увидев высадившихся турок, Дракула немедленно атаковал их; прежде чем те успели приготовиться к бою, было перебито 250 янычар. Казалось, что вот-вот их сомнут и сбросят в Дунай. Валахи дрались, как одержимые, и Константин пишет, что на султана, наблюдавшего за битвой с другой стороны реки, «напал великий страх». Но тут янычары установили пушки на лафеты и открыли огонь по валашской кавалерии. Ядра врезались в строй атакующих, испуганное ржание коней смешалось с предсмертными стонами. Воины Дракулы отступили, бессильно глядя, как Дунай покрывает черная сыпь лодок с турецкими солдатами. Поняв, что бой проигран, воевода приказал отступать. Радуюсь этому, султан тут же велел разделить между янычарами 30 тысяч золотых и дал свободу тем из них, кто до этого был рабом.

Единственным оружием против турок оставалась теперь «тактика выжженной земли». На пути к Тырговиште османы всюду встречали сгоревшие дотла, опустевшие деревни — ни людей, ни скота. Животных, которых не удалось увести с собой, жители забили и бросили в колодцы, отравив их. Об этом сообщает участник похода Турсун-бег: «Продвигаясь по этой стране, как непреодолимый морской прилив, воины султана обнаружили, что там нет ни капли воды, чтобы утолить жажду. Повозки и вьючные животные не могли двигаться дальше, и солнечный жар был так велик, что на кольчугах воинов можно было жарить мясо. Разгневанный султан обвинил своих командиров в беспечности и велел отхлестать разведчиков плетьюми. Поскольку в тех местах нигде не было воды, их послали на поиски. Пережив множество трудностей и опасностей, они добыли воду и доставили ее султану и всем воинам»^[88]. Речки и пруды пересохли от жары, и воду, вероятно, пришлось везти в бурдюках от самого Дуная.

Откуда у турок бралось мясо? Скорее всего, они забивали обозных лошадей и верблюдов — кормить их все равно было нечем. В итоге даже гордым спяхиям пришлось питаться павшими от голода лошадьми, а янычары хмуро поглядывали на свои громадные, начищенные до блеска казаны — день ото дня похлебка становилась все более жидкой.

Лига за лигой войско султана двигалось по Валахии, страдая от голода и жажды. Валахи все время были где-то рядом — отряды турецких фуражиров, пытавшиеся отыскать провизию в стороне от тракта, исчезали бесследно. Каждую ночь турки ограждали лагерь рвом, опасаясь набега вражеской кавалерии. «Хотя валашский воевода имел небольшое войско, на нас напал страх, и мы очень его остерегались», — признавался Константин из Островицы. Среди солдат ходили слухи, что страшный Казыклу-бей по ночам оборачивается волком и рыщет вокруг лагеря, выбирая себе жертв. Насильно мобилизованные уроженцы Анатолии начали роптать, требуя возвращения домой. Но мало-помалу армия продвигалась вперед — миновав окруженный болотами Бухарест, она вышла на дорогу, ведущую к Тырговиште. До столицы оставалось меньше десяти лиг, когда Дракула решил пойти ва-банк.

В ночь с 17 на 18 июня турок, стоявших лагерем недалеко от деревни Чокэнешти, разбудили отчаянные крики дозорных и лязг оружия. Валашские воины, подобравшись в темноте к лагерю противника, незаметно пробрались внутрь и устроили резню, забросав ров трупами врагов и сорванными шатрами и открыв таким образом дорогу коннице. Во главе отряда «храбрецов» скакал сам Дракула, направо и налево рубя разбегавшихся турок. «Они перерезали людей, коней, верблюдов, грабили шатры, — повествует Константин, который был очевидцем событий. — Они перебили несколько тысяч турок и принесли султану большой вред, а другие турки убегали от них к янычарам, но янычары их от себя отгоняли и убивали, чтобы не быть перебитыми ими». Похоже, неопытные анатолийские солдаты в полной панике рубили своих товарищей, принимая их за гяуров. Дракула заранее велел обмотать стрелы просмоленной паклей, и теперь его воины зажигали их и пускали в шатры, устраивая пожары по всему лагерю и увеличивая общую неразбериху.

Позже сам воевода или кто-то из его приближенных написал сообщение об этой битве, попавшее в Рим с отчетом нунция Никколо из Модруссы и включенное в «Комментарии» Пия II. Автор документа пишет: «Султан вынудил его (Дракулу) укрыться в горах, где валахи, защищенные естественными природными условиями, находились в количестве 24 тысяч человек, с готовностью следовавших за своим господином. Когда он понял, что должен или умереть от голода или погибнуть от рук жестокого врага, и, рассматривая оба этих варианта, пришел к выводу, что оба они не достойны

храбрых мужчин, он отважился совершить знаменитое деяние, памятное всем. Созвав своих людей и объяснив им суть дела, он легко убедил их проникнуть внутрь вражеского лагеря. Он разделил людей так, что они должны были либо умереть в сражении со славой и честью, либо, если судьба будет благосклонна к ним, отомстить врагу»^[89]. Дьяк Курицын передает слова Дракулы, сказанные при этом его воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». В итоге в вылазке приняли участие от 7 до 10 тысяч человек. Далее в документе говорится: «Используя нескольких турецких пленных, которые были захвачены в сумерках, когда они опрометчиво бродили вокруг лагеря, он проник глубокой ночью с частью своих войск в турецкий лагерь, преодолев укрепления, и в течение целой ночи молниеносно носился во всех направлениях, вызвав великую резню»^[90].

Целью Дракулы был сам султан Мехмед — его гибель неминуемо вызвала бы панику в рядах турок, и они потерпели бы невиданное еще в истории поражение. Однако валашский воевода не знал устройства османского лагеря; увидев впереди богато украшенный шатер, он устремился туда, прорубаясь через толпу бегущих турок, но оказалось, что шатер этот принадлежит великому везиру Махмуд-паше, который еле успел сбежать. Когда валахи поняли, где на самом деле находится Мехмед, вокруг него уже выстроились плотные ряды янычар. Турки постепенно оправившись от неожиданности и начали теснить нападавших.

Перед битвой Дракула отправил часть своих войск во главе с ворником Галешем в обход турецкого лагеря, чтобы напасть на него с другой стороны. Это отвлекло бы внимание турок и позволило ему добраться до султана. Но Галеша всё не было. Теперь уже со всех сторон Влад видел лица врагов и слышал их крики: «Аллах акбар!» Его валахи один за другим падали под вражескими ятаганами. Он сразил очередного противника, пытавшегося проткнуть пикой брюхо его коня, но в это время другой турок полоснул саблей по ноге господаря. Склонившись к конской шее, Дракула из последних сил прокричал: «Отходим!» Уцелевшие валахи окружили своего предводителя и помогли ему выбраться из лагеря, а потом все вместе устремились в сторону гор. Турки осмелились погнаться за ними только после рассвета, когда воины были уже далеко.

Об этом сражении, которое румыны называют «битвой при свете факелов» (*batalia cu facie*), подробно написал Лаоник Халкокондил, который или сам находился в обозе османского войска, или опрашивал очевидцев событий:

«Император двигался вперед со своей армией, сжигая селения и уводя с собой весь скот, который удавалось найти. Его разведчики приводили в лагерь немного пленных и несли серьезные потери, как только отбивались от своих. Говорили, что Влад проник в их лагерь, как шпион, и разведал все его устройство. Однако я не верю, что он, имея в своем распоряжении столько лазутчиков, пошел бы ради этого на такой риск; если он и сделал это, то только ради испытания собственной храбрости. Впрочем, он мог и среди бела дня подъехать к лагерю и издали увидеть, где находятся шатры султана, Махмуда и других.

Имея в своем распоряжении менее 10 тысяч конных — а иные говорят, что их было всего две тысячи, — он дождался конца первой ночной стражи и ворвался в лагерь императора. Сначала это вызвало панику, поскольку многие подумали, что на них напала целая армия, пришедшая из-за границы. Обезумев от страха, они решили, что все потеряно, и бежали прочь от места атаки, обозначаемого огнем факелов и звуками рога. Но весь лагерь оставался недвижим: эти люди предпочитают не трогаться с места ночью, даже если поднимутся шум и смятение. К тому же турки, хоть и объятые страхом, не смели двинуться или даже проронить слова без приказа, боясь быть казненными по приказу императора. Тем временем глашатаи императора побуждали их оставаться на месте, ободряя такими словами: «Мусульмане, успокойтесь! Скоро вы увидите, что лагерь под нашим контролем, и враг императора наказан за свое дерзкое нападение». Они повторяли это снова и снова, ведь если армия оставалась на месте, она должна была разбить врага, а те, кто бежал, неминуемо погибли бы от рук врага или палачей императора.

Когда Влад столь быстро ворвался в лагерь, первой ему встретилась азиатская армия, которая после короткого боя обратилась в бегство. Освещая путь факелами, он во главе сомкнутого строя своих людей устремился прямо к императорскому шатру. Однако они ошиблись и достигли шатров везиров Махмуда и Исака, где перебили множество верблюдов, ослов и других вьючных животных. Сражаясь в строю, они не несли ощутимых потерь, но как только кто-то из них отступал в сторону, его немедленно убивали турки... Наконец они отыскали шатер императора, но перед ним уже выстроилось в боевой строй множество воинов. Некоторое время воины Влада сражались с ними, но потом повернули и бросились вон из лагеря, убивая и калеча всех на своем пути. Уже почти рассвело, когда они покинули лагерь, понеся незначительные потери. Незначительными, как говорят, были и потери войск императора»^[91].

Это «как говорят» хорошо передает иронию хитрого грека, хорошо

знавшего, что на самом деле турки понесли серьезный урон. Упомянув только о гибели верблюдов и ослов, он вольно или невольно уравнивает их с турецкими воинами, а заодно внушает читателю восхищение храбростью валахов и их воеводы. Храбрость проявлял и сам Халкокондил, регулярно вставляя в свое сочинение такие «фиги в кармане». Иначе вел себя его соплеменник Критовул^[92], стремившийся превзойти раболепством турецких историков. В своей «Истории Мехмеда» он уверяет, что ночная атака закончилась полным провалом:

«Осознав безнадежность своего положения, Дракулис решил в отчаянной атаке убить хоть сколько-то врагов и погибнуть самому. Отважившись на эту безумную попытку, он решил напасть на лагерь ночью. Около полуночи он собрал своих людей и обрушился на край лагеря без всякого порядка и плана. Ему удалось убить изрядное количество верблюдов, коней и мулов, но причинить вред людям он не смог. Узнав об атаке, султан предусмотрительно приказал своим людям немного отступить, чтобы впустить врага поглубже и сделать его более уязвимым. После этого он дал сигнал к общей атаке со всех сторон. И они обрушились на врага с великим шумом и яростью и убили всех на месте, кроме тех немногих, кого взяли в плен. Дракулис же укрылся в тайном месте, а потом бежал в Венгрию»^[93].

Еще больше искажает картину красноречивый Турсун-бег:

«Милостью Аллаха, победоносная армия султана менее чем за 30 дней затопила всю Валахию, подобно морским волнам. Ею были взяты богатые трофеи и юные пленники обоего пола. Но внезапно проклятый Казыклу оставил свое убежище на востоке и двинулся на запад, чтобы под покровом ночи предательски напасть на победоносную армию падишаха. Он знал, что Аллах помогает праведным, но, как гласят стихи Корана, неверные не ведают в своей глупости, что, нападая на океан, они неминуемо утонут. Поэтому он попытался воплотить свой безумный план. Но султан узнал об этом и заботливо расположил свои войска в лагере при свете луны. Воины неверных напали на лагерь, но это было подобно капле воды, упавшей в море. Сперва они столкнулись с войсками из Анатолии и прочли им стихи о встрече со смертью. Потом, пытаясь быстро миновать шатры победоносной армии Высокой Порты и янычар, они были замечены и встречены, как подобает: их рты наполнились смертоносной сталью.

Стихи:

*Столько вражеской крови было пролито,
Что ночное небо стало алым, как тюльпан.*

*И сверкание мечей в темной ночи
сделало ее похожим на ясный день.*

Большинство их было убито или ранено при попытке скрыться. В смятении они попали в самый центр армии, думая, что бегут к ее краю и там смогут найти спасение. На деле же они попали в гущу воинов из Румелии, устремившись к собственной гибели. Когда в каждом шатре были зажжены бесчисленные свечи и факелы и отовсюду слышались крики храбрых солдат, готовых к бою, неверные потеряли всякое присутствие духа, подобно ночной птице, ослепленной светом и кидающейся в самое пламя. Многие из них, оставив коней и спасаясь пешими, кидались в турецкие шатры и гибли там в схватке с храбрыми воинами. Их разгром был так велик, что даже десятилетние слуги и носильщики, бывшие при армии, убили немало неверных, вдвое превосходящих их силой. И так у этого проклятого были сломаны крылья, а сердце пронзено пиками и мечами наших храбрых воинов. В конце концов он сумел выбраться из лагеря и бежал прочь, серьезно раненный и почти что мертвый, в сопровождении немногих своих людей.

Стихи:

*Своею волей он пришел туда,
но против воли бежал поспешно прочь.*

Уцелела едва ли четверть его войска. Всех пленных разделили на три части. Головы тех, кто принадлежал к первой, отрезали, насыщая жажду мечей, и после надели на пики. Вторую часть увели в плен, и они избрали путь предательства: пытались выгладеть дружелюбно, но вели себя, как враги. Поэтому, как сказано в Коране, праведный меч пал на них и разделил их надвое: 3700 неверных были живыми приведены ко двору султана и там убиты мечом. Третью часть составили те, кто вышел из битвы раненым и почти что мертвым. Те из них, чья грудь была пронзена мечом, умерли, и их потерянные души умчались в окрестные леса, направляясь в долину ада. Тем самым они избежали долгих мук, доставляемых столь серьезными ранами. И совсем немногие спаслись бегством вместе с проклятым Казыклу»^[94].

Эта цитата полезна лишь тем, что демонстрирует приемы искажения действительности османскими историками, хорошо знакомые и

современным пропагандистам. Здесь и многократное преувеличение вражеских потерь в сочетании с преуменьшением своих; там, где умолчать о жертвах невозможно, их маскируют поэтическими образами наподобие «стихов о встрече со смертью». И демонизация врага, обвиняемого — без всяких доказательств — во всех возможных преступлениях. И «постправда», при которой автор обращается к эмоциям аудитории, оставляя без внимания истинный ход событий, их причины и следствия. Красотами стиля Турсун-бег маскировал неприглядную реальность, заключавшуюся в том, что ночная атака была совершенно неожиданной для турок и причинила им куда больший урон, чем нападавшим. Однако своей главной цели Дракула и правда не достиг: он надеялся, что султан будет убит или, уstraшенный большими потерями, повернет войско назад. Но этого не случилось — в немалой степени по вине Галета.

В полдень на лесной поляне отдохнувший и перевязанный воевода хмуро выслушивал объяснения вернувшегося к утру ворника. Он не знает этих мест, сбился с пути и попал в болото? Может, и так, но почему бойцы его отряда утверждают, что Галеш пытался сбежать и они еле заставили его вернуться? Дракуле все было ясно: иуда подкуплен боярами, которые уже приготовились встречать хлебом-солью его проклятого братца. Скоро Галеш уже корчился на колу вместе с двумя своими помощниками. Похоже, он был не единственным; дьяк Курицын пишет, что воевода лично осматривал всех, кто вернулся с ним с поля битвы: «Кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину — того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а женщина!»^[95].

О страхе, который испытывали валашские воины перед своим князем, говорит эпизод, приведенный тем же Хал-коккондиллом: «Воины императора схватили одного из людей Влада и отвели его к Махмуду, который стал расспрашивать, кто он и откуда. И когда тот рассказал все это, его спросили, знает ли он, где находится Влад, князь Дакии. И он ответил, что хорошо знает это, но не смеет сказать из великого страха. Когда же ему сказали, что убьют его, если не получат ответ, он сказал, что лучше умрет, чем скажет хоть слово. Изумленный Мехмед велел казнить этого воина и сказал, поразмыслив, что если Влад имеет целую армию таких же воинов, победить его будет нелегко»^[96].

Хотя ночная атака не достигла своей главной цели, господарь был не очень расстроен. Его потери были гораздо меньше вражеских; позже он уверял даже, что убитых в его войске почти не было, но это явно было не так. Итальянские дипломаты в своих донесениях сообщали, что из числа

валахов, участвовавших в вылазке, погибло до тысячи воинов. Еще несколько сотен, по сведениям янычара Константина, были схвачены турками во время погони и тут же обезглавлены; не исключено, что речь шла о мирных жителях, на которых султан вымещал злобу. Османское войско, по мнению тех же всезнающих итальянцев, потеряло убитыми 10 или даже 15 тысяч человек.

*

Епископ Никколо из Модруссы, опросив позже участников ночной атаки, утверждал, что султан «потерял в ту ночь всякую надежду на спасение, покинул лагерь и постыдно бежал. Он убежал бы и дальше, если бы его люди не пристыдили его и не вернули в лагерь почти что против воли». На самом деле это бегство случилось, как мы увидим, чуть позже, а пока Мехмед со своей армией, похоронив убитых, продолжал медленно двигаться в сторону Тырговиште. Валахи как сквозь землю провалились, и османские командиры решили, что их силы истощились, и война, слава Аллаху, подошла к концу. В полдень 22 июня турки подошли к валашской столице. Уже издалека они увидели дым многочисленных пожаров и еще какое-то темное облако, кружащее над городом. Подойдя поближе, они поняли, что это: несметные стаи воронья, будто слетевшиеся со всей Валахии, кружились над странным лесом из голых стволов, вдруг выросшим на прилегающем к городу обширном поле. Турки еще не верили своим глазам, а над войском уже поднялся многоголосый ропот удивления и ужаса, не заглушаемый даже карканьем птиц.

Над полем возвышались тысячи колов, на которых слабо шевелились или неподвижно висели люди — частью голые, частью облаченные в лохмотья, в которых можно было узнать одежду турецких солдат. Это были пленные воины Махмуд-паши, которых Дракула приберег для этого страшного спектакля. Колы высились правильными рядами; на тех, что повыше, висели командиры, а два самых высоких увенчивали два трупа в богатом платье — Юнус-бей и Хамза-паша. Тут были не только турки — по одежде угадывались немцы, цыгане и сами валахи, причем среди последних были женщины и даже дети. Уже потом выяснилось, что часть колов пуста, к другим привязаны тряпичные куклы, но в первый момент вся армия была скована ужасом. Принц Раду застыл на месте, его красивое лицо будто окаменело. Стоящий рядом султан, побледнев, как смерть, воскликнул: «Это злой дух! Человек не может сотворить такое!»

Лаоник Халкокондил описал эту страшную картину, которую, возможно, видел своими глазами: «Долина была в 17 стадий длиной и в семь шириной (около 3 км². — В. Э.). И на ней повсюду стояли большие колы, на которые были насажены мужчины, женщины и дети — всего, как говорят, до 20 тысяч безжалостно замученных. Какое зрелище для турок и самого императора! Видя такое множество посаженных на кол, все пришли в ужас, а иные даже лишились рассудка... Там были и младенцы, прибитые кольями к трупам матерей, животы которых были распороты, так что птицы свили там свои гнезда. Одни были убиты давно, другие совсем недавно, а некоторые уже превратились в скелеты»^[97]. Мы знаем, что Дракула велел для устрашения не снимать посаженных на кол долгое время, вплоть до года, поэтому многие трупы, без сомнения, остались с довоенных времен, став частью устроенного воеводой «театра ужаса».

Некоторые считают, что Юнус-бей и Хамза-паша тоже были казнены сразу после пленения и провисели на колах почти полгода. Но в этом случае новость наверняка дошла бы до Мехмеда, и эффект неожиданности, который Дракула так любил, был бы смазан. Скорее всего, господарь велел казнить приближенных султана сразу после «ночной атаки», когда стало ясно, что столицу придется оставить. Тогда же были казнены пленные турецкие солдаты, причем в спешке, так что колов на всех не хватило — многие были повешены на деревьях в ближнем лесу или зарублены и свалены в кучу. По приказу султана солдаты, обмотав лица тряпками из-за невыносимого смрада, сняли трупы и похоронили их в наскоро выкопанных длинных рвах.

Конечно, 20 тысяч посаженных на кол — явное преувеличение, и не зря мудрый греческий историк добавил к этой цифре осторожную приписку «как говорят». У Дракулы не было ни времени, ни людей, чтобы осуществить такую масштабную казнь; к тому же в руках у него было не больше четырех тысяч пленных турок, солдат Махмуд-паши. Правда, к ним были присоединены те жители столицы, которые отказались или просто не могли покинуть ее и укрыться в неудобных горах и болотах. Влад не терпел невыполнения его приказов; к тому же он был уверен, что османы все равно перебьют горожан, когда увидят, что он сделал с их соплеменниками. Им двигала не слепая месть, а трезвый расчет — остановить нашествие можно было, только парализовав врагов страхом. И это почти удалось: султан Мехмед наотрез отказался войти в сожженный, обезлюдивший, насквозь пропахший смертью Тырговиште и на следующий день объявил, что оставляет войско на попечение Махмуд-паши, а сам срочно

возвращается в Стамбул — государственные дела стоят, пока он теряет время в этих диких краях. Бывалые воины в недоумении переглядывались: никогда еще они не замечали за своим войнолюбивым падишахом такого стремления поскорее оставить армию. Те, кто знал правду, молчали, чтобы не потерять голову: впервые за много лет Завоеватель встретил противника, равного себе по холодной жестокости и упорству. Он испугался — и решил уйти.

Перед тем как покинуть армию, султан собрал командиров и велел им обыскать всю Валахию, если надо — сровнять с землей горы и вырубить леса, но поймать проклятого Казыклу и доставить к нему. Мехмед никому не сказал того, что думал: он не сможет спать спокойно, пока жив этот человек. Паши и беи ревностно взялись за выполнение порученной задачи, но Дракулы уже не было в окрестностях столицы — с частью войска он ушел на восток, откуда приходили тревожные вести.

Вошедшие в устье Дуная турецкие галеры начали обстреливать крепость Килию, где засели валахи и венгерские воины, присланные Матьяшем еще до войны. Узнав об этом, молдавский воевода Стефан решил прибрать крепость к рукам, чтобы она не досталась туркам. Однако Дракула не собирался ее отдавать и велел гарнизону сопротивляться до последнего. 22 июня, в день страшного спектакля у ворот Тырговиште, молдаване пошли на приступ мощных стен Килии, защитники которой отстреливались из аркебуз. Одна из пуль попала в ногу Стефану, после чего штурм был прекращен — по легенде, эта рана так и не зажила до конца, став много лет спустя причиной смерти воеводы. Венецианский посол Бальби писал сенату: «Они осаждали крепость восемь дней, но ничего не добились. Много их погибло, а остальные убралась с позором, разбитые венгерским гарнизоном и семью тысячами валахов». В итоге крепость осталась у Дракулы, а от былой дружбы между ним и молдавским князем не осталось и следа.

Лаоник Халкокондил утверждает даже, что Стефан Великий, прославленный борец против турок, вступил с ними в сговор против бывшего союзника: «Влад разделил свою армию надвое, половину оставив с собой, а вторую половину послав против князя Черной Богданин (Молдовы. — В. Э.), чтобы удержать его от нападения. Из-за того, что князь Черной Богданин был в ссоре с Владом, он начал с ним войну и послал к императору послов, говоря, что готов присоединиться к нему против Влада. Император был рад услышать это и предложил этому князю соединиться с турецким флотом, чтобы вместе осадить крепость на реке, называемую Килия, которая принадлежала Владу»^[98]. Большинство румынских

историков отвергают эту версию, объявляя ее клеветой или ошибкой обычно точного хрониста. Например, Иоан Богдан пишет: «Ни один автор, кроме Халкокондила, не сообщает о войне между Стефаном Великим и Владом Цепешем в 1462 году. Совместное нападение Стефана и Мехмеда II остается, пока не доказано обратное, просто ошибкой греческого историка, который, зная о нападении на Килию и поражении Цепеша в том же году, соединил оба события»^[99].

Со времен Богдана, писавшего в конце XIX века, были обнаружены и другие свидетельства. Одно из них — письмо генуэзского губернатора Кафы (Феодосии) королю Польши Казимиру с просьбой уладить конфликт двух румынских княжеств: «Я узнал, что Стефан, князь Молдавии или Малой Валахии, воюет с воеводой Владом, который ведет успешную войну с турками. Их раздор не только помогает султану, но и, что еще опаснее, позволяет ему в случае занятия этих двух Валахий угрожать нам и другим соседним странам»^[100]. Письмо датировано 2 апреля 1462 года, и это говорит о том, что нападение на Килию не было внезапным — вражда Стефана и Влада зрела давно. Придя к власти с помощью Дракулы, Стефан вскоре заключил договор о союзе с Польшей, которая враждовала с союзной Валахии Венгрией. В марте того же 1462 года господарь Молдовы заключил в Сучаве новый договор с поляками, где говорилось: «Если какая-либо наша область или город захвачены иноземцами, то мы в союзе с вышеупомянутым государем, нашим королем, вернем ее себе». Речь явно шла о Килии — единственной молдавской территории, занятой в то время «иноземцами», то есть валахами. Ради обладания этой крепостью прагматичный Стефан вполне мог пойти на союз, пусть и временный, с турками.

Если Молдове нападение на Килию не принесло успеха, то для Валахии оно стало роковым. Дракуле пришлось отправить против недавнего союзника треть (а не половину, как пишет Халкокондил) своей небольшой армии. Это подтверждает османский хронист Турсун-бег: «Правда в том, что воевода Валахии велел одному из своих командиров отправиться к тому месту с семью тысячами воинов, чтобы защитить страну от его врагов-молдаван». Такое распыление сил ускорило неизбежный итог — армия Влада потеряла способность организованно сопротивляться туркам. Другим итогом стала враждебность, надолго разделившая правителей Молдовы и Валахии. Уже в 1481 году валашский господарь Басараб Юный жаловался патрициям Сибиу: «С тех пор, как воевода Стефан правит Молдавией, он не жил в мире ни с одним

валашским князем. Он не желал мириться ни с воеводой Раду, ни с Басарабом Старым, ни со мной. Не знаю, кто вообще способен с ним жить». Не прекращая попыток завладеть Килией, Стефан в конце концов взял крепость в 1465 году, но уже в 1484-м ею завладели турки, оплотом которых она оставалась больше трех веков.

Сам Дракула к Килии не пошел, направившись с основной частью армии на восток. Возможно, он узнал о намерении султана вернуться домой и собирался преградить ему дорогу. 25 июня он настиг у Бузэу армию Эвренос-оглу Али-бея численностью 15 тысяч солдат и с ходу ринулся в бой. Турки, уже наслышанные о страшном Казыклу, быстро разбежались, и «храбрецы» еще два дня вылавливали и рубили их по окрестным лесам. Радость воеводы была омрачена известиями из Тырговиште: 26 июня оставленные им близ столицы шесть тысяч воинов во главе с Драгомиром попытались повторить ночную атаку на османский лагерь. Им удалось обратить в бегство передовой отряд Юсуф-бея, но спахии Махмуд-паши ожидали нападения и встретили валахов во всеоружии. С большим трудом тем удалось пробиться к лесу, потеряв много людей.

Это сражение также описал всезнающий Лаоник Халкокондил: «Влад оставил за собой армию из шести тысяч человек и приказал им укрыться в лесах недалеко от сил императора и нападать на те отряды, которые приблизятся к ним. Но когда император двинулся в обратный путь, оставленная Владом армия напала на него, думая снискать победу и славу. Узнав о нападении врага, все в лагере, кроме придворных императора, взяли за оружие, и Махмуд приказал Юсуфу пойти и встретить врагов. Сам же Махмуд остался со своими готовыми к битве воинами. Юсуф, завязав бой, был разбит и бежал обратно в лагерь императора. Но Омар, сын Турхана, которому также было приказано атаковать неприятеля, встретил Юсуфа в пути и стал его стыдить: «О несчастный, что ты делаешь? Разве ты не знаешь императора? Неужели он будет доверять тебе, увидев твое бегство? Поистине, он поступит с тобой хуже, чем с врагом, и предаст тебя злой смерти». Услышав это от Омара, сына Турхана, Юсуф собрался с духом и повернул своих воинов. И вместе они вновь сразились с врагами и одержали верх. В короткий срок они разбили даков и погнали прочь, безжалостно убивая. И так было убито около двух тысяч врагов, и воины вернулись в лагерь, насадив их головы на пики»^[101].

В описании тех же событий Турсун-бег, как обычно, более красноречив и совершенно фантастичен:

«Казыклу думал, что храбрые солдаты устали и он легко разобьет их,

преградив им путь. Но в Коране сказано: «Аллах помогает правоверным», и помощь Аллаха стала очевидна, когда с этими неверными случилось то, чего они не ждали. В поисках воды войско повернуло именно туда, где находилась шайка проклятых неверных. Из-за деревьев и высокой травы неверные не увидели приближения победоносной армии и завязали бой с передовыми отрядами из Румелии. Когда обнаружилось, что враг близко, огромная как море армия получила приказ хранить молчание; янычары и анатолийцы молча готовились к сражению. Его величество падишах приказал Махмуд-паше встретить неприятеля, и тот, повинувшись приказу, расставил войска боевым строем и укрепил фланги.

На правом фланге армии находились Турхан-бей-оглу, Али-бей-оглу, Ахмед-бей и Малкоджи-оглу Балы-бей, как и другие прославленные полководцы, на левом — Насух-бей Арнаут, Дели-оглу Урмур-бей и Михал-оглу Искендер-бей с другими эмирами того же ранга. Предохранив себя таким образом, Махмуд-паша устремился на врага. Увидев внезапно в своем лесном укрытии их знамена, реющие на ветру, неверные поняли, что они погибли, и ужас сковал их сердца.

Стихи:

*Они ни минуты не могли устоять
против разящих мечей, жадных до крови,
И покорно склонили свои головы
под удары мечей и пик.*

Устранись, неверные бежали, и победоносные гази убивали их своими обагренными кровью мечами так легко, будто резали огурцы, а выживших брали в плен. Конный отряд, бежавший с поля боя, был встречен в долинных войском Эвренос-оглу. Турки взяли большую добычу и многих пленников, изможденных и потерявших коней. Они шли пешком, не зная, что случилось с остальными. И тут турки увидели толпу неверных, спешившую к ним с намерением сражаться, верили себя воле Аллаха и вступили в сражение. И неверные были разбиты и бежали, а турки, увидев их поражение, бросились преследовать их и добивать. Из 7000 неверных спаслось едва ли 700. Когда этот славный и победоносный поход был завершен, головы неверных нагрузили на верблюдов и мулов. Помимо этого, каждый воин нес на острие своего меча голову неверного, и их мечи были похожи на змей с человеческими головами. Сотни и тысячи неверных были приведены в цепях к султанскому двору. После вечерней молитвы

победоносный султан воссел на трон, и перед ним в свете факелов провели неверных, слуг Ахримана... Когда этот пир завершился, султан и его армия, многочисленная, как звезды на небе, возблагодарили всемогущего Аллаха за радость победы»^[102].

Понятно, что турецкий хронист соединил победу Махмуда-паши с поражением Эвренос-оглу, превратив их в одну грандиозную победу. Он даже не заметил, что уже в третий раз на протяжении своего сочинения уничтожил войско Дракулы, которое в реальности продолжало существовать. Правда, положение валашского князя неуклонно ухудшалось: его армия таяла в непрерывных стычках и ей все труднее было находить продовольствие и фураж для коней в разоренной стране. Весь июнь армия султана медленно двигалась на восток левым берегом Дуная, истребляя на пути всё, что не успели или не решились уничтожить сами жители.

29 июня Мехмед достиг города Брэила в слиянии двух рукавов Дуная, сжег его и переправился через реку. С ним была большая часть армии — потрепанная, голодная и долго еще повторявшая рассказы об ужасном Казыклу, чтобы передать их детям и внукам. Лаоник Халкокондил писал: «Гоня с собой более двух тысяч лошадей и коров, армия императора подошла к реке Истр. Они боялись даков, которые нимало не утратили свой боевой дух и тревожили их нападениями снова и снова, так что турки подошли к Истру в большой спешке. Император приказал Али, сыну Михаила, прикрывать отход. Дойдя до Истра, он оставил Дракулу (имеется в виду Раду. — В. Д.) править даками и приводить их к покорности империи и велел наместнику той области во всем ему помогать, а сам устремился прямо в свою резиденцию»^[103].

Оставшийся в Валахии Раду объявил себя господарем, хотя пока что не решался высунуть нос из-за стены турецких караулов. Из своей штаб-квартиры в Барагане он обратился к валахам с воззванием, которое цитирует Халкокондил: «Даки, как вы думаете, что ждет вас в будущем? Или не знаете вы, что власть султана безмерна, что скоро его армии придут сюда и уничтожат вашу страну, лишив вас всего, что у вас есть? Почему бы вам не подружиться с императором? Тогда и у вас в домах, и в вашей стране наступит мир. Вы знаете, что у вас уже не осталось скота, и все жестокие страдания, которые вы претерпеваете, случились из-за моего брата, потому что вы согласились пойти за с ним. Он уже обрек Дакию на такое горе, какого никогда еще не случалось»^[104]. Одновременно новый господарь старался задобрить турок — в июле он подписал соглашение с Портой, по

которому валашская дань была увеличена до 20 тысяч дукатов в год.

По контрасту с братом Раду старался прослыть милостивым и гуманным. Первым же своим указом он простил всех сторонников прежнего князя и пригласил их к себе на службу. Сам Дракула никогда бы не сделал такого: как можно доверять предателям? Но почему-то тактика Раду сработала — люди стали выходить из леса и возвращаться к пепелищам своих домов, к прежней жизни. Впереди всех, как можно было догадаться, явились недобитые бояре, уверявшие, что под властью тирана всегда мечтали о возвращении его милостивого младшего брата. Слыша об этом, Влад только стискивал зубы: ничего, на всех хватит колов в валашских лесах!

О политике Раду пишут Р. Флореску и Р. Макнелли: «То, чего султан Мехмед не смог сделать военной силой, Раду и его бояре добились при помощи дипломатии — хотя именно упорное сопротивление Дракулы спасло валашскую свободу. Раду укрепил свои связи с боярской средой, женившись на Марии Деспине, сестре заклятого врага Дракулы Винтилэ Флореску, изгнанного из боярского совета в 1456 году, когда Дракула пришел к власти... Раду использовал свое присутствие в армии султана с начала военной кампании в Валахии для установления контактов с недовольными боярами; он постоянно узнавал их настроения от целой сети шпионов и доносчиков. Именно поэтому уже с первой недели июня в лагере султана стали появляться делегации бояр, просившие Мехмеда отнять страну у страшного Колосажателя и вручить ее его красивому и миролюбивому брату»^[105]. Авторы, как обычно, преувеличивают роль предка одного из них, никак не отраженную в источниках.

Жена Раду, как уже говорилось, вышла за него задолго до похода и не имела никакого отношения к боярину Винтил э. К тому же делегации бояр, если они и были, вряд ли могли повлиять на решение Мехмеда, который давно уже решил отдать валашский трон Раду.

Тем не менее Раду действительно сделал то, что не удалось его покровителю: лишил Дракулу власти. Лаоник Халкокондил утверждает: «Узнав, что этот юноша лучше, чем их прежний князь Влад, они мало-помалу переходили к нему». А вот в писаниях раболепного, как всегда, Критовула ни о каком «мало-помалу» нет и речи: «За несколько дней султан захватил почти всю страну, захватил крепости, разорил города и захватил бесчисленную добычу. Потом он поставил Раду, брата упомянутого Дракулы, предводителем и начальником над валахами»^[106].

На самом деле поход занял почти целый месяц и никакой добычи не

принес — как уже говорилось, валахи уничтожили или забрали с собой все ценное, что было в захваченных городах и селах. С начала до конца похода турки страдали от голода и жажды, покидая негостеприимную страну с несказанной радостью. Ректор венецианской Кандии на Крите Алоис Габриэль сообщал своему правительству, что допрашивал раба-албанца, бежавшего из Эдирне через два дня после возвращения султана, состоявшегося 11 июля: «Он сказал, что султан прибыл в Адрианополь с войском в великом беспорядке, без всяких признаков победы, покинув ту страну из-за отсутствия провизии для людей и лошадей»^[107]. Любопытный штрих — вперед себя Мехмед послал отряды янычар, чтобы не допустить возможных беспорядков; так велико было недовольство турок неудачей валашского похода.

Легенда о противоборстве могучего императора и дерзкого правителя маленькой страны прожила не один век. В 1859 году ее вспомнил Виктор Гюго в своей стихотворной эпопее «Легенда веков». Немилосердно искажив имена и факты, французский классик изменил и суть истории, оставив моральную (точнее, аморальную) победу за султаном, получившим у него имя Мурад. Поскольку на русский эта часть поэмы до сих пор не переведена, изложим ее прозой: «Влад, боярин Тарсиса по прозвищу Дьявол, отказался платить султану дань. Он схватил турецких послов и посадил их на тридцать колов, расставленных вдоль дороги. Тогда Мурад устремился в поход, сжигая на пути дома, амбары и посевы, разбил боярина и взял в плен 20 тысяч его людей. Потом он окружил выжженное поле битвы стеной из прочного камня, в которую замуровал все 20 тысяч пленников, хотя они страшно кричали и стонали. В стене он оставил дыры, в которые виднелись глаза замурованных, и ушел прочь, написав на этой страшной стене: «От Мурада, строителя стен — Владу, сеятелю колов»^[108].

*

После ухода главных сил в Валахии осталось около 20 тысяч турок — не так много, но Раду уже создавал свое войско, в которое вступил даже кое-кто из «храбрецов». Основная их часть, правда, сохранила верность Владу, но его дружина таяла из-за постоянных битв. В июле Дракуле удалось еще раз разбить турецкое войско у Тыргшора — он перебил четыре тысячи врагов, но потерял и много своих. А потом в один из дней трансильванские наемники явились к нему и потребовали денег. Денег не

было; немцы попробовали было угрожать господарю, но, увидев его недобрую усмешку, отступили и молча скрылись в лесу. За ними последовали и многие валахи — бежали по одному и целыми отрядами во главе с командирами. Крестьянам нужно было собирать урожай, чтобы зимой их семьи не умерли с голода. Боярам — спасти свои поместья, пока их не захватили соседи, перешедшие на сторону Раду. Нескольких пойманных беглецов господарь казнил, но потом махнул рукой: не они виноваты, а он, не сумевший сберечь страну от турок...

К концу лета Дракула из полновластного хозяина Валахии превратился в загнанного волка. С отрядом из 30–40 человек он рыскал по сельской местности, избегая городов — везде сидели пыркэлабы (старосты) Раду и турецкие солдаты. Брат назначил за его голову большую награду, и не раз его ночевка в какой-нибудь убогой деревне прерывалась известием о подходе сил неприятеля. Теперь уже не турки, а он сам испытывал голод и нехватку самого необходимого. Ярость бессилия дополнялась тревогой о семье. Жена и Михня скрывались в Поенари — эта крепость одна из немногих не покорилась еще новому правителю. Как-то в конце августа Влад тайно явился навестить их, но турки узнали об этом и прислали из Куртя-де-Арджеш большой отряд с пушками.

Втащив орудия на скальный уступ на другом берегу Арджеша, враги начали обстреливать замок, но ядра были небольшими и не могли принести особого вреда крепко сложенным стенам. Посовещавшись, турки решили наутро штурмовать Поенари с двух сторон, тайно окружив ее отрядами янычар. По легенде, один из них, валах по происхождению, решил предупредить воеводу и метким выстрелом послал в его комнату на верхнем этаже замка стрелу с запиской, советующей как можно скорее бежать. В это время в комнате находилась жена Дракулы, которая и прочла записку; не желая попасть в турецкий плен, она подбежала к окну и бросилась оттуда в стремнину Арджеша. В наши дни место, куда она упала, зовется Рэул Домнеи, «речка госпожи»; камни там красны, будто на них пролилась кровь несчастной Снежаны.

Скорбь воеводы, узнавшего о гибели жены, не помешала ему действовать быстро и решительно. Он знал, что Поенари долго не выстоит, и решил уйти, оставив гарнизон крепости прикрывать свой отход — фактически бросив его на верную гибель. Должно быть, он рассуждал так же, как герой Брэма Стокера: «С кровавого поля боя, где гибли его полки, он приходил домой один... Его обвиняли в непомерной гордыне (в оригинале смысл иной: «They said that he thought only of himself»). Чушь! Что могут крестьяне без предводителя?» Дракула был уверен, что его

спасение, даже ценой многих жизней, в конце концов позволит Валахии обрести свободу. Жители деревни Арефу, расположенной у подножия горы, показали ему тайную тропинку через лес, ведущую от замка в безопасное место. Еще до рассвета сам господарь и еще десять человек, одним из которых был маленький Михня, покинули замок и спустились по узкой деревянной лестнице в пещеру на берегу реки, куда из Арефу привели самых быстрых лошадей — крестьяне набили им подковы задом наперед, чтобы турки не нашли беглецов по следам.

Вскочив на коней, Дракула, его спутники и пятеро проводников поспешили прочь от Поенари. Как раз в это время турецкие пушки начали обстреливать замок. Испуганные лошади пустились вскачь, и Михня, сидевший за спиной одного из всадников, не удержавшись, свалился на землю. Возвращаться за ним — значило попасть в руки турок, и Дракула ускакал прочь, много лет думая, что его сын мертв. Однако мальчика — опять-таки по легенде — утром нашел пастух, живший у подножия замка, и воспитал как своего сына. Лет через десять, узнав, что Влад жив и находится в Буде, пастух открыл юноше, кто его отец, и отправил в Сибиу, откуда тот добрался до Венгрии. Говорили, что, вернувшись к власти, господарь щедро одарил спасителя своего сына землей и деньгами.

Приведя Дракулу и его людей на лесную поляну у отрогов Фэгэрашских гор, пятеро крестьян из Арефу осадил коней, и старший из них, седой Исая, сказал:

— Всё, государь, дальше лежат земли венгерского короля, туда турки не сунутся. Поезжай вперед, а мы вернемся к себе домой. У нас люди надежные, будут молчать, как рыбы.

На прощание Дракула решил наградить крестьян. Бумаги у него не было, и он написал дарственную на пяти заячьих шкурках, подарив мужикам все окрестные горы, которые можно окинуть взглядом, вместе с лесом, зверями и рыбой. Особо было отмечено, что никакая власть, светская или церковная, не может отнять это дарение. Крестьяне бережно хранили заветные шкурки, передавая их из поколения в поколение, и сегодня одна из них находится в Национальном музее Бухареста. Дарственная, которую, как ни странно, соблюдали все последующие господа Валахии, передала жителям Арефу ни много ни мало пять тысяч гектаров земли. Понятно, что в этой деревне Влад Цепеш до сих пор остается любимым героем — еще и потому, что обеспечивает постоянный приток туристов.

Даже если в 1462 году у Дракулы были такие же преданные почитатели, к осени его положение стало безнадежным. Он мог скитаться

по горам до зимы, но холод все равно выгнал бы его на равнину — прямо в руки турок и «любящего» брата. Мог бежать в соседнюю Трансильванию, но саксы вряд ли простили бы ему набеги и зверства. Другой путь отступления, в Молдову, тоже был закрыт. Былая дружба со Стефаном превратилась во вражду, и в Сучаве Влада вряд ли ждала теплая встреча. Оставалась только одна дорога — в Венгрию. Пускай король Матьяш его не любит (у Дракулы уже не было сомнений на этот счет), но он должен понимать, что в будущей войне с турками Валахия — его главный союзник.

Влад знал, что король с сильным войском направляется в Трансильванию, чтобы защитить ее от возможного турецкого вторжения. Он отправил к Матьяшу послов — нет, не с просьбой о помощи, этого он не стал бы делать, а с предложением вместе напасть на турецкие гарнизоны в Валахии и сделать эту страну плацдармом будущего крестового похода. Если даже его небольшое войско едва не выгнало турок из Болгарии, то целая армия с рыцарской конницей, с пушками и пищалями вполне сможет это сделать. А дальше — Константинополь, и он во главе крестоносцев въезжает в святой город на своем вороном коне... Кто знает, может быть, именно ему суждено возродить православную империю на берегах Босфора? Ведь ему едва за тридцать, он полон сил и жажды действия. Король не должен, не может ему отказать!

Матьяш между тем не спешил — в июле выехав из Буды, он целых два месяца добирался до Карпат, устраивая по дороге праздники и разбирая прошения и жалобы подданных. Только в конце сентября он прибыл в Сибиу, а в ноябре перебрался оттуда в Брашов. В обоих городах он наслушался обвинений против Дракулы, который убивал королевских подданных, лишал их — а значит, и самого короля, — законного источника доходов, чеканил собственную монету, дерзко превышая свои вассальные права. По словам Лаоника Халкокондила, «пеонийцы», то есть венгры или немцы, «чьих близких он убивал в стране даков, просили у короля его голову». Трансильванцы уговаривали Матьяша признать господарем Валахии Раду Красивого — человека разумного, мягкого и склонного к уступкам. Они признались, что еще в августе заключили с ним мир и теперь ждали того же от короля. Матьяш не хотел ссориться с саксами, которые обеспечивали его немалой частью доходов. Не хотел и войны с турками, которая неминуемо началась бы, если бы он дал Дракуле убежище и помощь.

В октябре воевода со своими людьми прибыл в Брашов, разместившись в румынском предместье Шейи. Сперва он почти месяц ждал приезда короля, потом еще месяц прошел в бесплодных переговорах с

его сановниками — самого Матьяша воевода видел два или три раза. По словам Антонио Бонфини, король обещал ему «проследовать в Валахию для ее освобождения от турок... и отдать валахскому князю в жены свою сестру». Но за этими обещаниями ничего не стояло: поняв это, Дракула заявил венгерским придворным, что возвращается на родину, чтобы самостоятельно освободить ее от турок, а свой союз с королем считает расторгнутым. Это помогло — уже на другой день Корвин, проглотив обиду, приказал отряду словацких наемников во главе с командиром «черного войска» Яном Искрой направиться с Владом в Валахию — по его словам, это был лишь авангард большой венгерской армии, которая вскоре будет отправлена на помощь соседям. Словаков было около тысячи — мало, но лучше, чем ничего. К тому же это были опытные воины, и с ними Дракула надеялся серьезно потрепать турок, непривычных к зимней войне.

Медленно продвигаясь на юг, отряд 26 ноября добрался до пограничного замка Кёнигштейн (Пятра-Крыулуй), стоящего на высокой скале у моста через Дымбовицу. Там наметили ночевку, и словацкие командиры вместе с Владом начали карабкаться вверх по крутой тропе. На полдороге шедшие впереди и сзади господаря словаки внезапно набросились на него, сбили с ног и связали. В это время внизу, в долине, их подчиненные так же оперативно набросились на «храбрецов» Влада, не ожидавших нападения. Тех, кто пытался сопротивляться, зарубили, остальных отпустили, отобрав оружие. Дракула еще не опомнился от крушения своих великих надежд, как его грубо забросили на спину коня и галопом повезли прочь.

Узнав о пленении воеводы, его враги вздохнули с облегчением. Раду Красивый понемногу продолжал налаживать жизнь в разоренной Валахии. Может, он и стал бы неплохим правителем, если бы не нараставший с каждым годом турецкий гнет. Проклятия голодных, разоренных податями, матерей, чьих сыновей угнали в рабство, сыпались на голову нового князя. Даже бояре, вначале встретившие его как избавителя, начали роптать и интриговать в пользу Данешти. Мехмед II оставил задунайские земли в покое, торопясь вычеркнуть из памяти образ проклятого Казыклу. Свою жажду завоеваний он обратил на других — уже в 1463 году была завоевана Босния, с короля которой Степана Томашевича турки живьем содрали кожу. После захвата итальянских колоний в Греции султан вступил в затяжную войну с Венецией на море. На далеких восточных рубежах его армия теснила войска персидского шаха у хребтов Кавказа.

Угроза турецкого нашествия на Европу не исчезла совсем, но отодвинулась. Мало кто создавал, что это случилось из-за провала

«блицкрига» султана в маленькой Валахии. Правда, на первый взгляд цель Мехмеда была достигнута — в Тырговиште сел на трон его ставленник, из врага турок страна стала их союзником. Но это было достигнуто такими жертвами и напряжением сил, что впервые султан отступился от своей цели: страна, на которую он нацелил свой удар, не была завоевана и отуречена, и этого не случилось до самого конца Османской империи.

Грозный Завоеватель ненадолго пережил своего врага Дракулу — он умер в 1481 году, не дотянув и до пятидесяти. По сообщениям хронистов, в конце жизни он часто болел и плохо спал. Вряд ли ему снились бесчисленные жертвы его походов — зарезанные, обезглавленные, сожженные заживо мужчины, женщины и дети. Они ведь были всего лишь гяурами, посмевшими сопротивляться великой цели — утверждению истинной веры на всем пространстве земного диска. Нет, султану чудилось совсем другое — искаженные, почерневшие лица его воинов, бесконечными рядами висевших на колах у ворот трижды проклятого Тырговиште. И собственный смертный страх, когда ночью он проснулся от треска огня и криков: «Казыклу! Казыклу идет!» Этот страх не давал султану приблизиться к Дунаю, за который он прежде так рвался. И спасенные от турецкого ятагана жители европейских городов должны были благодарить за это человека, которого вскоре по иронии судьбы объявили величайшим злодеем на свете.

Глава шестая

ОТ ТЮРЬМЫ ДО МОГИЛЫ

Двенадцать лет венгерского плена Дракулы — самый темный период его биографии, хотя вся она освещена не слишком ярко. Об этих годах ничего не говорят ни румынский фольклор, ни турецкие историки, ни авторы немецких памфлетов. Исчезнув с политической арены, валашский господарь стал им всем неведом и неинтересен. Интерес вызывало только одно — причина загадочного пленения господаря, который все-таки был союзником короля Матьяша и долгое время отважно сражался с турками, главными врагами Венгрии. Михаэль Бехайм, первым представивший свою версию событий, сконструировал целую историю о том, как султан, разъярившись на Дракулу из-за казни послов, пошел на него войной, и тот, чтобы спасти жизнь и власть, предложил в письме выдать туркам короля Матьяша и все венгерское войско.

Это письмо до сих пор служит одним из главных обвинений против Влада. Подлинник его не сохранился, и о содержании мы можем судить только по копии, включенной в текст «Комментариев» папы Пия II. Из нее следует, что письмо написано 7 ноября 1462 года в местечке Ротель (ныне Чиснэдиу близ Сибиу); кроме него, будто бы были еще два письма, адресованных великому везиру Махмуд-паше и Стефану Молдавскому, но о их содержании ничего не известно. Вот текст этого документа:

«К императору императоров, царю царей земных, сыну великого Амурата, великому султану Магомету, да будет он счастлив, обращаюсь я, Иоанн Влад, воевода Валахии и покорный слуга Вашего величества. Припадаю к Вашим стопам, о император, и смиренно прошу позволить мне снова править моей страной и дать мне искупить мои великие прегрешения и ошибки. Я осознал, сколько зла в своем безумии я принес Вам и Вашей стране, но прошу Вас не оставить меня своей милостью и позволить мне заслужить прощение. Я хорошо знаком с Трансильванией и Венгрией и знаю там все дороги и пути. Если Вы удостоите меня своей милостью, я искуплю свое зло тем, что предам в Ваши руки всю Трансильванию, откуда Вам будет легко достичь Венгрии, а мои командиры проведут Вас через все препятствия. Остаюсь навеки Вашим покорным рабом, о великий император, да продлит Всевышний Ваши дни!»^[109]

Этот цветистый, угодливый стиль ничем не напоминает другие письма

Дракулы — четкие, деловитые, без всякой лести или самоунижения. К тому же письмо написано на латыни, а не по-славянски, как большинство документов воеводы, там нет ни его титула, ни подписи. Папа Пий упоминает, что первоначально язык документа был «болгарским», то есть славянским, но этого неведомого подлинника никто не видел. Король Матьяш славянского языка не знал, и, очевидно, в его руки сразу попало латинское письмо. Не проще ли предположить, что оно изначально было сфабриковано человеком, не знавшим ни языка воеводы, ни стиля его переписки, но очень желавшим опорочить его? Можно вспомнить, что такое же письмо в свое время будто бы отправил султану отец Влада, что и стало основанием для его убийства. Возможно, этот пример поддал идею тому, кто решил сфабриковать письмо Дракулы. Подлинным оно просто не могло быть: господарь прекрасно понимал, что после всего, что он совершил, султан никогда не доверится ему. Даже если он действительно выдал бы османам Матьяша, его ждал бы в лучшем случае почетный плен в какой-нибудь крепости, а в худшем — золоченый кол. Ходили слухи, что Мехмед II уже приготовил такой для своего злейшего врага Казыклу. Да и зачем ему Влад на валашском троне, если у него уже есть покорная марионетка в лице Раду?

Но если письмо подделали, то кто был его автором? Историки обычно грешат на мстительных саксов — а конкретно на священника брашовской Черной церкви Иоганна Рейделя, который примерно в то же время сочинил и послал королю Венгрии меморандум о «неописуемых преступлениях валашского воеводы Влада». В этом случае Матьяш Корвин предстает наивным простаком, поверившим навету. Но простаком король ни в коем случае не был; очернение противников, в том числе посредством клеветы, было для него обычным делом. Да и все его поведение во время трансильванского похода показывало, что он стремился не договориться с Дракулой, а избавиться от него. Не предположить ли, что именно он пустил в ход фальшивое письмо, сфабрикованное его секретарями или вовремя подброшенное услужливым священником? При этом король даже не потрудился объяснить, как этот документ попал в его руки. Бехайм пишет лишь, что Матьяш, уже выступив в поход на турок, в пути каким-то образом разгадал замысел Дракулы и велел Искре схватить его. Звучит неубедительно: мы знаем, что ни в какой поход король не выступал, а операция по захвату воеводы была тщательно подготовлена.

Немецкие памфлеты считают иначе: война с турками там вообще не упоминается, чтобы не вызывать лишней симпатии к Дракуле, а говорится, что король велел арестовать его за неслыханные зверства. Федор Курицын

излагает еще одну версию: «Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш. Выступил Дракула ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Буды, двенадцать лет. А в Мунтянской земле король посадил другого воеводу»^[110]. Это, как и многие свидетельства русского дипломата, близко к истине, хотя упомянутое «сражение» свелось к короткой стычке у подножия Кёнигштейна, в которой не ждавший предательства господарь был обречен на поражение.

Ян Искра отвез своего пленника обратно в Брашов и там передал, как было условлено, гвардейцам короля Матьяша. Те доставили господаря в Алба-Юлию (Карлсбург), где его заключили в крепость и формально предъявили обвинение в измене, продемонстрировав злополучное письмо. Дракула всё отрицал, справедливо указав вдобавок, что он не является подданным венгерского короля и, значит, никак не может изменить ему. На дознавателей, равнодушно выполнявших чужую волю, это никак не повлияло. Через несколько дней санный возок с господарем двинулся дальше и через Турду и Клуж добрался до венгерской границы. В канун Рождества 1462 года он достиг Буды. Оттуда Дракулу то ли сразу, то ли несколько месяцев спустя увезли в крепость Вышеград в нескольких милях от столицы, где заключили в высокую Соломонову башню.

Матьяш со своим войском тут же вернулся в Венгрию, подтвердив подозрения, что подлинной целью его похода была не война с турками, а поимка валашского воеводы, которого в Европе считали главным паладином будущего крестового похода. Польский историк Ян Длугош даже писал о возникшем у многих впечатлении, что венгерский король вступил в сговор с турками. Но и для турок случившееся было неожиданностью, хотя и приятной, о чем цветисто писал Турсун-бег: «В отчаянии Влад со своими людьми устремился в землю венгров. Он принес королю Венгрии много несчастий, и воздаянием за это стала его собственная гибель. Думая избежать пасти льва, он тут же попал в когти ворона — король взял его в плен»^[111]. В недоумении были не только иностранцы, но и венгерские сановники. Даже хорошо информированный Антонио Бонфини писал: «Король перешел Альпы, будто бы для того, чтобы освободить из рук турок Дракулу... Придя туда, он, не знаю по какой причине, ибо никто вполне этого не понял, захватил Дракулу в Трансильвании, другого же Дракулу (имеется в виду Раду Красивый. —

В.Э.), назначенного в эту провинцию турками, вопреки всеобщему ожиданию, утвердил: этого же привел в Буду пленником»^[112].

В «Истории воеводы Дракулы» арест воеводы оказался связан с его предстоящей женитьбой: «Слушайте теперь, как старый правитель Венгрии пленил Дракулу. Этот правитель написал ему письмо, предлагая свою дочь в жены. И Дракула явился туда в чудесном настроении, приведя с собой девять сотен лошадей, и был принят с честью. И правитель отдал ему дочь на словах, а не на деле, замыслив в душе иное. Когда брак был заключен, тесть отправился с большой свитой провожать Дракулу назад в его страну и там остановился и спросил: «Достаточно ли далеко я проводил тебя?» «Да, господин», — ответил Дракула, уверенный, что скоро доберется домой. И тут его окружили и взяли в плен, и сегодня он еще жив»^[113]. Не зная деталей случившегося, автор сочинил сказочную историю, возможно, спутав Дракулу с его отцом, поскольку под «старым правителем» (а не королем) Венгрии наверняка имелся в виду Янош Хуньяди. Характерно, что даже в этом сочинении, враждебном Дракуле, поведение «правителя» осуждается как коварство.

В Европе пленение валашского князя вызвало настоящий переполох. От послов при венгерском дворе срочно требовали отчетов о случившемся, и придворным Матьяша пришлось потрудиться, чтобы навязать миру свою версию. Уже упоминавшийся венецианский посланник Пьетро де Томмази сопровождал короля в Трансильвании, поэтому его сообщения за ноябрь стали бы бесценными источниками... если бы их не конфисковали по приказу свыше. Видимо, та же судьба постигла сообщения нового посла Джованни Аймо, которому велели узнать всё о переговорах Матьяша с новым валашским князем и о том, не собирается ли король заключить сепаратный мир с турками. Такие слухи упорно циркулировали в европейских столицах, особенно в Риме, откуда в январе 1463 года прибыл в Буду легат Никколо из Модруссы.

Чтобы развеять подозрения папского посланца, ему позволили даже встретиться с узником в Вышеграде — правда, ненадолго и под строгим контролем венгерских вельмож. Вот как итальянец описал увиденное зрелище: «Он был не слишком высоким, но весьма мускулистым и сильным, с надменным и пугающим выражением лица; имел большой орлиный нос с выдающимися ноздрями и удлиненное красное лицо, на котором длинные ресницы обрамляли большие, широко открытые зеленые глаза; густые черные брови делали его выражение угрожающим. Его щеки и подбородок были выбриты, за исключением усов на верхней губе.

Вздутые вены на висках делали его голову еще больше. Бычья шея соединяла голову с широкими плечами, на которые спадали волнистые черные кудри. Король рассказал мне, а его секретари подтвердили, что по приказам этого человека за короткий срок было истреблено самым жестоким образом 40 тысяч людей обоого пола и всех возрастов, принадлежавших к враждебным ему партиям. Некоторых из них переехали колесами повозок, другим выпустили внутренности, третьим вбили колы в голову, в пупок, в грудь или, стыдно сказать, в причинное место, так что конец кола выходил у них, еще живых, изо рта. Доходя до предела жестокости, он убивал младенцев вместе с их матерями, протыкая их одним колом, а иных приканчивал другими варварскими способами, мучая их орудиями, которых не могли измыслить даже самые свирепые тираны»^[114].

Похоже, епископ не сомневался, что этот «надменный и пугающий» человек способен на любое преступление — по слухам, его уверенность подкрепили щедрые дары Матьяша. Король позаботился и о другом: уже летом 1463 года Михаэль Бехайм продемонстрировал публике свою поэму о злодеяниях Дракулы. Вероятно, ее заказали поэту сразу после пленения господаря, и сделать это могли только доверенные лица Матьяша. Они же уже через двадцать лет поведали русскому дипломату Курицыну истории о страшном воеводе, в том числе такую: «Рассказывали о нем, что, и сидя в темнице, не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре и мучал их — одних на кол сажал, другим отрезал голову, а птиц отпускал, выщипав перья»^[115]. О том же писали, как мы увидим, и другие современники, но источник слухов был один — двор короля Венгрии.

Вскоре дружные усилия немецкого мейстерзингера и его приятеля-монаха породили целый вал обличающих Дракулу памфлетов, обошедших всю Европу от Лондона до Кракова. Читатели, с суеверным ужасом внимавшие рассказам о преступлениях валашского воеводы, не задавались вопросом, который закономерно возникает у историков: почему обо всем этом стало известно только после пленения Влада? На дворе стояли не средние века, когда новости распространялись годами, а эпоха Возрождения — уже появились первые газеты, дипломаты и купцы быстро разносили важные или просто курьезные новости с одного конца континента на другой. Тем не менее целых шесть лет информация о чудовищных по размаху и жестокости деяниях князя не выходила за пределы его маленькой страны. Не возник у читателей и другой вопрос: как

в трансильванских деревнях, все население которых не превышало трех — пяти тысяч, Дракула мог посадить на кол двадцать, а то и тридцать тысяч человек?

Поневоле рождается вывод, что «черная легенда» о воеводе создавалась целенаправленно и активно. И не только придворными Матьяша Корвина или мстительными трансильванцами — сочинителей антидракуловских пафлетов в каком-нибудь Страсбурге мало волновали их интересы. Просто Дракула был православным, то есть «еретиком», что позволяло одним приписывать ему самые отвратительные преступления, а другим — верить в это. Вспомним, что потом то же самое произошло с Иваном Грозным: большинство негативной информации о нем до сих пор берется из сочинений западных авторов. Вряд ли стоит по примеру иных румынских (и российских) историков объявлять все обвинения в адрес воеводы Влада (и царя Ивана) чистым вымыслом, пропагандой врагов-католиков против святых защитников православной веры. Эти оправдатели оказывают медвежью услугу не только православию, но и самим своим героям, которые отнюдь не стыдились своих жестокостей — они были уверены, что творят их в интересах государства.

Стоит отметить, что в обличительной литературе не было единства относительно мотивов действий воеводы. Одни, как дьяк Курицын, считали, что он искренне боролся за порядок и справедливость, но перегнул палку — то ли из-за дурного характера, то ли по наущению Сатаны (слово «зломудрый» допускает оба толкования). Другие, как Никколо из Модруссы, списывали все на злобный, «бестиальный», по терминологии гуманистов Возрождения, нрав князя. Третьи, кивая на «дьявольское» прозвище, однозначно объявляли его одержимым бесом или безумцем, что в то время значило практически одно и то же. Со временем именно последнее мнение обрело наибольший вес и, хотя к началу XVI века пафлеты о Дракуле вышли из моды, а со временем его известность и вовсе сошла на нет, смутная память о «дьяволе на троне» пережила века и привела в конечном счете к появлению Дракулы-вампира.

Был ли Дракула безумен? На этот вопрос можно смело ответить отрицательно. Мы уже видели, что его зверства — во всяком случае те из них, что зафиксированы не поэтами, а историками, — совершались не импульсивно, в приступе душевной болезни, а вполне обдуманно. Трезвый, холодный расчет был присущ всем решениям воеводы — военным, политическим и личным. До последних дней жизни он поступал разумно и рассуждал здраво, проявляя недюжинный, пускай и «зломудрый» ум. Другое дело, что пребывание у власти, в обстановке постоянных

опасностей и интриг, выработало у него «профессиональную болезнь» правителей — манию преследования, которая в сочетании с привычкой к насилию оказалась роковой для многих подданных господаря. Его жестокость часто называют патологической или садистской, но, как уже говорилось, ничуть не лучше вели себя многие тогдашние государи. Болезненность можно увидеть разве что в сочетании несочетаемого — крайней жестокости и неуклонной методичности ее применения. Такое сочетание встречалось у древневосточных деспотов (вспомним хотя бы знаменитого Цинь Шихуана), но европейцам было неведомо, и Дракула, предтеча «идейных» тиранов XX века, не мог не вызывать удивление и ужас.

«Черная легенда» о воеводе сочинялась не только в литературе, но и в живописи. Вскоре в Трансильвании была написана картина «Распятие святого Андрея», где в роли одного из мучителей святого выступал человек с узнаваемыми чертами Дракулы и в характерном головном уборе с пером (сегодня эта картина хранится в венском дворце Бельведер). Нужно отметить, что Андрей Первозванный считался святым покровителем Трансильвании, жители которой сполна испытали на себе жестокость Влада. Чуть позже где-то в Германии появилось еще одно живописное полотно, где Дракула выступал уже в роли Понтия Пилата — мучителя самого Христа; эта картина сейчас находится в Национальной галерее Словении в Любляне.

*

«Разоблачение» валашского господаря позволило Матьяшу объяснить европейским державам срыв крестового похода, на который король получил крупные суммы от папы Пия и венецианских купцов. Эти деньги он потратил на выкуп у Фридриха III за 80 тысяч золотых форинтов короны святого Стефана, благополучно доставленной в Буду в 1463 году. На самом деле воевать с турками Матьяш не собирался: больше того, он тайно заключил с ними мирный договор, признав Валахию их вассальным владением, а Раду Красивого — законным государем. Правда, на всякий случай он обзавелся и собственным претендентом на валашский трон — это был брат убитого Дракулой Дана III Лайота Басараб из рода Данешти. Для вида венгерские войска все же вторглись в Сербию и, покружив по ней пару месяцев, убралась восвояси. На эту экспедицию и были списаны полученные Матьяшем деньги, что вызвало глубокое недовольство в

Европе. Идея крестового похода была окончательно дискредитирована. В августе 1464 года Пий II целый день ждал в Анконе флот крестоносцев, чтобы повести его на Босфор — и, не дождавшись, умер от огорчения.

Влад Дракула все это время сидел взаперти в маленькой камере на вершине башни Соломона, стоявшей на берегу Дуная у подножия холма, на котором возвышался Вышеградский дворец. В тюрьме было сыро и холодно, несколько каминов в коридоре зимой немилосердно чадили, но не могли отогреть каменные стены. Кормили знатного узника с дворцовой кухни, но спать ему приходилось на влажной от речных испарений соломе — уже через год нестарый еще Дракула согнулся от ревматизма и потерял половину зубов. Лицо его стало бледным от постоянного мрака, глаза ввалились — теперь он действительно напоминал вампира. Не применяя к нему пыток, король Матьяш пытал его бездеятельностью, что для энергичного, стремительного воеводы было страшнее всего. К нему почти не пускали посетителей, не сообщали новости, не давали книг. По сообщению Федора Курицына, он от безделья не только сажал на кол мышей, но и шил одежду «и тем кормился». Похоже, это еще один вымысел, призванный запятнать честь господаря простонародным занятием. Строго охраняемому узнику вряд ли могли доверить иглу и портновские ножницы, да и деньги ему не требовались — свободу на них все равно было не купить.

Год проходил за годом, а за стенами тюрьмы между тем происходили важные события. Помирившись с турками, король Матьяш обратил свое внимание на Центральную Европу, которую всеми силами стремился подчинить. Женившись на дочери Иржи Подебрада, предводителя чешских гуситов, Матьяш на правах родственника предъявил претензии на трон Чехии, который Иржи вовсе не собирался отдавать. Назревала война, в преддверии которой королю пришлось подавлять восстание трансильванцев, недовольных высокими налогами. А тут еще Стефан Молдавский объявил, что отказывается считать себя вассалом Венгрии и переходит под покровительство Польши. Вдобавок в 1465 году он все-таки захватил Килию, оплатив за свое поражение трехлетней давности. Матьяш решил примерно наказать господаря — в случае успеха венгры могли обосноваться в устье Дуная и взять великую реку под свой контроль.

Осенью 1467 года король отправился в поход, захватив с собой 40 тысяч солдат и 500 пушек; он вез с собой также бежавшего когда-то из Сучавы Петра Арона, чтобы посадить его на молдавский трон. «Черное войско» пленившего Дракулу Яна Искры отличилось и в этом походе, безжалостно грабя и сжигая деревни. Стефан действовал так же

стремительно, как его бывший друг Влад — окружив врагов в захваченном ими городе Бая, он внезапно напал на них ночью 15 декабря. В панике венгры не сумели использовать свое численное преимущество и были разбиты; раненого тремя стрелами Матьяша едва успели увезти с поля битвы, на котором остались 10 тысяч его солдат. Немало воинов Искры сложили здесь свои головы, а сам старый гуситский гетман умер от ран год спустя. Потеряв обоз и все пушки, венгерская армия отступила через Ойтузский перевал в Трансильванию. Преследуя ее, Стефан захватил отставшего Петра Арона и обезглавил его, выставив голову предателя на пике у ворот Сучавы.

После битвы при Бае венгерский король изменил свое отношение к Валахии — оказалось, что эта придунайская страна очень важна для его целей. Раду Красивый правил там твердой рукой при поддержке бояр, которым были розданы новые земли и должности. Укрепившись у власти, он потребовал вернуть ему Амлаш и Фэгэраш, которые Матьяш под шумок прибрал к рукам. Раду осмелился даже угрожать королю войной — благо за спиной его стояла Османская империя, гарнизоны которой снова обосновались в Джурджу и Турну. Для борьбы с ним ничтожный Лайота Басараб не годился — нужен был сильный, решительный, яростный воин. Нужен был Дракула.

В самом конце 1467 года дверь темницы воеводы отворилась, и туда вошли трое людей в тюрбанах с окладистыми бородами. Это были турецкие послы, которым король решил продемонстрировать страшного Казыклу — «секретное оружие», которое Венгрия может пустить в ход, если Порты не будет уступчивой. Послы не были слабонервными, но при виде мрачного, исхудалого узника их бросило в дрожь. Конечно же, они помнили, что этот человек когда-то приказал пробить гвоздями черепа другим турецким послам. Матьяш был доволен произведенным эффектом. Скоро Влада перевезли из Вышеграда в Буду, где поселили в отдельном доме недалеко от королевского дворца. Его строго охраняли, но позволили принимать гостей, вести переписку, иметь оружие. Воевода часами размахивал мечом в маленьком дворике, укрепляя одрябшие за время заключения мышцы.

Именно тогда произошла история, описанная Федором Курицыным: «Случилось, что некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же стали искать здесь преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из палат, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил. Остальные обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же с

посадниками отправился к королю с жалобой на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая: «Зачем же ты совершил такое злодеяние?» Он же отвечал так: «Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о произошедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо просил бы его помиловать». Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его нраву»^[116]. История похожа на правду, поскольку в ней проявились характерные черты Дракулы — отвага, решительность и чувство собственного достоинства, которое он готов был отстаивать любыми способами.

Тогда, по свидетельству Курицына, Влад не был еще принят королем, но вскоре Матьяш дал ему аудиенцию. Король был на 12 лет моложе воеводы, но выглядел едва ли не старше; кроме ран от молдавских стрел, его мучили желудочные колики и подагра. Раскинувшись в удобном кресле, он не позволил посетителю присесть — пусть знает, что он не ровня великому Корвину, потомку римлян. Спокойно, ровным голосом он изложил свои условия: Дракула получает все обещанное ему прежде, то есть руку венгерской принцессы и армию для освобождения Валахии от турок. Но за это он должен не только принести королю вассальную клятву, но и отказаться от «греческой ереси» и стать правоверным католиком. К тому времени Матьяш, не преуспев в амплуа крестоносца, стремился прослыть в Европе борцом за веру. Обращение валашского правителя могло стать первым шагом к окатоличиванию всех его подданных. За такую услугу Рим наверняка простит королю растраченные не по назначению папские деньги.

Скорее всего, сразу Дракула не согласился, но уже понимал, что другого выхода у него нет. Конечно, уютный домик в Буде приятнее сырой камеры в вышеградской башне, но ему хотелось снова увидеть родную землю и главное — расплатиться с врагами, думавшими, что он уже никогда не вернется. Ради этого он готов был сговориться не только с католиками, но и с самим дьяволом. Обращение Влада совершилось в 1471 или 1472 году, после возвращения Матьяша из военного похода в Чехию. Дьяк Курицын с осуждением пишет, что он «предпочел радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое»^[117]. Совсем по-

другому это событие восприняли на Западе, где обращение знаменитого грешника в «истинную веру» восприняли как триумф христианства. «Бенедиктинская рукопись», соединяя разновременные события, утверждает: «И он был крещен в Буде и понес великое покаяние, и король Венгрии снова сделал его князем. И говорят, что после этого он совершил много славных деяний». Иные даже считали, что прежде Дракула был не православным, а «язычником», то есть мусульманином, и поэтому радовались еще больше.

*

Скоро господарь второй (или все-таки первый?) раз в жизни отправился под венец. Курицын называет его избранницу «сестрой короля», но на самом деле это была его кузина Илона Силади — племянница Яноша Хуньяди и давнего союзника Влада Михая Силади (некоторые источники дают ей другое имя — Юстина). К тому времени ей было лет двадцать пять и она успела побывать замужем за знатным рыцарем Венцеславом Понграцем. Об отношениях Дракулы и Илоны известно только то, что за годы брака у них родились два сына, получившие родовые имена Влад и Мирча. Недавно румынский историк Михай Хасан установил, что первый муж Илоны умер только в 1474 году — значит, она вышла за Дракулу позже и прожила с ним совсем недолго. Хасан предположил, что до этого у воеводы была еще одна жена, внебрачная дочь Яноша Хуньяди; именно ее король Матьяш будто бы еще в 1462 году обещал в жены Дракуле, называя своей сестрой. В этом случае один из сыновей князя мог быть ее сыном, а другой — сыном Илоны, хотя существование этой «промежуточной» жены, будто бы умершей около 1472 года, не подтверждено ни одним документом.

Теперь Влад Дракула снова стал союзником венгерского короля и официальным претендентом на валашский престол. Прежних соратников рядом с ним не было, но он утешал себя мыслью, что сразу после его прибытия на родину к нему устремятся все его «храбрецы». Пока же его «войско» состояло из нескольких венгерских воинов, приставленных к нему в качестве охранников, а заодно и соглядатаев. Он жадно слушал новости с родины, где снова было неспокойно. Стефан Молдавский, помирившись с венгерским королем, открыто выступил против турок. Для начала он в конце 1473 года вторгся в Валахию и наголову разбил войско Раду Красивого, а потом и пришедший к нему на помощь турецкий отряд,

перебив по своему обычаю всех пленных. В замке Дымбовица Стефан захватил в плен жену и дочь Раду; первую он отдал своему союзнику Лайоте Басарабу, а вторую, Марию Войкицу, взял в наложницы сам — позже она стала его женой и родила воеводе наследника Богдана. Лайота был посажен на трон в Тырговиште, но уже через месяц османская армия Исхак-паши пересекла Дунай и восстановила Раду у власти, дотла разорив при этом окрестности валашской столицы. Это оттолкнуло от брата Дракулы многих сторонников, и весной 1474 года, как только турки ушли восвояси, Стефан и Лайота снова вторглись в Валахию. Брошенный всеми Раду бежал в Турцию, где и умер в январе следующего года — как утверждают, от сифилиса.

На этот раз османы решили не совершать очередную бесплодную экспедицию в Валахию, а устранить корень всех проблем — Стефана Великого. В самом начале 1475 года сотысячное войско бейлербея Румелии Сулейман-паши перешло по льду Дунай и двинулось вглубь Молдовы. С турками шел и Лайота Басараб, мгновенно изменивший прежнему союзнику. В свою очередь, венгры и поляки послали помощь Стефану, армия которого достигала 40 тысяч человек. 10 января у городка Васлуй, где в юности Стефан и Влад бились с польской армией, состоялось решающее сражение. По османам, сгрудившимся в узкой долине, с трех сторон ударили молдавские пушки, а потом в бой пошла кавалерия. Турки, зажатые между быстрыми речками Бырлад и Ракова, были разбиты и в панике бежали к Дунаю, потеряв убитыми и утонувшими до 40 тысяч человек. Несколько тысяч пленных, по словам польского хрониста Яна Длугоша, были все до одного посажены на кол, а трупы их сожжены. После этой победы Стефан Великий стал популярен в Европе еще больше, чем прежде Дракула. Папа Сикст IV поздравил его (православного!) специальным письмом, даровав ему звание «борца за веру Христову». Сам Стефан, однако, не радовался — он строго постился сорок дней и запретил называть себя победителем, потому что победу молдаванам даровал один лишь Бог.

Поражение турок не ослабило их натиск на Европу — в этом пришлось убедиться уже в июне, когда турецкий флот захватил генуэзские колонии в Крыму и находившееся там же княжество Феодоро, союзное Молдове. Объединившись с крымскими татарами, османы зажали княжество Стефана в клещи, и он запросил помощи у недавнего врага — короля Венгрии. Закончив семилетнюю войну с Чехией, Матьяш решил, хотя и без особого желания, противостоять туркам. 12 июля он подписал мир со Стефаном, в котором одним из условий было освобождение

Дракулы из-под ареста и возвращение его к власти. Вряд ли молдавский воевода внезапно возлюбил своего валашского коллегу: просто Влад был для него более знакомым и предсказуемым, чем сменявшие друг друга турецкие ставленники. К тому же в условиях противостояния с турками Дракула был единственным, от кого Стефан не мог ожидать предательства — султан никогда не простил бы его.

Несмотря на усердие врагов воеводы, «черная легенда» о нем еще не распространилась по Европе, и его освобождение вызвало у многих радость. 18 июля посланник герцога Феррарского в Буде доложил на родину: «Князь, называемый Дракула, на которого возлагалось прежде так много надежд, к нашей радости свободен». В том же тоне высказывались представители Милана и Венеции, а также папский легат. Между строк посланий читалось: европейцы устали ждать решительных действий от запутавшегося в собственной дипломатии Матьяша Корвина и больше надеются на валашского князя, проявившего себя как храбрый воин и безусловный враг турок. Все его жестокости, подлинные и мнимые, были забыты, и сам венгерский король давал понять, что обвинения против Дракулы преувеличены, и вообще это дело прошлое.

Но пока что возвращение на трон откладывалось: Чайота Басараб заключил мирный договор с королем и вернул торговые привилегии трансильванцам. Получив от короля 200 золотых флоринов, воевода начал строительство дома в Сибиу, где собирался поселить семью. Здесь многие еще смотрели на него косо, но его защищало звание «королевского друга»; к тому же теперь он держался с горожанами приветливо и щедро платил за покупки. В феврале 1476 года обиженный Чайота написал жителям Сибиу, что не хочет больше дружить с ними из-за того, что они поддерживают «изменника Дракулу». По этой причине переменчивый воевода снова изменил венграм и перешел на сторону турок.

В это время Дракула впервые за долгое время появился на поле битвы: король отправил его на помощь восставшему против турок сербскому деспоту Вуку Бранковичу. Владу намекнули, что если он проявит себя хорошо, его с тем же полком пошлют в Валахию отвоевывать трон. Дракула старался на совесть; он взял боснийский город Сребреницу, использовав любимый прием — переоделся со своими воинами в турецкую одежду и обманом проник внутрь, продержавшись до прихода основных сил. Для сербов он стал настоящим героем; может быть, именно с тех пор у них появились фамилия «Дракулич» и несколько сел, названных так же. Правда, папский нунций Габриэль Рангони, епископ Эгера, доносил в Рим, что воевода творит в Боснии нечеловеческие жестокости: «Он разрезал

пленных турок на части и эти части, еще трепещущие, насаживал на колы, говоря: «Когда турки придут и увидят это, они испугаются и убегут без боя». Это тот самый Дракула, который, будучи воеводой Валахии, создавал целые леса из колов с посаженными на них людьми. Король уверяет, что он сажанием на кол и другими мучительными способами убил приблизительно 100 тысяч человек, за что тот же король несколько лет продержал его в темнице. Не забывая своих привычек, он ловил там мышей и насаживал их на маленькие колышки, как привык поступать с людьми. Но потом король освободил его и отправил воевать с турками, на которых он наводил великий страх»^[118].

Сражения в Сербии продолжались два месяца, и в марте 1476 года Влад вернулся в Буду, овеянный воинской славой. После этого Матьяш окончательно решил вернуть Влада к власти и отправил ему на помощь военный отряд во главе с Иштваном Батори — дедом будущего польского короля Стефана Батория. Вместе с валахами и саксонскими наемниками отряд превратился в целую армию численностью три тысячи человек. 25 июля Влад и Иштван провели военный совет в Турде и двинулись в сторону Брашова. Господарь отправил патрициям города письмо, в котором предлагал забыть старые обиды и заключить союз на условиях предоставления им невиданных торговых привилегий в Валахии. Воодушевленные немцы согласились, и когда Дракула явился в город, бургомистр устроил ему радушный прием в городской ратуше. Во всех церквах молились за успех «христоробивого воеводы Ладислауса», а сожженной им в свое время церкви Святого Иакова господарь пожаловал крупную сумму на обустройство. Но особой теплоты горожане не проявляли; они отказывались вступать в войско Влада и облегченно вздохнули, когда их страшный союзник убрался прочь.

Между тем в июне Лайота Басараб принял участие в новом турецком нападении на Молдову. Пока Стефан отбивал на севере атаку крымских татар, армия Мехмеда II форсировала Дунай и быстро двинулась к столице. Стефан, как когда-то Влад, применял тактику «выжженной земли», избегая сражения, но все же вынужден был 25 июля встретиться с турками в Валя-Албэ (Белой долине) и был разбит, потеряв почти 10 тысяч воинов. Гордый Лайота с трофеями отправился домой — и обнаружил, что в его отсутствие Дракула вторгся в Валахию с отрядом Иштвана Батори, захватив свою любимую крепость Поенари. Там он встретился с прошлым — во дворе крепости еще лежали кости воинов, убитых в августе 1462-го, когда турки пробили тараном ворота и ворвались внутрь. Эти люди погибли за него, и теперь он попросил крестьян из Арефу похоронить выбеленные солнцем

кости. В Поенари было неуютно, и он с облегчением покинул крепость, которая снова была заброшена и остается такой до сих пор.

Скоро к воеводе прибыли молдаване, две сотни воинов с личной просьбой Стефана — поскорее свернуть шею предателю Лайоте. Один за другим начали являться бояре, испуганные, потупившиеся: прости, государь, что перешли к Раду... что делать, турки такая сила, а у них семьи, малые дети... Дракула только усмехался: прибежали — значит, чувят, что дни шакала Лайоты сочтены. Переменится ветер, опять побегут от него к новому победителю. В октябре явился сам митрополит Иосиф, который в Куртя-де-Арджеш торжественно объявил Влада валашским князем.

Седьмого ноября покинутый всеми Лайота Басараб бежал из Тырговиште, куда уже на другой день прибыли силы Влада. Господарь хмуро оглядывал свою столицу, где не был почти полтора десятилетия. Последний раз он видел город разоренным и пылающим в дни турецкого нашествия. Пожалуй, здесь ничего не изменилось — на пепелище возвели новые дома, подлатали дворец и еще... нигде не было колов с насаженными на них людьми, и в воздухе не витал трупный запах. Может, в этом и нет ничего плохого? Дракула сердито тряхнул головой, отгоняя непрощенные мысли. Не время расслабляться, нужно как можно скорее отомстить всем предателям, особенно проклятым Данешти.

В Тырговиште ему не сиделось — он отправился на юг, в Бухарест, чтобы быть ближе к Дунаю и достойно встретить турок, которые могли напасть в любой момент. 11 ноября Иштван Батори написал в Сибиу: «Мы изгнали Басараба, и все бояре перешли к нам, кроме двух, которые где-то задержались... Укрепив Тырговиште, мы перебрались в Бухарест, что недалеко оттуда. Просим прислать нам припасы, потому что зимой здесь нет никакой еды»^[119]. Эта новость дошла до Будапешта, и скоро Матьяш Корвин написал папе Сиксту IV о «блистательной победе» Дракулы, который будто бы разбил турецкое войско, истребив 18 тысяч неверных. Эта ложь должна была растрясти кошельки итальянских банкиров — король, как обычно, остро нуждался в деньгах для осуществления своих грандиозных планов.

На самом деле Бухарест, где засел турецкий отряд вместе со сторонниками Лайоты, был взят только 16 ноября, о чем господарь тут же известил патрициев Брашова устами своего верного соратника, пыркэлаба Кырстяна: «Извещаю вас, что крепость Бухарест взята нами в прошлую субботу. По причине этого прошу вас вознести хвалу Господу молитвами, гимнами и колокольным звоном, ибо мы снова сделали эту страну нашей и также вашей. Знайте также, что все бояре страны принесли присягу

воеводе Владу». Еще 7 октября Влад заключил с брашовянами договор о возобновлении свободной торговли и теперь подтвердил его статьи особым письмом: «Сообщаю, что с помощью Божьей мне покорилась вся Валахия и все ее бояре, и Бог открывает вам дорогу всюду — в Рукэр, Прахову, Тележин и Бузэу. Идите свободно, куда вам захочется, и трудитесь ради нашего и своего блага». Ему, как и прежде, были нужны трансильванские саксы — союзники ненадежные, но и таких у него становилось всё меньше.

*

В начале декабря Иштван Батори, прежде собиравшийся зимовать в Бухаресте, внезапно объявил Владу, что венгры уходят из Валахии домой — таков приказ короля. Влад недоумевал: сторонники Басараба еще не добиты, нужно освободить от них всю страну, а заодно подготовить на берегу Дуная позиции для обороны и, возможно, будущего наступления. Но удерживать Батори не стал. Лучше он останется с теми, кому полностью доверяет — пускай это только две сотни молдаван и сотня его «храбрецов», постаревших, израненных, но по-прежнему верных своему господину...

Третье правление Дракулы продлилось меньше двух месяцев. О том, как он погиб, источники говорят по-разному. Австрийский хронист Якоб Унрест пишет: «Воевода Дракула... был убит из-за коварства турок, которые питали к нему давнюю вражду из-за урона, который он им нанес. По этой причине турки подкупили его слугу, который когда-то спас ему жизнь, и он весьма ему доверял. И когда они вместе оказались в дороге, слуга отрезал ему голову и с ней сбежал к туркам. И король (Матьяш) сильно опечалился из-за того, что лишился такого сильного противника турок»^[120]. Похожую версию изложил польский историк Ян Длугош: «Однажды Влад ехал через поле с одним слугой, и этот слуга подкрался к нему и отсек голову. Эту голову он продал туркам, которые насадили ее на пику и возили по многим городам, чтобы все видели».

Иначе и подробнее всех остальных о последних днях воеводы рассказал Федор Курицын: «Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска. Приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Дракула, видя, что убивают его свои же, сразил мечом своих убийц, но и

его пронзили несколькими копьями, и так был он убит»^[121].

История довольно сомнительная — все немногочисленные воины Дракулы знали его в лицо. К тому же ни турецкие, ни венгерские документы не говорят ни о каком вторжении турок в Валахию в тот период. Быть может, это был небольшой отряд, направленный на помощь Лайоте Басарабу и еще не знавший о его бегстве. Но если противниками воеводы и были турки, то убили его все-таки свои — точнее, враги, притворявшиеся своими. Недаром через месяц несколько «старших бояр» подписали грамоту о своей непричастности к убийству Влада. Если они оправдывались, значит, их обвиняли — и, скорее всего, не без оснований. Господарь пока никого не казнил, но бояре тряслись при одном виде исхудавшего, сурового лица Колосажателя. Они знали, что в любую минуту он может сменить милость на гнев и прорычать: «Ын цепе!» — «На кол его!» Нет уж, лучше было обезопасить себя и заодно заслужить доверие турок и щедрую награду, которая наверняка досталась убийцам Дракулы. Известно, что отрезанную голову воеводы отослали в Стамбул султану; тот выставил ее на пике на стене дворца Топкапы, и жители столицы целыми толпами ходили смотреть на ужасного Казыклу-бея.

Молдаване до конца остались верны Дракуле и погибли вместе с ним. Воевода Стефан писал королю Матьяшу: «Он просил меня оставить ему двести моих воинов для защиты, поскольку он не доверял валахам. Но неверный Басараб тут же явился снова, застал его врасплох и убил его и всех моих людей, кроме десяти». Остальное войско Влада разбежалось, а его приближенные присягнули Лайоте, который скоро вернулся в Тырговиште. В Европе о гибели воеводы узнали только в феврале 1477 года, когда венецианец Леонардо Ботта сообщил об этом в Милан: «Турки снова вторглись в эту страну, и Дракула, наместник короля, был изрублен ими вместе с четырьмя тысячами своих людей». Поэтому часть историков считает, что Дракула погиб в январе, хотя, по мнению большинства, это все-таки был декабрь.

Несколько преданных слуг отвезли обезглавленный труп своего господаря... куда? Обычно считается, что воевода был убит к северу от Бухареста, в Балтени — там же, где его отец, — и похоронили его в ближнем монастыре Снагов. По легенде, в день погребения на остров, где стоит монастырь, налетел сильный ветер, который сбросил в озеро церковь Благовещения, построенную предыдущим господарем Владиславом II — как будто мстительный дух воеводы не желал терпеть присутствие своего врага. Говорят, в ветреную погоду из-под вод озера и сегодня слышен звон колоколов старой церкви.

Как на грех, с самого дня похорон воеводы монастырь преследовали всяческие беды, хотя он оставался центром просвещения; в XVII веке митрополит Антим Ивириану устроил там первую в Валахии печатню. Под давлением турок митрополит был отправлен в ссылку и там отравлен, а Снагов постепенно пришел в упадок. Позже на острове устроили тюрьму для уголовников: однажды, когда преступников в кандалах переводили на остров, понтонный мост рухнул под их тяжестью и десятки беспомощных людей пошли на дно. В 1867 году монастырь был официально закрыт, и мародеры взялись за его разорение: с годами от него осталась только полуразрушенная церковь без крыши. Восстанавливать ее начали в 1897 году, в год публикации «Дракулы» Стокера; странное совпадение, но в истории господаря Влада таких совпадений хватает. Сегодня в Снагове снова живут монахи, а в церкви, у царских врат, туристам показывают могилу, будто бы принадлежащую Дракуле. Однако в ней нет останков воеводы, а на надгробной плите — его имени.

Есть версия, что воевода погиб совсем в другом месте — на юге, между Бухарестом и Джурджу. Тогда его должны были похоронить в монастыре Комана, монахи которого тоже защищают свой приоритет. Знаменательно, что оба монастыря находятся на островах, оба при Дракуле превратились в крепости и оба в XVII веке были перестроены, так что о их прежнем облике приходится только гадать. В Снагове это произошло около 1512 года, в правление Нягое Басараба; можно не сомневаться, что этот потомок Данешти вряд ли бережно обошелся с могилой их заклятого врага, если она действительно находилась в монастыре.

Дракулу связывают со Снаговом и другие легенды; в одной говорится, что воевода, убегая от турок, спрятал в монастырской церкви свои сокровища, но монахи, боясь расправы завоевателей, бросили их в озеро. Еще одна легенда утверждает, что он устроил в монастыре тюрьму для своих врагов. Там была комната, где бояр заставляли преклонять колени перед иконой Богородицы. Как только они делали это, плита под их ногами уходила вниз, и они падали на торчащие внизу колы. После этого специальная катапульта выбрасывала останки несчастных прямо в озеро.

В 1862 году эту легенду записал посетивший монастырь писатель Александр Одобеску: «Выщербленные плиты находятся в разных частях храма, но кто может сказать, над чьим прахом они воздвигнуты? Только одна, самая большая, что лежит напротив царских врат у алтаря, хранит в себе легенду. Рассказывают, что это надгробная плита жестокого и своевольного господаря Цепеша, который в Снагове устроил нечто вроде камеры пыток, откуда осужденного, которого терзали огнем и железом,

выбрасывали потом с помощью метательного орудия в озеро... Митрополит Филарет якобы приказал стесать буквы с камня на могиле презренного правителя, который создал такую ужасную машину, и положить этот камень на вечное поправление или ради спасения несчастной души под ноги священнику, когда тот выходит со святыми дарами»^[122].

*

Летом 1932 года археолог Дину Росегги и его друг-историк Георге Флореску впервые провели раскопки в Снагове, к тому времени совсем обветшавшем. Оказалось, что могила у царских врат пуста — точнее, в ней нашли коровьи и ослиные кости, признак сознательного осквернения. На этом археологи не успокоились — вернувшись в следующем году, они подняли каменный пол церкви и обнаружили в притворе еще одно захоронение. В книге племянника Флореску Раду говорится:

«Раскопки открыли ненайденное прежде погребение с правой стороны от входа возле двери, в очень необычном для православной церкви месте. Исследователей сразу удивили идентичность размеров этого погребения и того, что было у алтаря, а также прочность крипты, сложенной из кирпича, схваченного цементом. В погребении стоял гроб, частично покрытый пурпурным плащом с золотым шитьем. Большая часть гроба уже истлела, как и закрывавшая его ткань. В гробу лежали кости безголового скелета, еще одетого в остатки желто-коричневого парчового кафтана. Лучше сохранились рукава, первоначально пурпурные, цвета драконьего плаща, с большими серебряными пуговицами, пришитыми к отворотам. Судя по положению рукавов, то, что осталось от пальцев скелета, покоилось в правой части таза. Рядом лежали остатки короны, украшенной эмалью, с зубцами цвета терракоты, в каждый из которых был вставлен кусочек бирюзы. Загадку дополняло найденное в складках плаща кольцо с отсутствующим камнем. В гробу также были найдены небольшая чаша и пряжка с позолотой. Все это удалось датировать серединой пятнадцатого столетия»^[123].

Далее в книге утверждается: как только в гроб проник воздух, тело рассыпалось в прах, прежде чем его смогли детально осмотреть или сфотографировать. Через несколько лет Росетти обнаружил в Нюрнберге кольцо и пряжку, аналогичные найденным в могиле: это был дар знатной дамы рыцарю, победившему на турнире. Из этого археолог заключил, что

кольцо могло принадлежать Владу Дракулу, который получил его от неизвестной поклонницы на турнире в Нюрнберге в 1431 году и позже передал сыну. Потом, правда, Росетти изменил версию, заявив (опять-таки по данным Р. Флореску), что кольцо могло быть частью символики ордена Дракона, в котором состоял отец Дракулы. В этом случае к нему могла быть прикреплена металлическая фигурка дракона.

Ответить на все вопросы могло бы только изучение находок, которые археологи будто бы передали в Бухарестский исторический музей, директором которого был Росетти. Однако во время войны фонды музея вывезли в горы, доверив их, как сказано в книге, «одному из величайших румынских историков Николае Йорга». Все экспонаты уцелели, а вот находки из Снагова таинственным образом пропали. «Кажется, что жулики нового времени, — сказано далее, — отомстили за своих праотцов, сожженных Дракулой в XV веке».

Все эти сведения, кочующие из книги в книгу, вызывают множество вопросов. Дину Росетти (1899–1974) действительно вел вместе с Георге Флореску (1893–1976) раскопки в Снагове, и в его книге об этих раскопках, изданной в 1935 году, в самом деле говорится о находке под полом необычной могилы. Но извлеченные из нее предметы выглядят куда скромнее, чем в изложении Флореску и Макнелли: остатки пурпурной погребальной пелены (а не плаща), обрывки кафтана, серебряные пуговицы и золотое кольцо, к которому крепились то ли остатки полностью разрушенного камня, то ли некий предмет из проржавевшего металла. Вместо короны — золотая пластинка и два зубца с чем-то вроде бирюзовых бусин. А главное — Росетти никогда не утверждал, что снаговская могила принадлежит Дракуле. Правда, незадолго до смерти, в 1973 году, он дал интервью журналисту Симону Савяну, где говорилось именно об этом, но нет уверенности, что эти слова принадлежали самому археологу, а не бойкому репортеру.

Годом раньше о находке «могилы Дракулы» на весь мир объявили в своей книге «В поисках Дракулы» Флореску и Макнелли. Причем с целым рядом неувязок: к примеру, экспонаты музея вывезли из Бухареста после начала бомбардировок города в 1943 году, а историк Николае Йорга еще в 1940-м был убит румынскими фашистами. Странно и то, что за все 10 лет, когда артефакты из Снагова находились в музее, ими не интересовались ни коллеги-ученые, ни пресса — а ведь находка останков Дракулы наверняка стала бы сенсацией. Без всяких оснований соавторы заявляют, что Влад Дракул «передал турнирные трофеи вместе с любимым толедским мечом старшему из своих выживших сыновей во время их ссылки в Турции». В

первой книге они пишут о том, что кольцо было пришито к отвороту рукава, а во второй, 1989 года, оно перекочевало в складки плаща. Если в 1972 году скелет имел череп — накрытый при этом белым платком, — то в «Многоликом князе» череп уже отсутствует ради соответствия общепринятой версии о том, что Дракулу похоронили без головы. Поневолле вспоминается фраза самих авторов про «жуликов нового времени».

Впрочем, раздувать сенсацию вокруг могилы в Снагове начали задолго до соавторов — например, в 1942 году священник Георге Думитриу из соседней деревни Турбаца якобы отыскал в монастыре могилу не только самого Дракулы, но и его жены — забыв о том, что она была католичкой и умерла в Венгрии. Он же изобрел версию о сознательном осквернении могилы греческими монахами, хотя присутствие в ней костей животных объяснил еще Росетти — археологи просто докопались до следов жертвоприношений дохристианских времен. Как многие христианские храмы, монастырь был основан на месте языческого капища.

Отсутствие доказательств заставляет скептиков сомневаться, что Флореску и Росетти вообще что-либо нашли в Снагове. А если и нашли, то эти останки вполне могли принадлежать одному из бояр, умерших в монастыре, который в XVII веке превратился в тюрьму для государственных преступников. Именно так думают историки, считающие, что Дракула все-таки похоронен в Комане (если, конечно, его вообще не бросили без погребения — вот тут-то он точно бы стал вампиром). Они напоминают, что господаря, судя по русской повести, убили на горе, а к северу от Бухареста никаких гор нет. Зато на юге, недалеко от Команы, тянется гряда холмов, и на склоне одного из них до сих пор стоит деревня под названием Влад-Цепеш. В самом монастыре обнаружены старинные погребения, и одно из них (так называемое M59) некоторые ученые считают могилой Дракулы, поскольку оно находится в почетном месте храма. Но при раскопках в 1973 году там обнаружили обычный скелет без всяких опознавательных примет.

Снаговская версия все-таки выглядит предпочтительнее — если, конечно, верить словам дяди и племянника Флореску. Пурпурная с золотом пелена несомненно указывает на княжеское происхождение погребенного, а золотые пластинки с зубцами почти наверняка являются остатками короны. Можно объяснить и захоронение без надписей и опознавательных знаков: Дракулу хоронили в спешке, явно предполагая, что могилу могут осквернить сторонники Лайоты Басараба или другие враги воеводы. Похоронами явно занимались люди, искренне преданные ему и к тому же хорошо его знающие — не зря они положили в могилу кольцо, наверняка

очень много значившее для Дракулы. И это были не бояре: в описании погребения Росетги не упустил такую деталь, как простой глиняный горшок на крышке гроба. Такие горшки с едой ставили в могилу суеверные крестьяне, чтобы покойник мог подкрепиться в ожидании загробного суда. О воеводе явно позаботился кто-то из «храбрецов», вознесенных им с социального дна.

Вполне поддается объяснению и отсутствие упоминаний о снаговских находках. Дину Росетги руководил не историческим музеем Румынии, как утверждают соавторы, а маленьким муниципальным музеем Бухареста, где хранились в основном предметы, найденные им самим — а копал он много и повсюду. Газеты не слишком интересовались находками всяких там горшков и старых костей, а археологи относились к Росетти свысока, как к дилетанту, ведущему раскопки не по правилам (как оно, в общем-то, и было). К тому же, как уже говорилось, тогда Росетти и Флореску не утверждали, что нашли погребение Дракулы. А если бы и утверждали, то культ воеводы еще не распространился в тогдашней Румынии, а тем более за рубежом, и находка его могилы не вызвала бы особого ажиотажа.

Скорее всего, сначала захоронение действительно находилось возле алтаря и было перенесено в притвор во время перестройки обители при Нягое Басарабе. Это могли сделать враждебно настроенные монахи, как утверждает Одобеску, хотя названный им Филарет был митрополитом Валахии гораздо позже — в 1753–1760 годах. Возможно, перенести могилу приказал митрополит Макарий II, родственник и союзник Нягое, но не исключено, что это сделали почитатели Дракулы, которых хватало в те времена. Хватает и сейчас: в Снагове перед иконоподобным портретом господаря всегда горят свечи, хотя объявить его святым пока никто не предлагает — в отличие от Ивана Грозного.

Главный аргумент тех, кто отвергает подлинность снаговской могилы — то, что в своей первой книге Флореску и Макнелли утверждали, что скелет был с черепом, хотя известно, что голову князя увезли в Стамбул в дар султану. Выход из этого противоречия нашел Матей Казаку, указавший, что турки часто делали своим трофеем не сам череп, а снятый с него скальп — кожу лица с волосами, — который бальзамировали и набивали ватой. Возможно, именно эту кожу выставили на обозрение толпы, а потом провезли по главным городам империи, как поступали с головами других знатных жертв — последнего императора Византии Константина XI и короля Венгрии Владислава, убитого под Варной. Казаку нашел свидетельство о эксгумации тела валашского господаря Константина Хангерли, которого турки казнили в 1799 году, а голову тоже отвезли в

Стамбул. Прусский консул, присутствовавший при вскрытии гроба 22 года спустя, писал, что голова у покойного все же была, но с нее сняли кожу вместе с волосами. Поэтому череп Дракулы вполне мог остаться вместе с ним в могиле.

Тайна могилы Влада до сих пор вызывает к жизни дутые сенсации; например, в 2000 году некий немецкий археолог Г. Кайхер, проводя раскопки в крепости Поенари, якобы обнаружил череп Дракулы и по его зубам определил, что воевода страдал редким заболеванием, изменяющим форму зубов и вызывающим неодолимое пристрастие к крови. Однако в Румынии об этой находке никто не знает, так что «раскопки», вероятно, проводились исключительно на страницах желтых газет. Кстати, доказать принадлежность черепа именно Владу Дракуле можно, только сравнив его ДНК с генетическим материалом, взятым у потомков господаря, а их еще нужно отыскать.

*

После гибели Дракулы его вдова Илона Силади с детьми покинула Тырговиште, куда едва успела перебраться, и вернулась в Буду, где еще дважды выходила замуж. Видевший ее в Венгрии Федор Курицын писал: «Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего сына Михаила, старшего, видели тут же в Буде — бежал он к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил этого сына Дракула с одной девкой»^[124]. Первый сын — это Влад, второй — Мирча, умерший в шестилетнем возрасте в трансильванском городе Варадин (ныне Орадя), а третий — Михня, мать которого, как уже говорилось, возможно, не состояла с господарем в законном браке. Впрочем, эти слухи могли распускать те, кто боялся юного принца, очень уж напоминавшего нравом своего грозного отца.

Влад-младший поступил на королевскую службу; сменивший Матьяша Корвина король Уласло II (Владислав Ягеллон) послал его охранять южные рубежи Трансильвании. В 1495 году, узнав о смерти господаря Влада IV, сын Дракулы вторгся в Валахию со своим отрядом, пытаясь занять трон, но король отозвал его своим приказом. После этого Влад в документах не упоминается — его то ли уволили со службы, то ли убили в какой-нибудь стычке. Примерно тогда же скончалась и его мать, пережившая всех своих четырех мужей. Женившись на знатной венгерке, Влад продолжил род Дракулы — в 1534 году король Венгрии Фердинанд Габсбург пожаловал

его внукам Владу (Ладисласу) и Яношу Драгуле де Синтешти герб, на котором изображались три серебряных волчьих клыка и изогнутый турецкий меч. Можно пофантазировать о связи этой символики с вампирами, способными, как известно, превращаться в волка, но такие же клыки (причем вместе с эмблемой ордена Дракона) красовались на гербе рода Батори, одного из знатнейших в Трансильвании. Вероятно, к этому роду принадлежала мать юных дворян.

За храбрость в боях с турками Ладислас Драгуля получил в 1554 году поместья в Трансильвании вместе с титулом «де Банд». Интересно, что одно из его имений располагалось в краю секлеров возле Борго — именно там, где Брэм Стокер разместил замок Дракулы. Сын Влада Янош Драгуля стал последним мужчиной в роду, но его потомки по женской линии передали фамилию Драгуля дворянам из семей Течи и Папп, где она употреблялась до XVIII века. Среди других возможных родственников Дракулы — упомянутый в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского монах Волоколамского монастыря Дракула Вассиан, который в 1538 году поставил свое имя на переписанной им рукописи. Возможно, он был потомком Мирчи, еще одного внебрачного сына Влада Дракула, которого Стефан в 1481 году пытался посадить на валашский престол.

Незадолго до этого Лайоту Басараба сверг его кузен, Басараб IV Младший или Цепелуш, который в 1479 году примкнул к невиданному по масштабам турецкому набегу на Трансильванию. Захватчики жгли и грабили область, пока недолговечный союзник Дракулы Иштван Батори не разгромил их у Брука. Вскоре Стефан при поддержке венгров вторгся в Валахию, чтобы сбросить с трона Цепелуша, взял Тырговиште и свирепствовал там так, что затмил даже самого Влада Цепеша. На сей раз его кандидатом на трон стал сводный брат Дракулы Влад Калугэрул (Монах). Курицын писал о нем: «Был тот Влад с юных лет монахом, потом — священником и игуменом, а потом расстригся и сел на воеводство. И женился он на вдове воеводы, правившего некоторое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским»^[125].

Имеется в виду боярская дочь Смаранда, жена сначала Раду Красивого, а потом Лайоты Басараба, на самом деле убитого в Брашове — вполне возможно, по приказанию Стефана, который, в отличие от Дракулы, не чуждался тайных расправ с противниками. Молдавский правитель оказался более умелым политиком, чем его бывший валашский друг — повоевав с поляками, венграми, турками, он умудрился со всеми ними в итоге установить если не дружеские, то по крайней мере мирные отношения. Поладил и с правителем набравшей могущество Руси Иваном

III, выдав за его сына Ивана (при помощи дьяка Курицына) свою дочь Елену, прозванную в Москве Волошанкой. Правда, Иван Молодой скоро умер, а его отец женился на греческой принцессе Софье Палеолог, интригами которой Елена и ее сын Дмитрий были загублены в темнице, а русским великим князем стал в 1505 году сын гречанки Василий — отец Ивана Грозного. Когда это случилось, Стефан Великий все еще восседал на троне в Сучаве — уникальный пример политического долголетия в то бурное время.

Влад IV Монах правил Валахией до 1495 года — правил мирно, не ссорясь ни с турками, ни с венграми. Он был одним из тех немногих господарей, кто умер в своей постели да еще оставил престол сыну Раду Великому. В правление Влада скончались сначала султан Мехмед II Завоеватель, а потом, в апреле 1490 года — венгерский король Матьяш Корвин. В народе короля любили и долго рассказывали, что в его правление даже последний холоп мог пожаловаться на барина, и суд по закону разбирает его дело. «С королем Матьяшем умерла справедливость», — вздыхали венгры. Наследников Корвин не оставил, и магнаты снова начали рвать страну на части.

В Османской империи между тем стал султаном правнук Мехмеда II Сулейман Великолепный. В отличие от предшественников, занятых завоеваниями в Азии, он снова нацелил удар на Европу, воскресив грандиозные планы предка. В 1520 году, едва придя к власти, он потребовал у молодого венгерского короля Лайоша (Людовика) II уплаты дани и сдачи туркам Белграда. Венгры отказались и к тому же убили турецкого посла, после чего началась война. В 1526 году армия короля была наголову разбита при Мохаче, сам Лайош утонул в болоте во время бегства. Остатки уничтоженной Венгрии попали в руки австрийских Габсбургов, ставших на два века главными врагами турок. На этом Сулейман не остановился: захватив всю Северную Африку, он открыл против европейцев войну на море при помощи алжирских пиратов. Венеция потеряла все свои заморские владения и была вынуждена платить дань султану. К 1547 году турки оккупировали всю Венгрию, едва не взяли Вену, а Трансильванию превратили в вассальное княжество. В 1566 году, когда Сулейман умер при осаде крепости Сегешвар, Османская империя достигла пика своего могущества.

Валахия и Молдова формально оставались независимыми, но Порта брала с них тяжелую дань — не только деньгами, зерном и скотом, но и юношами, которых по «налогу кровью» отдавали в янычары. Господари, проявлявшие строптивость, быстро лишались власти, а то и жизни. Одним

из первых это испытал на себе сын Влада Монаха Раду Великий, который пытался протестовать против непрерывного увеличения османской дани. В 1508 году паша Никополя Мехмед-бей сместил его и посадил на трон сына Дракулы Михню. Тот оказался истинным потомком Колосажателя — круто расправлялся с боярами, за что получил прозвище Рэу (Злой). Враждебный ему монах Таврило Прогул писал: «Как только Михня начал править... он схватил всех великих бояр, жестоко мучил их, отбирал их владения и даже насиловал их жен у них на глазах. Иным он отрезал носы и губы, иных вешал, а иных топил». Вдобавок Михня попросил короля Уласло II ввести в страну венгерские войска для защиты от турок. Тогда Мехмед-бей вернулся в Валахию, и Михне пришлось бежать в Сибиу, где скоро его у входа в церковь зарезал наемный убийца. Кстати, церковь была католической; это доказывает, что Михня сменил веру вместе с отцом.

От двух жен у Михни родилось несколько детей, один из которых, Мирча III, в 1510 году сумел ненадолго стать валашским господарем. Узнав об убийстве отца на заседании Большого совета, он в гневе голыми руками — в 16 лет! — задушил боярина, которого считал организатором злодеяния. Бежав из Тырговиште, он еще долго жил в Трансильвании, став отцом двух сыновей. Старший, Милош, родился с высохшей рукой, поэтому не мог претендовать на трон и стал богословом, преподавателем семинарии Константинопольского патриархата. Его младший брат Александру Мирча унаследовал характер прадеда — став в 1568 году господарем, он уже через месяц расправился с двумя сотнями бояр; правда, не сажал их на кол, а «гуманно» обезглавливал. Он правил до 1577 года и умер в своей постели, оставив трон сыну Михне. Пережив несколько мятежей, тот в 1591 году бежал к туркам, где обратился в ислам и стал беём Никополя, получив в хрониках прозвище «Турчитул» или «Отуреченный».

Турки тем временем продолжали закабалить румынские княжества, пользуясь междоусобицами князей и бояр. Приходя к власти при османской поддержке, каждый новый господарь по приказу Порты увеличивал подати, чтобы платить дань — ее размер вырос с трех тысяч золотых при Дракуле до 14 тысяч в 1500 году и 80 тысяч век спустя. Это положение решил изменить праправнук Влада Монаха Михай Храбрый (Витезул), ставший в 1593 году князем Валахии. Вскоре началась очередная австро-турецкая война, османская армия взяла штурмом Грац и двинулась на Вену. В этот момент Михай, вступив в союз с правителями Молдовы и Трансильвании, поднял восстание против угнетателей. Он действовал так же, как в свое время Дракула: обманом заманил в столицу турецких послов и сборщиков дани и сжег их всех в своем дворце. Узнав об этом, султан — тоже Мехмед,

но уже Третий, — в ярости снял осаду австрийской столицы и бросил сотысячную армию Синан-паши на Бухарест.

Как и Дракула, Михай отступал вглубь страны, сжигая посевы и отравляя колодцы. Как и он, собрал силы и дал решающий бой врагам — это случилось 23 августа 1595 года у деревни Кэлугэрэни недалеко от столицы. У Михая было больше сил, чем у его предшественника, но вчетверо меньше, чем у турок, и все же он сумел одержать победу. Однако и ему пришлось оставить столицу и перейти к партизанской войне. Уже осенью, получив подкрепление из Трансильвании, воины Михая разбили оккупантов и выгнали их из страны. Казалось, Валахии и ее соседям удалось отстоять независимость, но тут им в спину ударила Польша. Заключив тайный союз с Мехмедом, польско-шведский король Сигизмунд Ваза потребовал от Молдовы и Валахии признать его власть, а когда они отказались, сверг молдавского господаря Стефана Резвана и захватил страну. Зажатый с двух сторон поляками и турками Михай признал власть Австрии, а потом разгромил еще одно османское войско у крепости Турну. В 1599 году восставшие против императора трансильванцы объявили его своим князем. А годом позже, выбив из Молдовы поляков, он впервые объединил все три румынские области.

Император Рудольф II забеспокоился: появление под боком единого румынского государства никак не входило в его планы. Уговорами и обещаниями он убедил трансильванцев выступить против господаря; тогда же польское войско во главе с гетманом Замойским снова заняло Молдову. В сентябре 1600 года армия Михая Храброго была разбита мятежниками. Ему пришлось укрыться в Карпатах и просить помощи у императора. С помощью австрийского наемного войска Михай разгромил трансильванского князя Жигмонда Батори. Но Рудольф не собирался возвращать власть непокорному вассалу; по его приказу господаря застрелили 9 августа 1601 года, сразу после одержанной им победы. Это была последняя отчаянная попытка добиться независимости, после которой Валахия вернулась под власть покорных туркам потомков Мирчи и Дана, продолжавших враждовать между собой.

В 1611 году господарем стал сын Михни Отуречившегося Раду Михня, долго живший в Венеции. При его дворе утвердились европейские наряды и традиции, там появились советники из старинных греческих родов Кантакузин, Дука, Мурузи, осевших с тех пор в Валахии. Раду Михня запомнился как мудрый и справедливый правитель, умевший найти общий язык со всеми подданными. И не только: в 1621 году именно его умелая дипломатия помогла заключить Хотинский мир, остановивший османское

наступление на Польшу. Два года спустя господарь скончался; сменивший его сын Александру Малыш (Коконул) ничем не отличился и пробыл на престоле недолго. Таким же недолгим — 1658–1659 годы — оказалось княжение его брата Михни III Раду, ставшего последним Дракулешти на валашском престоле. Его предшественник Константин Щербан был, в свою очередь, последним из Данешти — исконные враги отправились в небытие вместе. После них Валахией правили назначенные турками господа из числа бояр или стамбульских греков-фанариотов.

Другой сын Александру Мирчи, Петру Хромой, несколько раз становился господарем Молдовы и оставил по себе добрую память. Хронист Григоре Уреке писал: «Боярам он был как отец, проявляя к ним большое уважение и не отказываясь от их советов. Он защищал страну, был милосерден к нищим, поддерживал монастыри». При этом те же бояре трижды пытались свергнуть Петру, а турки требовали с него непосильную дань, угрожая вторжением. В итоге он отрекся от власти и укрылся в тирольском монастыре Больцано, где и умер в 1594 году — очевидно, перейдя в католичество. Помимо законного наследника Стефана у него родился от цыганки сын Мирча, потомки которого, владевшие землями в Трансильвании, гордо носили фамилию Цепеш. Правда, не исключено, что они просто приписали себе родство со знаменитым воеводой. Последний из Цепешей, Стефан, жил в Лондоне в викторианскую эпоху; по слухам, он был художником и теоретически мог встречаться с Брэмом Стокером.

К тому времени слово «Цепеш» за пределами Румынии не вызывало абсолютно никаких эмоций. Зато другое слово, «Дракула», скоро стало всемирно известным, вызвав волну интереса не только к давно покойному валашскому господарю, но и к его подлинным или мнимым потомкам. Не так давно, на волне успеха фильма «Сумерки», в таблоидах появились статьи о том, что исполнитель главной роли в вампирской саге, молодой актер Роберт Паттинсон — прямой потомок Дракулы! Довольно скоро выяснилась истина: Паттинсон — дальний родственник британской королевской семьи, которую еще в XVIII веке угораздило породниться с потомками династии Басарабов. Однако к самому Дракуле ни эти потомки, ни, естественно, юный кумир публики отношения не имеют.

Колоритная фигура Влада III интересует специалистов и любителей истории вне зависимости от новомодных наслоений вокруг нее. Но огромное большинство людей, говоря «Дракула», подразумевает «вампир». Почему же так случилось? Неужели только из-за того, что когда-то безымянный немецкий художник изобразил господаря пирующим среди мертвецов с кубком то ли вина, то ли крови, поднесенным к алым губам?

Глава седьмая

ЧЕРНАЯ ЛЕГЕНДА

Карпаты — страна вампиров. Это приходится слышать даже в самих Карпатах: надо же как-то привлекать туристов! Но и за сотни километров от Карпат, и за тысячи лет от современности легенды о мертвецах, пьющих кровь живых, леденили сердца людей. Правда, существа эти не были вампирами в строгом смысле слова, но в крови нуждались не меньше.

С древнейших времен красная жидкость, текущая в человеческих артериях и венах, была не просто символом, но синонимом жизни и человеческой души, и цвет ее считался цветом жизни, любви, плодородия, в отличие от белого — цвета смерти. «Душа всякого тела есть кровь его», — говорится в библейской книге Левит. Кому же могла потребоваться эта волшебная жидкость? Конечно, тем, в ком жизни не было — во-первых, злым духам, ведьмам, эльфам и прочей нежити. Во-вторых, мертвецам, тоскующим в мрачном загробном мире и мечтающим ожить. Недаром еще в глубокой древности люди в особые дни года, когда грань между миром живых и миром мертвых становилась тоньше (обычно это случалось в зимнее и летнее солнцестояние), мазали себя белой краской, чтобы покойники приняли их за своих и не тронули.

Со временем царство мертвых «благоустроилось» благодаря религии, и страсть к крови стали приписывать только тем мертвецам, кто по разным причинам туда не попал — казненным, утопленникам, колдунам, одним словом, всем, кто не был похоронен должным образом, с соблюдением всех необходимых обрядов. Матей Казаку пишет об этом так: «Древние похоронные обряды были необходимы для того, чтобы сопровождать умершего под землей у древних греков и римлян или в небе, рядом с богом Одним — у германцев и даков, предков румын. Любое отступление от ритуала, незнание, ошибка или вовсе отсутствие тела (в случае внезапной смерти человека или же убийства его на чужой земле) могли серьезно повлиять на это путешествие. Тогда на помощь приходили символические захоронения без тел, но выполненные по всем правилам. Есть среди них и относительно современные: в Румынии в 1943 году, после Сталинградской битвы, где румынская армия потеряла десятки тысяч погибшими и пропавшими без вести, семьи воинов организовывали как раз похороны без тел, потому что якобы «мертвая армия» вернулась домой и потребовала,

чтобы у них были свои могилы»^[126].

Обеим категориям любителей крови — демонам и не-упокоенным мертвецам — издревле приписывали множество злодеяний. Древние вавилоняне верили в демоницу Лилит, которая по ночам прилетала к колыбелям младенцев и пила их кровь. В еврейских преданиях Лилит стала первой женой Адама, прекрасной и порочной — похоже, ее объединили с другим духом, суккубом, который, являясь по ночам к мужчинам в образе красивой женщины, отбирал их сексуальную энергию, которая, как и кровь, воплощала в себе жизненную силу. У древних греков было немало легенд о том, как умершие возлюбленные приходили к юношам, похищая их жизнь — одну из них пересказал Гёте в «Коринфской невесте». У тех же греков возникли легенды о духах в женском облике, которые по ночам пили кровь людей, большей частью младенцев. Их называли ламии, эмпузы, стриги — последнее слово в современной Италии означает ведьму, а в Румынии — вампира (*strigoi*).

Но все эти существа были бесплотными духами, лишь для вида принимающими людской облик. Вера в оживших мертвецов, прежде бывших обычными людьми, пришла в античный мир из других краев — прежде всего, с севера Европы, от суеверных кельтов и германцев. Записывать истории о них начали еще в раннем средневековье: так, в 1031 году на церковном соборе в Лиможе рассказали, что тело некоего отлученного от церкви рыцаря каждое утро находили вдали от его могилы. О таких же случаях говорится в «Истории английских королей» Уильяма Ньюбургского (1196) — когда в округе начинали пропадать или неожиданно умирать люди, местные жители первым делом шли на кладбище. Вскрыв гроб какого-нибудь нечестивца или колдуна, его, как правило, находили неразложившимся и румяным, с губами, испачканными свежей кровью. В этом случае труп следовало проткнуть мечом («холодным железом», которого боится нечисть), а потом сжечь и развеять по ветру.

В Англии таких мертвецов называли *cadaver sanguisugus* (кровососущий труп). В Венгрии использовали более емкое название — «вампир», происходящее, по мнению ученых, от славянского «упырь». Упыри, правда, были не ожившими мертвецами, а духами людей, погибших неестественной смертью — это доказывает, что обе категории в поверьях четко не разграничивались. В польском и чешском языках вампира до сих пор называют «упырь». Это слово производится от «парить» или «пар» и связывается со славянским названием летучей мыши — «нетопырь». Менее вероятно его связь с тюркским «убыр» (злой дух). Впервые оно

упоминается в 1047 году как собственное имя: переписчиком библейских книг в Новгороде был некий Упырь Лихой. В древнерусском «Слове святого Григория» сказано, что язычники приносили жертвы «упырям и берегиням». В более поздних поверьях, особенно украинских и южнорусских, упырь — «заложный», то есть неупокоенный мертвец с горящими глазами и длинными железными зубами, иногда поросший шерстью. Он рыщет ночами, убивая и пугая до смерти неосторожных путников, но боится железа и креста — не может войти в дверь или ворота, над которыми вырезан крест. Чтобы убить, ему отрезают голову и вбивают в нее железный гвоздь, а тело сжигают.

В Греции вампира прозвали тоже славянским словом «вриколак» (вурдалак). В Румынии он — «стригой» или «мерой», в Болгарии — «полтеник», в Хорватии — «кошкима», в Албании — «кукути», у цыган — «мулло». У немцев был свой вампир — *Nachzehrer* или «ночной жеватель»; считалось, что он, лежа в могиле, непрерывно жует, насылая на живых чуму и другие болезни. Чтобы усмирить предполагаемого нахцерера, его рот набивали камнями. Несколько раз при раскопках в Германии и других странах находили скелеты с камнями во рту — свидетельство древности этого суеверия. В исландских сагах часто упоминается драугр, оживший мертвец, который после смерти сильно разбухает и чернеет. Драугр ночью выходил из могилы, подстерегал путников и выпивал из них всю кровь, мог даже врываться в дома, продавливая их крышу своим весом. Чтобы запереть его в могиле, на нее ставили камень с колдовскими рунами.

Хотя Европа — признанный оплот вампиров, похожие существа имеются и в фольклоре других континентов. Арабы и другие народы Ближнего Востока верят в гулей — оборотней, которые живут в пустынных местах и обожают кровь и плоть неосторожных путников, особенно детей. В отсутствие живых жертв они разрывают могилы и питаются трупами. Гули могут принимать любой вид: притворяются добрыми старушками, чтобы заманивать в свои сети детей, и прекрасными девами, чтобы выпивать жизнь из молодых людей. Девушку-гуля можно распознать по плохому аппетиту — она не может есть человеческой пищи — и ослиным копытам, спрятанным под ее длинными юбками. У индийцев известны бхуты, которые пожирают мертвых, и ветапы, ожившие мертвецы, которые, подобно вампирам, высасывают из людей жизненные силы. В китайском фольклоре известен «живой труп» цзянси, тоже питающийся людской жизненной силой — ци. Малайские вампиры, пенангаланы, как и их филиппинские собратья манангалы, прячутся в джунглях, нападая на женщин и детей, чтобы высосать их кровь. Интересно, что они тоже могут

превращаться в летучих мышей, хотя не исключено, что это уже след европейского влияния.

Особая тема — оборотни, во многих мифологиях неотличимые от вампиров (хотя в современной масскультуре между ними идет жестокая война). Многие верили, что маги, шаманы, колдуны превращаются в самых разных животных, однако 90 процентов упоминаний оборотничества относится к обращению в волка (ликантропии). Первый такой случай отмечен еще в «Эпосе о Гильгамеше», а позже волки-оборотни или вервольфы стали не менее популярными героями европейского фольклора, чем вампиры. Рассадником их считались такие области, как Польша, Литва, Германия. Во Франции оборотней называли «лугару», в Италии — «лупо маннaro», в славянских странах — «волколак», которого часто путают с «вурдалаком». В XVI–XVII веках по обвинению в оборотничестве были казнены тысячи людей, но число вервольфов не уменьшилось. Их признаками считались заостренные уши, сросшиеся брови, поросшие волосами ладони. Одни оборотни превращались в волка по своей воле, другие неосознанно, но всякий раз это случалось на полнолуние. В течение недели вервольф рыскал по округе, пожирая людей и домашний скот, а потом снова превращался в человека. Еще в 1760-е годы во французском Жеводане свирепствовал волк-людоед, жертвами которого стали 123 человека — многие считали его оборотнем. При этом в Румынии, как и на Балканах, оборотни упоминаются куда реже, чем вампиры, которые, как известно, превращаются в волков так же охотно, как в летучих мышей.

В XIV веке Центральная Европа пережила настоящую эпидемию вампиризма, совпавшую со страшной эпидемией чумы. В панической неразберихе людей нередко хоронили живыми, а потом, когда по соседству кто-нибудь внезапно умирал (что при эпидемии опять-таки не редкость), гроб открывали и видели покойника скорчившимся и перепачканным кровью — ведь он отчаянно пытался выбраться из своего плена. В 1343 году прусский барон Штейно де Реттен, умерший от чумы, был похоронен с почестями, а через несколько дней разнесся слух, что ночью его видели вне могилы. Пришлось открыть гроб и пронзить останки барона мечом. Лишь гораздо позже распространилось поверье — тоже пришедшее от славян, — что протыкать вампира нужно не железом, а осиновым колом, после чего обязательно отрезать голову, опрыскать тело святой водой, а потом сжечь.

К тому времени вампиров, которые прежде считались чем-то вроде природного феномена, окончательно объявили слугами дьявола и начали с ними беспощадную борьбу. Вскоре после смерти Дракулы, в 1486 году

доминиканские монахи Шпренгер и Инститорис (Крамер) выпустили в свет знаменитый «Молот ведьм» — руководство по поиску и разоблачению прислужников Сатаны, которое предусматривало широкое применение пыток. Инквизиторы, действовавшие практически бесконтрольно, далеко превзошли валашского воеводу в изощренности мучений, которым подвергались их жертвы. Во времена охоты на ведьм, продолжавшейся почти три века и унесшей, по наиболее достоверным оценкам, до 100 тысяч жизней, несчастных женщин (а иногда и мужчин) обвиняли не только в колдовстве, но и в вампиризме — и посылали на костер. В результате те, кто сознательно поклонялся Сатане, начинали приносить в жертву своему кумиру людей и пить их кровь, пытаясь угодить своему властелину.

По мнению судей, именно так поступал знаменитый барон Жиль де Рэ, современник Дракулы, казненный в 1440 году в Руане по обвинению в убийстве более трехсот детей. По одной из версий, он использовал их кровь для алхимических опытов, по другой — вызывал с ее помощью злых духов, по третьей — был ложно обвинен во всем этом королевскими чиновниками, захотевшими отобрать его земли и богатства. Но если даже он был не виновен, маленькие дети (особенно некрещеные) еще долго оставались главной целью сатанистов всех мастей. Другим объектом их вожделения были невинные девушки, кровь которых тоже использовали в колдовских обрядах, прежде всего в проведении «черной мессы».

В 1610 году на востоке Европы прогремело дело венгерской графини Эржебет (Елизаветы) Батори. Начав стареть, эта роковая красавица велела своим прислужникам заманивать в ее замок в Чейте (ныне Чахтице в Словакии) молодых крестьянок, которых она замучивала до смерти как вручную, так и всевозможными орудиями пыток, наподобие специально заказанной ею «железной девы», а потом выпускала из их тел кровь и купалась в ней, пытаясь вернуть молодость. Всего ее жертвами стали от 30 до 650 девушек и женщин. Графиня принадлежала к высшей венгерской знати, однако королевский суд под давлением неоспоримых улик приговорил ее к пожизненному заключению в ее собственном замке, где она и скончалась четыре года спустя в возрасте 54 лет.

Сегодня мало кто вспоминает, что злодеяния Эржебет Батори были следствием общеевропейской «моды» на использование крови в сатанистских обрядах. Но все отмечают, что они имели место в Карпатах — том самом горном краю на стыке Румынии, Венгрии, Словакии и Украины, откуда, как из эпицентра землетрясения, по Европе расходились предания о вампирах. Эта область, где веками смешивались традиции и суеверия разных народов, где постоянно кипели кровавые битвы, где дикая природа

всегда была рядом с человеком, оказалась питательной почвой для вампиризма.

*

В XVII веке из Юго-Восточной Европы, разделенной между Османской и Австрийской империями, слухи о вампирах начали доходить до Запада, где их принимали на ура, как опасную, щекочущую нервы экзотику. В 1694 году популярный французский журнал «Меркюр талант» посвятил вампирам специальный выпуск. А после 1718 года, когда по Пожаревацкому договору часть Сербии и Банат вошли в состав Австрийской империи, кровососы попали и в официальные документы.

В 1725 году австрийский суд рассматривал дело сербского крестьянина Петра Плогойвица (Благоевича), обвиненного — посмертно! — в убийстве девяти человек в его родной деревне Кисилово. Вот как описал обстоятельства дела местный чиновник Иоганнес Фромбальд:

«Спустя 10 недель после того, как в деревне Кисолова, в Рамском районе, подданный по имени Петер Плогойвиц испустил дух и был предан земле, стало известно, что в указанной деревне Кисолова за восемь дней девять особ, как старые, так и молодые, также умерли после тяжелой 24-часовой болезни, и что они, будучи живы, однако лежа на смертном одре, заявляли во всеулышание, что умерший 10 неделями ранее, помянутый Петер Плогойвиц, приходил к ним во сне, ложился на них и давил таким образом, что они поневоле лишались дыхания... Жена упокоившегося Петера Плогойвица, каковая ранее заявляла, что муж приходил к ней и требовал свои опанки или букв, башмаки, ушла из деревни Кисолова в другую. Поскольку у подобных особ (каковых именуют они вампирами) имеются различные знаки, как то тело их не тлеет, кожа же, волосы, борода и ногти растут, как можно увидеть, то подданные единодушно постановили вскрыть могилу Петера Плогойвица и удостовериться, будут ли найдены на нем помянутые знаки...

Поскольку ни добром, ни угрозами не способен был я удержать сих людей от вынесенной ими резолюции, то с привлечением градиского попа отправился в указанную деревню Кисолова, где осмотрел извлеченное тело Петра Плогойвица и с всемерно тщательной истинностью удостоверился в том: что первое, ни от данного тела, ни от могилы ни в малейшей степени не исходил зловонный запах, обыкновенно присущий мертвым, и что тело, за исключением носа, каковой несколько отвалился, было весьма свежим, и

что волосы, борода и также ногти, из каковых старые упали, росли на нем, и что старая кожа отделилась и под нею показалась новая и свежая, и что лицо, руки, и ноги, и все туловище имели такой вид, что и при жизни не могли бы выглядеть лучше; во рту его я не без удивления заметил некоторое количество свежей крови, каковую, по общему показанию, он высосал из убитых...

Покуда я разглядывал это зрелище вместе с попом, чернь более ярилась, нежели тревожилась, после чего в большой поспешности все подданные заострили кол, дабы поразить мертвое тело в сердце, и после сего прокола из ушей и рта не только вытекло много весьма свежей крови, но и случились иные дикие знаки (каковые из высокого уважения я опускаю), и наконец все тело, по их обычаю, было сожжено и обращено в прах, о чем и доношу высокопочтенной администрации с нижайшей и покорнейшей просьбой: ежели совершена была ошибка, то повинен в ней не я, но чернь, что пребывала вне себя от страха»^[127].

Дело Плогойвица вызвало такой резонанс, что отчета по нему потребовал сам австрийский император Карл VI. Отчет Фромбальда (кстати, именно в нем впервые письменно употребляется слово «вампир») вошел в диссертацию Михаэля Ранфта, защищенную в том же году в Лейпциге и названную «О жующих и чавкающих в гробу мертвецах». Немецкий врач первым попытался дать феномену вампиризма научное объяснение: «Этот храбрый человек погиб внезапной насильственной смертью. Эта смерть, какой бы она ни была, могла спровоцировать у выживших видения, которые были у них после его смерти. Внезапная смерть породила беспокойство в семейном кругу. Беспокойство было в паре со скорбью. Скорбь приносит меланхолию. Меланхолия становится причиной бессонных ночей и мучительных снов. Эти сны ослабляли тело и дух до тех пор, пока болезнь в конце концов не приводила к смерти».

В 1731 году похожий случай произошел в сербской деревне Медведже, где крестьянина Арнота Паоле^[128], погибшего при падении с повозки, обвинили в гибели людей и скота. Свидетели рассказали, что Паоле прежде служил в армии в Греции, где его укусил вампир. Знающий, что делать в таких случаях, Паоле раскопал могилу вампира, вбил ему в сердце кол и съел горсть могильной земли, но это не помогло — он сам превратился в кровососа. В отчете австрийского военного врача Иоганна Флюкингера (1732) говорилось:

«Спустя 20 или 30 дней некоторые люди принялись жаловаться, что донимает их указанный Арнонд Паоле, и действительно убил он 4 особ.

Дабы покончить с этой бедой, они указанного Арнонда Паоле по прошествии 40 дней с его смерти выкопали и обнаружили, что он вполне цел и не разложился, в то время как свежая кровь течет из его глаз, носа, рта и ушей, что рубаха, саван и гроб были все окровавлены, и что старые ногти на руках и ногах, а также кожа отделились и под ними выросли новые. И поскольку они увидели, что он истинный вампир, они согласно своему обычаю пронзили его сердце колом, после чего он издал слышимый стон и началось обильное кровотечение. Засим тело в тот же день сожгли и пепел бросили в могилу. Эти люди еще говорят, что все, кого мучили и умертвили вампиры, сами должны стать вампирами, и потому они казнили еще 4 особ таким же манером. Далее добавляют они, что указанный Арнонд Паоле нападал не только на людей, но и на скотину, и высасывал кровь из животных, люди же поедали их мясо. И следственно, здесь и теперь еще имеются вампиры. Всего же за время трех месяцев 17 молодых и старых особ отошли в мир иной» [\[129\]](#).

Эти случаи заинтересовали ученых и богословов, затеявших многолетнюю дискуссию о вампирах. Одни утверждали, что его вызывают демоны, проникающие в тела мертвецов; другие возражали, что верить в это — значит допускать, что Сатана может оживлять людей, а это по силам одному Всевышнему. Появилась и компромиссная версия, которую высказал английский король Яков I в своей «Демонологии»: вампиры — это нечистые духи, которые только принимают облик людей. В 1746 году ясность в этот вопрос решил внести бенедиктинский монах дом Огюстен Кальме, издавший в Париже «Трактат о явлениях ангелов, демонов и духов», где перечислялись десятки случаев вампиризма — почти все в той же Юго-Восточной Европе. Скрупулезно рассмотрев их все, святой отец пришел к выводу, что реальное существование вампиров сомнительно, однако нельзя исключить, что они представляют собой иллюзии, порожденные дьяволом и способные до смерти напугать суеверных людей. Эти выводы были изложены так туманно, что многие поняли их ровно наоборот — вампиры существуют и их жертвой может стать буквально каждый.

Знакомый с Кальме Вольтер высмеял его легкое верие, написав для своего «Философского словаря» (1764) заметку «Вампир», где говорилось: «Эти самые вампиры — мертвецы, которые выходят ночью из своих могил, чтобы приходить к живым и высасывать их кровь либо из горла, либо из живота, после чего они снова укладываются в свои ямы. Живые от укуса вампира худеют, бледнеют, чахнут, а мертвецы-кровососы жиреют, приобретают здоровый цвет лица и вообще выглядят весьма аппетитно.

Они устраивали свои застолья в Польше, Венгрии, Силезии, Моравии, Австрии, Лотарингии. Ни в Лондоне, ни даже в Париже о вампирах и не слышали. Я признаю, в этих городах есть биржевые игроки, трактирщики, деловые люди, которые среди бела дня пьют кровь народа; они, конечно, испорченные, но не мертвые. И проживают эти настоящие кровососы отнюдь не на кладбищах, а в очень удобных дворцах... С 1730 по 1735 год только и говорили о вампирах; их подстерегали, их сердца вырывали и сжигали. Но они напоминали мучеников древности — чем большее число их жгли, тем больше их становилось»^[130].

Указанные в заметке годы и правда связаны с настоящей «вампироманией», когда о живых мертвецах писали ведущие газеты Европы и даже — как в свое время о Дракуле — дешевые брошюры для народа. В новую переломную эпоху, объявленную «веком просвещения», вампиры стали символом нового отношения к смерти. Французский культуролог Филипп Арьес пишет: «И в искусстве, и в литературе, и в медицине XVII–XVIII вв. царили неуверенность и двусмысленность в отношении жизни, смерти и их пределов. Постоянно присутствующей стала сама тема живого трупа, мертвеца, который на самом деле жив... Умами овладела всеобщая паника — страх быть похороненным заживо, очнуться от долгого сна на дне могилы. С другой стороны, начинаются извращенные игры со смертью, вплоть до эротического соития с ней. Устанавливается связь между смертью и сексом, как раз поэтому она завораживает, завладевает человеком»^[131]. В этом скрывались корни как тогдашней «мании», так и будущей популярности вампиров.

Именно сочинение Кальме заложило современные представления о вампирах, восходящие к суевериям карпатских народов, но при этом сильно облагороженные массовой культурой. «Народный» вампир — не бледный джентльмен в отглаженном фраке, а румяный крестьянин в грязной, рваной и заскорузлой от крови одежде, больше похожий на зомби современной мифологии. Кровь, которой он упивается, так и брызжет из него — иные вампиры, когда их гроб вскрывают, буквально плавают в крови. Это хорошо иллюстрирует переведенная вначале Мериме, а потом Пушкиным сербская баллада «Марко Якубович»:

*Видят, — труп румяный и свежий, —
Ногти выросли, как вороньи когти,
А лицо обросло бороною,
Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила*

«Классические» вампиры вряд ли ведут философские диалоги со своими жертвами — чаще всего они вообще не говорят, поскольку принадлежат к миру мертвых, «немых», и с живыми их сближает только выпитая кровь. Надо сказать, что нынешний «маскультовый» вампир — образ сборный, соединивший поверья разных народов и культур. Например, в то, что вампир, как и все злые духи, не отражается в зеркале, верили только в Германии, а про то, что он не отбрасывает тени, в фольклоре вообще не сказано. Практически нигде не считали, что у вампира вырастают волчьи клыки (это скорее присуще оборотням) или что он пьет кровь из горла своих жертв. На Балканах, как уже говорилось, верили, что он «выдавливает» из тела жизненную силу или высасывает ее из пор кожи, чаще всего в области сердца. Это сближало его с марой, злым духом многих европейских народов, от имени которого происходят русское «mareво», английское *nightmare* и французское *cauchemar*.

Всем известно, что вампиры часто превращаются в летучих мышей. Французский натуралист Жорж Бюффон в 1761 году даже назвал вампирами американских нетопырей отталкивающего вида, которые действительно пили кровь животных, а при случае и людей. Но связь вампиров с летучими мышами возникла еще до этого, поскольку в народных преданиях эти ночные создания традиционно включаются в свиту дьявола. Вампиры превращаются и в других живых существ из этой категории — волков, крыс, пауков, а также могут повелевать ими. Есть и животные, враждебные вампирам, например белые лошади; если такую лошадь привести на кладбище, то в могиле, которой она испугается, наверняка скрывается вампир.

В легендах говорится и о превращении вампиров в ночных бабочек «мертвая голова»; румыны верили, что в этих бабочках заключена душа вампира, и тот, кто поймает их, обретет над ним власть. Еще вампиры легко делаются невидимыми или превращаются в туман, что позволяет им проникнуть в любое, самое маленькое отверстие. Народные поверья и маскульт сходятся только в трех вещах. Первое: вампир может действовать только ночью, до первых петухов он должен вернуться в свою могилу — иначе лучи солнца просто расплавят его. Второе: он боится святой воды, освященных просфор и креста, а также чеснока, хотя последняя деталь тоже встречается не везде. Третье: он нападает на человека только вне дома (подразумевается, что в доме присутствуют иконы). Попасть в дом вампир может лишь в том случае, если кто-либо из живущих там впустил его.

Фольклор знает множество мер предосторожности против вампиров. Румынские крестьяне до сих пор украшают дом связками чеснока и вешают такую связку на шею, выходя из дома ночью. В других странах считалось, что достаточно иметь на шее крест, лучше всего серебряный. Человеку, укушенному вампиром, в Румынии давали напиток из настоя ивы, вина, водки и меда (были и другие рецепты). При этом он должен был читать заклинание: «Ты, стригой, ты, морой, ты, лев, ты, колдун... Идите туда, где девушка не заплетает кос, где топор рубит бесшумно, где священник не читает Библию, в лесную чащу, в морские глубины. Идите туда, упокойтесь там, оставьте меня в покое!» Были и специальные молитвы для избавления от власти вампира, но они не всегда помогали. День ото дня жертву испытывали, давая ей святую воду и просфору; если человек не мог их проглотить, значит, он уже превратился в вампира и односельчанам пора браться за колы.

*

Сегодня принято считать, что овампиривание возможно только после укуса другого вампира. Но кто тогда укусил первого из них? Современные «теоретики» вампиризма решили эту загадку, предположив, что существуют две категории вампиров. Первая состоит из укушенных людей — жалких полуидиотов, которыми движет только слепая жажда крови. Вторая же — древние духи зла, уполномоченные самого Сатаны, испокон веков плодящие вампиров не из-за банального голода, а из ненависти ко всем людям. Эта изящная версия связывает воедино обе категории вампиров, но народные верования опять-таки ничем ее не подтверждают.

Народные поверья знают и другие причины, по которым человек может превратиться в вампира. Это случается после смерти с теми, кто умер внезапно, без исповеди и причастия, те, кто покончил с собой или перешел в другую веру; в православных Сербии и Румынии это был тяжкий грех, за который полагалась самая жуткая посмертная кара. Были люди, заранее предрасположенные к вампиризму: те, кто родился с зубами, а также рыжие и зеленоглазые (что для Юго-Восточной Европы нетипично; вспомним, что у Дракулы тоже были зеленые глаза). Греки считали, что вампиром может стать тот, кто родился в Рождество, или человек, через тело которого после смерти перепрыгнула кошка или собака. При похоронах таких людей принимали «профилактические меры»: вбивали в лоб гвоздь, клали в рот головку чеснока или насыпали в гроб маковые

зерна, чтобы вампир пересчитывал их каждую ночь.

Радикальным средством, конечно, было проткнуть покойника колом из осины, боярышника или крушины. Так же обезвреживали «состоявшихся» вампиров; если после этого они не рассыпались в прах, их обезглавливали и сжигали, а пепел развеивали по ветру или закапывали на пересечении двух дорог. Кол — вторая после пристрастия к крови важная деталь, сближающая фольклорных вампиров с историческим Дракулой. Но сближающая чисто внешне: вампиры боялись кола, а для валашского князя он был любимым «орудием труда». Что касается крови, то вампиры относятся к ней крайне бережно, а Дракула проливал ее зря; все слухи о его особой любви к крови следует считать преувеличенными. Третье и последнее, что сближает воеводу с вампирами — география; Юго-Восточная Европа и особенно Румыния давно и заслуженно считаются средоточием вампирского фольклора и суеверий.

Первый случай предполагаемого вампиризма в румынских землях зафиксирован в 1521 году в Брашове: там сожгли женщину, которую считали «стригойкой» (*strigoaie*), хотя это слово могло относиться и к ведьме. В 1645 году молдавский митрополит Варлаам опубликовал труд под названием «Семь церковных таинств» (*Septe taine ale Bisericii*), в котором решительно отверг мнение о превращении покойников в вампиров: «О нем говорили, что он стал варколаком. Так говорили невежды, поскольку невозможно, чтобы мертвый превратился в варколака... Эти люди идут к могиле и выкапывают останки, чтобы посмотреть, как они выглядят. Если у трупа есть кровь, отрасли ногти и волосы, то они, как только видят всё это, собирают дрова, делают костер и сжигают тело, пока от него ничего не останется»^[132]. Восстав против подобных суеверий, Варлаам настоял на включении осуждения веры в вампиров в свод законов Молдовы 1646 года, откуда он перешел в законодательство соседней Валахии. Вот отрывок из валашского кодекса 1652 года:

«Статья 378. Об умершем, который может считаться вампиром или варколаком, и том, как нужно с ним поступать.

Некоторые несведущие люди говорят, что, когда люди умирают, иные из них восстают (из могилы), становятся вампирами и убивают живых. Но смерть приходит внезапно, никто не знает когда, кроме Господа нашего Иисуса Христа, хранителя жизни нашей... Невежественны и слепы те несчастные, кто не видит, что это дел рук дьявола, искушающего их; для него они сжигают тела себе подобных, отправляя их в ад! Другие глупцы утверждают, что немалое число умерших и зарытых в землю не разлагаются, а остаются нетронутыми и полными крови. Это дьявольская

иллюзия, как мы уже сказали, так как дьявол принимает любые обличья и может появиться как в виде ангела, монаха, мирянина, мужчины или женщины, так и в виде ребенка, дерева, воды, крови и превращается во все сущее, но это только иллюзия... Знайте же, что труп, в жилах которого течет кровь, — это дьявольское наваждение»^[133].

Вряд ли митрополит добился чего-то своими увещеваниями, поскольку к тому времени — а скорее всего намного раньше — вера в вампиров распространилась в румынских землях невероятно широко. Когда в 1709 году в Трансильвании вспыхнула эпидемия чумы, местное население обвинило в этом вампиров. По словам венгерского врача Самуэля Келесери, в деревне Броштени из 34 умерших от чумы троих человек извлекли из могилы и проткнули осиновыми кольями, но эпидемия после этого не прекратилась. То же происходило в соседних деревнях, причем в одной из них колом проткнули даже труп православного священника, заподозренного в вампиризме (кстати, во всех случаях трупы не сжигались). Когда чуму в Румынии сменила холера, в ней тоже обвинили вампиров. В 1831 году в деревне Жо-сени близ Хунедоары выкопали труп женщины, после чего священник, одоббивший это, был лишен сана епископом Сибиу. Власти боролись с этим явлением не из просветительского пыла — выкапывание тел только способствовало распространению болезни.

В падеже скота нередко тоже обвиняли вампиров — например, старика, умершего в 1846 году в трансильванской деревне Метеш. Его тело выкопали и сожгли на большом костре, через дым которого прогнали коров и коз. Чтобы скорее кончилась засуха, румынские крестьяне считали необходимым «напоить вампира», как жители деревни Порумбакул в Фэгэраше в 1841 году. Они вбили в землю вокруг могилы предполагаемого вампира дюжину кольев, в которые 12 девушек вылили по ведру воды. Затем погребенного в могиле мужчину выкопали и сожгли, опять-таки в присутствии священника. Похоже, сожжение вампиров распространилось только в XIX веке по аналогии с сожжением домов и вещей умерших от чумы. В следующем столетии упоминаний о вампирах в Румынии стало гораздо меньше. Или о них просто перестали сообщать — известно, что в коммунистическую эпоху власти категорически запретили публикации о вампирах, чтобы не портить имидж страны.

Румыны внесли немалый вклад и в теорию происхождения вампиров — вероятно, именно у них родилась идея о том, что вампирами становятся грешники, отлученные от церкви. Об этом обстоятельно пишет купец из Дубровника Игнацио Райцевич, много лет проживший в Валахии, в своем

сочинении «Исторические, природные и политические наблюдения о Молдавии и Валахии» (1788):

«Одно из самых нелепых, но полезных для священников явлений — это вампиры. Считается, что неразложившийся труп содержит еще жизнь, что душа не до конца отделилась от тела или не может от него отделиться, если при жизни человек был отлучен от церкви. Тогда ночью душа выходит из могилы и пытается причинить живым как можно больше зла. Первым доказательством этого служит движение земли, которая покрывает труп. Священник, его жена и соседи начинают распускать слухи и в результате родственников умершего заставляют заплатить священнику за выкапывание трупа и снятие с него отлучения от церкви. Если при вскрытии тело оказывается нетронутым, его ставят к стене, и часто труп просто распадается в пыль, пока священник изгоняет из него бесов. Если же он не падает, а стоит на ногах, то все вопят и кричат еще больше: они уверены, что проклятие, наложенное на него, слишком сильно. Тогда они зовут священника более высокого ранга или даже епископа, который совершает обряд еще раз. Когда хоронят вельмож, они обычно не превращаются в вампиров; чаще всего эта участь постигает полицейских и торговцев, которых никто не любит и чье несправедливо нажитое добро следует после смерти разделить со священником.

Ничто там не ставится так высоко и не повторяется так часто, как публичные клятвы. Когда двое судятся и невозможно доказать правоту кого-либо из них, судья или одна из сторон требуют торжественной клятвы. Стороны в архиепископской церкви приносят клятву в присутствии священника, целуя икону Девы Марии. Клятвопреступление карается немедленным отлучением от церкви, и, вероятнее всего, такое случилось неоднократно, и тогда священники объявляли этих людей вампирами»^[134].

Теологическое объяснение этого восходит к словам Евангелия от Матфея: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18:18). Византийская церковь сделала из этого оригинальный вывод: пока не снята анафема, тело покойного не может разложиться, а его душа обречена блуждать по земле, ненавидя всех живых. Эту теорию иллюстрирует случай, произошедший с тем же султаном Мехмедом II — не веря в силу анафемы, он однажды попросил церковников продемонстрировать ее действие. Константинопольский патриарх Максим III Христоним приказал откопать труп женщины, которая оклеветала его предшественника Геннадия Схолария, была отлучена от церкви и вскоре умерла. Когда тело откопали, оно было нетронутым тлением, но черным и

раздутым, как барабан. Его перенесли в часовню, где патриарх снял с покойной отлучение, и труп тут же стал разлагаться.

В Румынии отмечена и еще одна причина появления веры в вампиров — захоронение живых людей, впавших в забытие или летаргический сон. О нем писал в 1805 году врач-немец Андреас Вольф: «Здесь существует вредный обычай, которому необходимо положить конец во имя человечности. Речь идет о преждевременных захоронениях, часто встречающихся у местных молдаван, греков и евреев. С того момента, как им начинает казаться, что один из их друзей, муж, жена, дети или другие родственники умерли, они наспех готовятся к похоронам, не дожидаясь 8,10 или 12 часов, так как считают его уже мертвым. Не проводится никакого медицинского исследования: не зовут ни врача, ни хирурга, чтобы осмотреть умершего. Его зарывают без всякого осмотра, после того как кто-то из родных констатировал его смерть. Никто здесь ничего не знает о клинической смерти, и я осмелюсь предположить, что очень многие ипохондрики и истеричные женщины, которых полным-полно в Молдавии, были зарыты еще живыми. Некоторые жители Ясс открыто говорили, что ночью после предания умершего земле они слышали сдавленные крики и шумы на кладбище возле церкви»^[135]. Этих несчастных можно только пожалеть: даже если им удавалось выбраться из могилы (иногда родные, заподозрив неладное, клали в гроб нож), их выгоняли из родной деревни, а могли и заживо проткнуть колом.

О том же писал военный врач Георг Таллар, отправленный в Трансильванию по приказу императрицы Марии Терезии в 1756 году, когда слухи о местных вампирах распространились по всей империи и просочились за границу (в том числе благодаря усилиям аббата Кальме). В проникнутом скептицизмом отчете Таллара тоже говорилось о случаях захоронения заживо, но главной причиной веры в вампиризм назывались... долгие посты, когда румынам, не исключая детей, запрещалось есть мясные и молочные продукты. Понятно, что у многих это вызывало желудочные болезни. Таллар отметил, что жалобы на нападения вампиров относились главным образом к последним двум неделям Великого поста и ко времени после него, когда румыны, наоборот, объедались жирной мясной пищей. Не без ехидства доктор пишет, что большинство обследованных им «жертв», жалуясь, что вампиры сосут у них кровь из сердца, указывали при этом на желудок.

Таллар сделал и другое наблюдение: жившие по соседству немцы и венгры, как и богатые румыны, никогда не жаловались на нападения вампиров, поскольку у католиков не было долгих постов, а богачи лучше

питались. Современные врачи подтвердили, что недостаток витамина С вызывает пеллагру, делающую кожу бледной, и никталопию, из-за которой люди видят ночью лучше, чем днем — именно эти качества приписывают вампирам. В отчете говорится и о методах, которыми румыны лечат пострадавших от вампиров: стреляют у них над головой из пистолета, обрызгивают молоком, смешанным с вином или водкой, смазывают их тело кровью выкопанного на кладбище вампира. Там же описано «типовое» уничтожение вампира (пока еще без сжигания): его тело, пробитое колом, проносили по деревне, потом разрезали на куски, обливали подогретым вином и бросали останки собакам и птицам. Таллар не раз лично вскрывал трупы предполагаемых вампиров и ни разу не нашел у них во рту и пищевode следов будто бы выпитой ими крови, а в желудке — магической травы, которой дьявол, как считалось, поддерживает их силы.

В народных поверьях сезон вампиров начинается в ночь на святого Андрея (30 ноября), когда наступают холода, и заканчивается на святого Георгия (23 апреля), после праздника Пасхи. Как и у других европейских народов, эти дни, а точнее ночи, были связаны с приходом духов в мир живых. Считалось, что на святого Андрея вампиры окружают деревни и пытаются проникнуть в дома; крестьяне запирались дома, повесив на двери и окна связки чеснока и наглухо заткнув печные трубы. То же делалось на святого Георгия, когда, кроме этого, коров непременно загоняли в хлев; у оставшихся на улице стригойки пили молоко, отгрызая при этом соски. Кстати, у румын именно вампириши имеют острые зубы и впиваются в шею своих жертв. Вампиры-мужчины, как и у балканских народов, просто выпивают жизненную силу, которая в древности, как уже говорилось, ассоциировалась с кровью.

Румыны верили, что вампир сначала убивает членов своей семьи, потом принимается за других односельчан, пока не переведет их всех в разряд «живых мертвецов». Его родственники даже у себя дома не гарантированы от нападения вампира, способного проходить через дымоход или замочную скважину. Они могут спастись, только натерев все эти отверстия чесноком и зажигая на ночь в доме свет. В Румынии считают, что у вампира два сердца; одно из них после смерти не умирает, поэтому он бессмертен. Вампир может лишить людей дара речи, отнять у них красоту и силу. Если вампир заберется на колокольню и начнет звонить, пиши пропало: все, кто слышит этот звон, скоро умрут. Раз в год, в канун дня святого Андрея, вампиры встречаются в диком месте, «где кукушка не кукует и собака не лает», чтобы похвастаться своими злодеяниями. Но не все из них искренне преданы злу; многие тяжело переживают свое

проклятое существование и всеми силами хотят его прекратить. В Трансильвании есть поверье, что умерший, семь лет пробыв вампиром, может уйти в другую страну и снова стать смертным человеком. Он может даже жениться и завести детей, но все они неизбежно станут вампирами.

Хотя долгое время румынская образованная элита относилась к вампирской теме свысока, как к «простонародным суевериям», эта тема продолжала жить в национальном подсознании. Не случайно первым «впустил» вампиров в литературу не Брэм Стокер, а румынский поэт Ион Будаи-Деляну в поэме «Цыганиада», законченной в 1812 году. В шестой песни поэмы описана целая стая вампиров (стригоев), летящая над залитыми лунным светом горами Рэтезат недалеко от замка Поенари. Это не слишком симпатичные существа «с черными крыльями, белыми лицами, алыми губами, жадные до крови». Среди них были и стригойки, «прекрасные дамы, ломающие в своих ночных прогулках людские кости». У поэта-патриота вампиры не местные, а захватчики из Трансильвании, а главным борцом с ними оказывается не кто иной, как благородный воевода Влад Цепеш, возглавляющий странный альянс цыган и ангелов.

*

По странному совпадению почти одновременно с малоизвестным даже в Румынии Будаи-Деляну (его поэму напечатали только в 1875 году) за вампирскую тему взялся самый знаменитый поэт тогдашней Европы. Летом 1816 года лорд Байрон со своими не менее талантливыми друзьями — поэтом Перси Биши Шелли и его женой Мэри — гостил на вилле Диодати у живописного Женевского озера. Со скуки они решили, что каждый из них сочинит по страшной истории; из-под пера Мэри Шелли в результате вышел «Франкенштейн», а Байрон смог выдавить из себя только набросок истории о вампире. Дописать ее он доверил своему врачу, итальянцу Джону Полидори, издавшему позже повесть «Вампир» (1819) — ее герой, демонический лорд Рутвен, не только пил кровь молодых девиц, но и соблазнял их. Именно Рутвен, во многом похожий на самого Байрона, стал первым в литературе вампиром-аристократом. Повесть Полидори имела на волне романтической моды шумный успех, породив множество подражаний — «Вампира» Шарля Нодье, «Лорда Ратвена» Сиприена Берара, оперу немецкого композитора Генриха Маршнера «Вампир».

На волне вампиромании братья Гримм исследовали легенды о вампирах в своей «Немецкой мифологии». Не остались без внимания и

карпатско-балканские истоки явления: в «Песни западных славян», написанные Проспером Мериме в 1827 году и переведенные Пушкиным, включены целых пять историй про кровожадных живых мертвецов — «Вампир», «Кара-Али, вампир», «Константин Якубович» (у Пушкина «Марко Якубович»), «Красавица Елена» и «Жанно», ставший в переводе всем известным «Вурдалаком». Тот же Пушкин в «Евгении Онегине» упомянул о моде на вампиров в русском обществе:

*Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль Вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар...*

Мериме так вдохновился темой вампиризма, что посвятил ей специальный очерк, приложенный к «Песням» (Пушкин его переводить не стал, поэтому у нас он малоизвестен). Французский романтик передал услышанный им в далматинской деревне Барбоска рассказ о девушке Раве, укушенной вампиром: «Она рассказала нам, что видела бледного человека в саване, который влез в окно, бросился на нее, укусил и чуть было не задушил. Она прибавила, что узнала в нем одного поселянина по имени Виркциана, умершего перед тем за две недели. На шее девицы было красное пятно, но я не знаю, было ли оно родимое или уязвление какого-нибудь насекомого. Я осмелился открыть им мое предположение, но отец оттолкнул меня с гневом, мать почла за неверного... Набрали в деревне разного рода талисманов, какие только могли найти, и навешали их на шею Равы. Отец клялся, что на другой же день поутру выроет труп Виркциана и сожжет его в присутствии всех своих родственников»^[136]. Могилу подозреваемого разрыли, его труп расчленили и сожгли, но девушка все равно умерла, взяв с отца слово, что он сам отрубит ей голову, чтобы она не превратилась в вампира. В этой истории кровосос вполне традиционен, но в произведениях романтиков он становится утонченным и коварным соблазнителем, для которого кровь — лишь пикантная приправа к его главному лакомству, «цвету невинности».

Весь XIX век романтический вампир-джентльмен мирно соседствовал с кровавым чудовищем из бульварных романов — один из них, «Вампир

Варни», пользовался громадной популярностью в Англии, печатаясь с продолжением в дешевых журналах. В 1871 году появилась «Кармила» Джозефа Шеридана Ле Фаню, оживившая много веков спустя идею «женского» вампиризма (карпатские вампиры — чаще мужчины, но среди них встречаются и женщины). Ее героиня, немецкая графиня Милларка-Кармила фон Карнштайн, очень похожа на Эржебет Батори своим болезненным пристрастием к женщинам, которых она любит — и убивает. Ирландская фантазия автора и намек на запретную лесбийскую любовь сделали «Кармиллу» очень популярной. Повлияла она и на Стокера, придав его «Дракуле» налет эротизма и колорит готического романа.

Брэм (Абрахам) Стокер родился в 1847 году в Дублине. Он был третьим из семи детей мелкого чиновника, англичанина по происхождению. Но такова уж Ирландия — многие пришельцы, прожив там, проникаются духом фантазии и волшебства. В три года Стокер внезапно заболел непонятной болезнью, приковавшей его к кровати, в семь так же внезапно выздоровел. Он вспоминал: «Я всегда был мечтательным, и неподвижность болезни усугубила эти мечты, давшие богатые плоды в дальнейшем». В Тринити-колледже, где юноша учился математике, он усердно занимался спортом и одновременно много читал. Получив образование, устроился по примеру отца на госслужбу, но нудная возня с бумагами быстро наскучила ему. Он влюбился в театр, посещал все премьеры и писал на них рецензии в дублинские газеты. Одну из его статей заметил великий трагик викторианской эпохи Генри Ирвинг, посетивший город с гастролями. Молодой критик сразу понравился ему, и они стали друзьями. Многие черты Ирвинга, по мнению биографов Стокера, он позже придал своему графу Дракуле.

В 1878 году Ирвинг возглавил «Лицеум», один из ведущих лондонских театров, и предложил Стокеру стать его директором. Незадолго до переезда в Лондон в жизни будущего писателя произошло другое важное событие — он женился на первой красавице Дублина Флоренс Бэлкомб, отказавшей незадолго до этого самому Оскару Уайльду. Брак не принес супругам счастья: Флоренс быстро охладела к мужу и после рождения год спустя их единственного сына Ноэла отказалась от исполнения супружеских обязанностей. Стокер, всегда имевший успех у женщин, начал искать приключений на стороне, что закончилось плохо. По мнению ряда биографов, он заразился сифилисом, что и привело в конце концов к его преждевременной смерти.

В театре «Лицеум» у Ирвинга он проработал 27 лет, выполняя обязанности не только директора, но и секретаря, пиарщика, костюмера,

завхоза. Ценой невероятных усилий ему удавалось обеспечивать всем необходимым труппу из 120 человек, которая постоянно гастролировала по Европе и США. За время работы Стокера при его непосредственном участии было предпринято 48 гастрольных поездок, поставлено около сотни спектаклей и отправлено свыше полумиллиона писем. Скромно и преданно он служил театру и своему кумиру Ирвингу, который в благодарность ввел его в лондонское светское общество. Стокер сдружился с такими известными людьми, как художник Джеймс Уистлер и писатель Артур Конан Дойл. Живо интересуясь мистикой, он вступил в основанный в 1887 году орден «Золотая заря», в который входили не только оккультисты вроде Алистера Кроули, но и многие литераторы — Уильям Батлер Йетс, Артур Мейчен, Алджернон Блэквуд.

Еще до знакомства с ними Стокер занялся сочинительством: его первый роман «Хрустальная чаша» был опубликован в 1875 году. За ним последовали еще 12 книг, последняя из которых — «Логово Белого червя» — вышла в 1911-м, за год до смерти автора. По жанру это были и вполне реалистические произведения, и детективы, и фантастика, но объединяло их одно — все они (конечно, кроме «Дракулы») не имели успеха. Стокер с его устаревшим языком и стилем не мог конкурировать с модными писателями, как Ирвинг, приросший к шекспировскому репертуару — с молодыми режиссерами и актерами. После его смерти «Лицеум» быстро покатился к упадку, а для Стокера кончина старшего друга стала настоящей катастрофой. Пережив подряд несколько инфарктов, он оставил работу и последние годы провел в своем лондонском доме, никуда не выходя и почти ни с кем не общаясь. Умер он 20 апреля 1912 года.

Иные критики утверждают, что «Дракула» был для Стокера обычной, проходной книгой, но это не так — ни над одним произведением он не работал так долго (семь лет), перечитав множество книг в библиотеках Лондона и Уитби; в этом рыбацком порту он отдыхал летом и сделал его одним из мест действия будущего романа. Среди прочитанных им книг были «Сведения о княжествах Валахия и Молдавия» Уильяма Уилкинсона, изданные в 1820 году и впервые познакомившие англичан с историей и обычаями Румынии. О Дракуле там говорилось следующее: «Воевода Дракула пересек Дунай и атаковал турецкие войска, добившись успеха только благодаря внезапности. Магомет прогнал его назад в Валахию, преследовал там и разбил. Воевода бежал в Венгрию, а султан поставил на его место его брата Бладуса (имеется в виду Раду. — В. Э.). По договору с Бладусом он добился от Валахии постоянной дани, заложив основы того рабства, что существует до сих пор. Дракула в валашском языке означает

«дьявол». Валахи имеют обыкновение давать это прозвище любому, кто выделяется своей храбростью, жестокостью или хитростью»^[137]. Эти сомнительные сведения автор приводит в романе, чтобы показать — когда-то его герой был могущественным человеком и поэтому стал еще более могущественным вампиром.

Другим источником вдохновения Стокера стала «Земля за лесом» Эмили Джерард, где рассказывалось о Трансильвании и суевериях ее жителей. В 1869 году двадцатилетняя мисс Джерард из Шотландии вышла за офицера-поляка Ласовского, служившего в австро-венгерской армии, и несколько лет прожила с ним в Трансильвании, увлеченно собирая местный фольклор. Плодом этого увлечения стали эссе «Трансильванские суеверия» (1885), а потом двухтомное, отлично иллюстрированное издание «Страна за лесом» (1888), где немало говорилось о вампирах и оборотнях:

«Главное зло здесь — носферату или вампир, в которого каждый румынский крестьянин верит так же твердо, как в ад и рай. Есть два вида вампиров, живые и мертвые. Живой вампир — это обычно внебрачный потомок двух внебрачных детей, однако даже безукоризненная родословная не спасает людей от наличия в их роду вампиров, поскольку каждый укушенный носферату становится после смерти вампиром. Он будет сосать кровь невинных, пока из него не изгонят дух вампира, раскопав его могилы и вбив в его труп кол или выстрелив в гроб из пистолета. Окуривание могилы дымом в каждую годовщину смерти тоже считается эффективным средством борьбы с вампиром. При несомненных случаях вампиризма рекомендуется отрезать голову и положить ее в гроб, набив рот чесноком, или извлечь сердце и сжечь его, высыпав угли на гроб.

Такие средства часто применяются даже сейчас, и мало в какой из румынских деревень не припомнят подобных случаев. Точно так же мало в какой деревне не имеется старухи (обычно это повитуха), которая славится своим умением бороться с вампирами и неплохо зарабатывает на этом. Ее часто зовут в семью, где кто-то умер, чтобы должным образом упокоить мертвеца и помешать ему восстать. Чтобы побороть возможные вампирские привычки, она может вбить в лоб трупу железный гвоздь или натереть его жиром свиньи, заколотой в праздник святого Игнатия, за пять дней до Рождества. Иногда на тело кладут колючую ветку шиповника, чтобы помешать ему выходить из гроба.

Близкий родственник вампира, хорошо известный немцам как вервольф, знаком здесь под именем приколича. Иногда это не волк, а пес, чью форму человек принимает — или так считается — за свои грехи. В одной деревне мне рассказали историю про крестьянина, который,

возвращаясь однажды в воскресенье домой вместе с женой, вдруг понял, что превращается в собаку. Передав жене вожжи, он спрыгнул с телеги, пробормотал заклинание и, трижды кувыркнувшись через голову, нырнул в кусты. Немного погодя его жена, терпеливо ждущая мужа, подверглась нападению свирепого пса, который бросился на нее из кустов, жестоко искусал и порвал платье. Час или два спустя она добралась до дома, думая, что ее муж пропал, но он встретил ее на пороге, широко улыбаясь. Увидев между его зубов клочки своего платья, бедная женщина упала в обморок. Про другого человека говорили, что он несколько лет провел в виде волка, возглавляя стаю этих животных, пока охотник, отрезав его голову, не вернул ему человеческий облик»^[138].

До самой смерти в 1905 году Джерард жила в Австрии, выпустила несколько чувствительных романов в викторианском духе и охотно переписывалась с соотечественниками, отвечая на вопросы, касающиеся Трансильвании. Не исключено, что ей писал и Стокер и что именно она побудила его отправить своего героя в загадочную «страну за лесом». Кстати, именно в ее сочинении говорится, что секлеры были потомками Аттилы — этот факт приведен и у Стокера, сделавшего, как уже говорилось, своего героя секлером.

Считается, что сведения о вампирах писатель мог получить и от своего знакомого Арминия Вамбери — венгерского еврея, блестящего востоковеда, знавшего 18 языков. После трудных и опасных путешествий по Центральной Азии Вамбери обосновался в Лондоне, работая консультантом в британском МИДе (и по совместительству в разведке). Познакомившись со Стокером в 1890 году в театре, он консультировал его устно и — по утверждению писателя — письменно, хотя ни одно его письмо не сохранилось. В романе и правда есть ссылка на «профессора Арминия из Будапешта», но Вамбери никогда не интересовался вампирами и если в чем-то и просвещал автора, то в истории Восточной Европы, которую на Западе в то время знали довольно плохо. Не исключено, что писатель сам искал знакомства с Вамбери как единственным в Лондоне знатоком Трансильвании.

Весь процесс создания «Дракулы» можно восстановить по записным книжкам Стокера — они долгое время считались утерянными, как и рукопись романа, которая объявилась только в 1984 году и была продана на аукционе Кристи за 941 тысячу долларов. Что касается записных книжек, то они «всплыли» в 1997 году в коллекции частного музея Розенбаха в Филадельфии и вскоре были изданы по случаю столетия выхода романа. По ним хорошо видно, какими источниками пользовался автор, как он

видоизменял исторические факты, добавляя к собственным фантазиям ошибки других авторов. Вот лишь один из примеров: Стокер упоминал, что Дракула вместе с другими вампирами учился в чародейской школе у самого дьявола. Эти сведения он тоже взял у Эмили Джерард, которая пишет: «Раз уж мы обратились к теме бурь, то нужно отметить, что существует школа *Scholomance*, находящаяся глубоко в горах, где дьявол учит секретам природы, языку животных и магии. Одновременно там учатся только десять учеников, и по окончании занятий девять могут возвратиться домой, десятый же остается у дьявола в виде платы и превращается в *ismeju* или дракона»^[139]. На самом деле в румынском фольклоре эта колдовская школа зовется Соломонари, и ее «выпускники» могут вызывать дождь, наводить порчу и... бороться с вампирами. Конечно же, господарь Влад никак с ней не связан.

«Дракула» несчетное число раз издан и прокомментирован во всем мире, включая Россию, но основное его содержание вспомнить необходимо. Итак: лондонский юрист Джонатан Харкер прибывает в замок графа Дракулы в Трансильвании, чтобы оформить покупку им собственности в Лондоне. В замке Джонатан видит много странного — прежде всего, самого хозяина, который спит в гробу, не отражается в зеркале и по ночам совершает набеги на окрестные деревни. С трудом сбежав из замка, Харкер возвращается в Англию — но граф уже прибыл туда на корабле, погубил несчастную Люси Вестенра и подбирается к ее подруге, невесте Харкера Минне Мюррей. Соединив усилия, герои во главе с умнейшим доктором Ван Хельсингом спасают Минну, выгоняют Дракулу из Англии и преследуют его до самого замка, где разыгрывается финал драмы: «Кинжал Джонатана настиг его. Я вскрикнула — кривое лезвие рассекло вампиру горло, и почти одновременно охотничий нож мистера Морриса пронзил ему сердце. На наших глазах произошло чудо: в одно мгновение тело графа превратилось в прах».

Конец благостен, что и требуется от викторианского романа, но читатель запоминает не его, а эпизоды, связанные с графом Дракулой. Вот его портрет: «Выразительный орлиный профиль, тонкий нос с горбинкой и особым изгибом ноздрей, высокий выпуклый лоб и густые волосы, лишь немного редящие на висках, нависшие кустистые брови, почти сросшиеся на переносице. В рисунке рта, насколько я мог разглядеть под большими усами, таилось что-то жестокое, в столь странном впечатлении были повинны и зубы — очень острые, белые, они не полностью прикрывались губами, ярко-красный цвет которых свидетельствовал о незаурядной жизненной силе, необычной для человека его возраста... Основное

впечатление — поразительная бледность лица». А вот вампир, застигнутый за своей страшной трапезой: «Его глаза пламенели дьявольской страстью, широкие ноздри орлиного носа хищно раздувались, белые острые зубы клацали, как у дикого зверя, с полных губ стекала кровь...» Как нередко случается, положительные герои романа (кроме разве что Ван Хельсинга) скучны и бесцветны, зато кровожадный Дракула, воплощение зла, врезается в память читателя раз и навсегда.

Читая другие произведения Стокера, можно увидеть, что его «Дракула» вписывается в канву многих его романов — «Логово белого червя», «Скорбь сатаны», «Сокровище семи звезд». Во всех речь идет о древних тайных силах, скрытых под оболочкой современной цивилизованной жизни и смертельно опасных для нее. Особенно интересуют автора недра земли и горные расселины — недаром его герой живет в горах и спит под землей, в глубоком подвале замка. В истории литературы Стокер застрял на полпути между философской «Грядущей расой» Бульвер-Литтона и кошмарными видениями Г. Ф. Лавкрафта, из которых родился современный, вполне коммерческий жанр хоррора.

Философии в романе хватает (в экранизациях ее обычно выкидывают), ужасов тоже, но есть и другое — отголоски модных оккультных теорий, внушенных директору театра «Лицеум» в ордене «Золотая заря». Он живо интересовался теософией Елены Блаватской, которая изобрела теорию «астральных вампиров»: «Несчастные похороненные каталептики поддерживают свои жалкие жизни тем, что их астральные тела грабят жизнекровь у живых людей. Эфирная форма может ходить куда ей угодно; и до тех пор, пока она не оборвет нить, связывающую ее с телом, она свободна блуждать, скитаться вокруг, видимой или невидимой и питаться от человеческих жертв...»^[140] Блаватская описывала различные проявления вампиризма, включая вампирический полтергейст: «Видели, как предметы, принадлежавшие таким умершим, передвигались по дому без чьего-то прикосновения».

Блаватская пыталась соединить мистику с наукой, и в романах Стокера самым странным явлениям тоже придается научное объяснение, хоть он и утверждает, что «наука бессильна объяснить всё до конца». В принципе их можно отнести и к фантастике, взлет популярности которой начался как раз тогда. В один год с «Дракулой» вышла «Война миров» Герберта Уэллса, и между двумя романами можно найти немало общего: в обоих Землю стремятся захватить страшные, нечеловеческие силы, которые поддерживают свои силы людской кровью. К тому же у Уэллса, как и у Стокера, зло орудует не в далеких экзотических странах, а в самой Англии,

привыкшей к комфорту и безопасности. По выражению американского писателя Генри Джеймса, мистика Стокера «впервые оказалась у дверей читателя».

«Дракула» привлек массового читателя еще и своей социальностью, обращенностью к злободневным проблемам и страхам. Об этом говорит филолог Алексей Вдовин: «Роман Стокера конденсирует в себе не только все страхи имперского консервативного британца конца XIX века, но и является универсальной моделью общества, живущего в эпоху перемен. Может быть, поэтому сюжет «Дракулы» так востребован и в наше время. Главные герои романа боятся чужих вторжений (образ «свой» — «чужой»), миграции из захолустья в центр империи (в романе граф Дракула покупает недвижимость в Лондоне). Англия в романе впервые предстает не как захватчик новых территорий, а как жертва колонизации, а Дракула — символ варварского Востока, угрожающего империи. Этот страх можно описать и несколько иначе: появление в большом городе зла с целью сексуального порабощения, укус вампира в романе — символ соития. Дракуле нужны женщины, которые являются проводниками его власти, мужчины его не интересуют. «Ваши женщины, которых вы любите, уже все мои», — говорит Дракула, выражая тем самым идею мирового господства. Не менее сильным в романе оказывается страх женской эмансипации, которая наступает стремительно. Первая жертва Дракулы Люси Вестенра — образ раскрепощенной женщины, которая и поплатилась за свои свободные взгляды»^[141].

В «Дракуле» использованы новаторские для своего времени приемы — например, документальность изложения, построенного в форме дневниковых записей героев. О другом приеме автора говорится в статье Владимира Гопмана: «В романе много описаний видений и снов, гипнотических трансов. Даются они для того, чтобы подчеркнуть зыбкость границы между жизнью и смертью, между бытовой повседневностью и миром призрачным, потусторонним... Психологизм романа усиливает ощущение ужаса, так впечатляюще воссозданного Стокером. Причем если другие мастера жанра использовали и иные художественные краски, — например, у Гоголя страшное соседствует с комическим и оттеняется им, — то Стокер ничем не «разбавляет» страшное»^[142].

Одна из главных «приманок» романа — его подспудная эротичность, создаваемая контрастом «дневной» красоты и безмятежности героинь и их ужасного «ночного» облика. Вот какой охотники на Дракулу увидели ставшую его жертвой Люси Вестенра: «Никогда в жизни мне не

приходилось видеть исполненного такой inferнальной злобы лица. Надеюсь, никто из смертных больше не увидит ничего подобного. Нежные краски превратились в багрово-синие, глаза метали искры дьявольского пламени, брови изогнулись, будто змеи Медуз Горгоны, а когда-то очаровательный рот, измазанный кровью, напоминал зияющий квадрат, как на греческих или японских масках. Если у смерти есть лицо, то мы его увидели». Картина отталкивающая и одновременно влекущая, как для Джонатана Харкера — явление трех вампирш: «Глядя на этих нимф, я испытывал двойственное чувство — вождение и одновременно смертельный страх. У меня возникло порочное страстное желание, чтобы они поцеловали меня своими алыми губами». Подобно «Кармилле», роман Стокера рифмуется любовь с кровью, трогая потаенные струны в душе многих читателей, неосознанно мечтающих о дикой запретной страсти, одинаково сладкой для мучителя и его жертвы...

*

В рукописи «Дракулы», которая в 2002 году была издана мизерным тиражом для коллекционеров, можно найти весьма любопытные места, позже выброшенные автором — например, окончание романа, в котором замок вампира должен был погибнуть вслед за своим хозяином. Приводим первый перевод этого отрывка на русский язык: «Замок Дракулы стоял перед нами в лучах заката, освещавших каждый камень его обветшалых стен. И тут земля вдруг сотряслась в ужасной конвульсии, так что мы зашатались и упали на колени. В тот же миг с грохотом, потрясшим, казалось, само небо, весь замок вместе с холмом, на котором он стоял, взлетел в воздух и распался на части, скрывшись в громадном облаке черно-желтого дыма, поднявшемся ввысь с невероятной быстротой. В природе вновь воцарилось спокойствие, и только затихающее эхо прокатилось где-то в вышине, как далекий гром — долгий, вибрирующий звук, словно вздрогнуло основание небес. Потом мгновенно спустились сумерки, в которых едва угадывались обломки замка, уцелевшие в катаклизме. С того места, где мы стояли, казалось, будто страшный вулкан поглотил замок и прилегающие к нему постройки и тут же успокоился, свершив волю природы. Мы были так потрясены внезапностью и величием случившегося, что молчали, забыв обо всем»^[143].

Можно понять, почему Стокер выкинул этот фрагмент — он чересчур театрален и к тому же закрывает возможность продолжения, которую автор,

как опытный беллетрист, всегда оставлял за собой. Почему не предположить, что его граф, не убитый «как нужно», просто ускользнул от своих гонителей, чтобы вернуться снова — как он и поступил в бесчисленных ремейках романа.

Документальной основой «Дракулы» стали не только книги Уильяма Уилкинсона и Эмили Джерард, но и путеводители по Восточной Европе, регулярно выпускаемые немецким издательством «Бедекер». Но совсем недавно известный дракуловед Раду Флореску обнаружил, что и сюжет Стокер придумал не сам: в его основу лег забытый роман бельгийки Мари Низе «Капитан Вампир: Румынская история», изданный в Париже в 1879 году. Там тоже описано противостояние двух влюбленных пар — но не англичан, а румын — с вампиром, которым оказался русский князь Борис Лиатукин. Как и у Стокера, он изображен холодным красавцем, повелевающим силами природы и неотразимым для девиц. Одну из них, Эпистимию Команеску, ему удалось погубить подобно Люси Вестенра, причем в романе Низе вампир остается непобежденным.

Мари Низе, дочь смотрителя Королевской библиотеки в Брюсселе, вероятно, не бывала в Румынии и плохо знала вампирскую мифологию. Ее Лиатукин, в отличие от героя Стокера, ест и пьет, не боится солнечного света, обладает тенью. Его превращение в вампира описано так: «Лиатукин командовал взводом казаков. Он был жесток, но у казаков терпения много. Тем не менее наказывал он так сурово и часто, что однажды, оказавшись с ним в отдаленном месте, солдаты раздели его и стали поливать ледяной водой, чтобы заморозить. Да, заморозить! Что самое смешное, он не пытался протестовать или защищаться, наоборот, он улыбался! Вода лила с него ручьем, и он уже начал превращаться в ледяную скульптуру. Казаки, думая, что избавились от него, сели на лошадей и уехали. Когда они вернулись в лагерь, то первый человек, которого они встретили, был Лиатукин, целый и невредимый»^[144]. Эти события отнесены к Крымской войне, а действие самого романа происходит во время войны с турками 1877–1878 годов, когда русские войска заняли территорию Румынии. Тогда Франция и Англия еще враждовали с Россией, а вот в конце века уже объединились с ней против Германии, поэтому Стокер предпочел сделать своего героя «секлером». Кстати, его брат в ту же войну служил врачом в турецкой армии и тоже мог сообщить писателю немало интересного о местах действия романа.

Возможно, Стокер вдохновлялся и другими произведениями тогдашних беллетристов. Например, вышедшим в 1849 году романом Александра Дюма «Карпатские горы» (позже назван «Тысяча и один

призрак»), где действие происходит в зловещем замке румынских князей Бранкованов. Или романом Жюль Верна «Карпатский замок» (1892), оперативно переведенным на английский: его автор по своей привычке попутно с незамысловатым сюжетом излагает массу сведений по истории и географии Румынии. И все-таки куда больше Стокера интересовали книги о сверхъестественном: не только беллетристика, но и научные исследования вроде богатого фактами трактата английского священника Сабина Бэринг-Гулда «Книга оборотней» (1865). Повлияла на него и многотомная «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера, вышедшая в 1890 году, где описывались явления «живых мертвецов». Годами Стокер почти каждую субботу проводил в знаменитой ротонде Британского музея, читая не только эти книги, но и многочисленную прессу, где изредка появлялись странные истории об оживших мертвецах или обескровленных трупах...

«Дракула» вышел в свет в лондонском издательстве «Арчибальд Констебл и К°» весной 1897 года. Критики расхвалили его, а тонкий эстет Оскар Уайльд даже назвал «лучшим романом столетия». Но расходилась книга не слишком хорошо, пока два года спустя не вышло ее массовое, широко разрекламированное издание в Америке. Это обеспечило «Дракуле» успех, и он переиздавался едва ли не ежегодно. Очень скоро появились переводы на другие языки, даже на японский. В 1913 году в издательстве М. Г. Корнфельда вышел русский перевод Н. Сандровой (Надежды Гольдберг), но еще до этого наши соотечественники читали книгу по-французски. Александр Блок в 1908 году писал другу Евгению Иванову: «Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т. д. Написал в «Руно» юбилейную статью о Толстом под влиянием этой повести. Это — вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил меня, наконец, прочесть ее»^[145]. В статье «Солнце над Россией» поэт причислил к «вампирическим силам» бюрократию, которая душит все живое в России. Вторя ему, публицист А. Амфитеатров приравнял к вампиру «всепроникающий туман кровососной власти». Кстати, глава этой власти Николай II перед самой революцией тоже читал «Дракулу», что зафиксировано в его дневнике.

После 1917 года бюрократия никуда не делась, а вот «Дракула» был запрещен советской властью как образец «бульварной литературы». Снова печатать роман начали только в 1990-е годы — вначале в старом переводе Сандровой, потом в новых, которых насчитывается уже больше десятка. Кстати, вампирская тема была популярна в России еще до перевода романа Стокера — ей посвящены известные повести А. К. Толстого «Упырь» и

«Семья вурдалака», а также изданный в 1912 году отчаянно страшный роман «Вампиры» неизвестного автора, укрывшегося под псевдонимом «Б. Олшеври», что легко расшифровать как «больше ври». Правда, многие годы наши читатели не знали о Дракуле ничего, кроме его имени — достаточно вспомнить фантастическую повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», герой которой видит в музее волшебства «правый глазной (рабочий) зуб графа Дракулы Задунайского». «Я не Кювье, — заключает он, — но, судя по этому зубу, граф Дракула Задунайский был человеком весьма странным и неприятным». Те времена давно прошли, и сегодня вампиры прочно вписались в российское массовое сознание и массовую же литературу.

*

Интересно, что именно в России, по некоторым данным, в 1920 году состоялась первая экранизация «Дракулы» — но этот фильм пропал и о нем практически ничего не известно. Следующей попыткой стал шедевр немецкого экспрессиониста Фридриха Мурнау «Носферату, симфония ужаса» (1922). Ему тоже не повезло — по настоянию вдовы Стокера режиссеру пришлось изменить и название фильма, и место действия (вместо Лондона им стал Бремен), и имя главного героя, ставшего из Дракулы графом Орлоком. Слово «носферату», одно из названий вампира, взятое Стокером из книги Джерард, происходит то ли от румынского «некуратул» (нечистый), то ли от «несуфератул» (негодный). Актер Макс Шрек сделал своего персонажа тем, чем он и был изначально — отвратительным монстром, не имеющим ничего общего с человеком. Он не только постоянно жаждет крови, но и вызывает эпидемию чумы, несущую угрозу всему живому. Остановить его смогла только Мина Мюррей, причем оригинальным способом — отдавшись вампиру на заре, она заставила его забыть о поднимающемся солнце, и он растаял.

Мрачный фильм Мурнау не имел успеха и разорил снявшую его киностудию. Гораздо более популярным оказался другой образ — вампир-джентльмен. В 1924 году друг Стокера Гамильтон Дин осуществил инсценировку романа в лондонском театре — там герой впервые облачился в классический фрак и черный плащ, напоминающий крылья летучей мыши. Спектакль имел шумный успех; в его постановке на Бродвее в 1927 году Дракулу сыграл актер Бела Лугоши, восхитивший публику своей бледностью и загадочным акцентом.

Сын венгерского банкира Бела Ференц Блашко, родившийся в 1882 году, после Первой мировой войны перебрался в Америку, взяв в качестве псевдонима название родного городка Лугош. Первые роли на новой родине он играл, еще не зная языка и выучивая английские фразы на слух. После того как он сыграл в спектакле «Дракула», его позвали в одноименный фильм, который снимал на студии «Юниверсал» режиссер Тод Браунинг. Сначала главную роль там должен был исполнять сыгравший в знаменитом «Франкенштейне» Лон Чейни, но он умер от рака горла. Лугоши с успехом заменил коллегу, создав классический образ аристократа с безупречными манерами, который притягивает не меньше, чем пугает. У него нет ни вампирских клыков, ни звериной жажды крови — кусая свои жертвы, он будто целует их. На этом сыграли прокатчики, запустившие фильм в День святого Валентина, 14 февраля 1931 года, со слоганом: «Самая странная любовь, какую видел человек». Фильм стал суперхитом и высшим достижением Белы Лугоши в кино; умирая в 1956 году (тоже от рака горла), он завещал похоронить себя в костюме Дракулы. Во время церемонии актер Винсент Прайс, не удержавшись, сострил: «Может, проткнуть его колом на всякий случай?»

Фильм Браунинга открыл череду почти ежегодных воплощений творения Стокера на кино-и телеэкране. К настоящему времени известно 130 фильмов, где действует или хотя бы упоминается Дракула (конечно, это лишь малая часть бескрайней «вампирианы»). Их создатели делали графа геем, чернокожим, инопланетным пришельцем; описывали деяния его детей и внуков; переворачивали ситуацию с ног на голову, изображая Дракулу борцом за добро и справедливость. Довольно рано началось пародийное осмысление сюжета, породившее в итоге анимационную семейку Адамс и фильм Мэла Брукса «Дракула: мертвый и довольный этим» (1995). Конечно, не был упущен из виду и эротический подтекст, вложенный в роман самим Стокером — и зловещие «сестры» Дракулы, и он сам не прочь соблазнить своих жертв, прежде чем отведать их крови. Почти во всех фильмах, особенно в тех, где вампир заменен вампирессой, любовная тема выходит на первый план. До предела это доведено в экранизации многотомной саги Стефани Майер о гламурных вампирах — лучших друзьях девушек.

При этом продолжают создаваться фильмы, где роман Стокера воспроизводится достаточно точно — они-то и становятся «мейнстримом», и по их актерам каждое новое поколение представляет себе Дракулу. В 30-е годы это был Бела Лугоши, в 60-е — Кристофер Ли, в 70-е — Фрэнк Ланджелла. Заметной вехой стал фильм Романа Полански «Бал вампиров»

(1967), тоже балансирующий на грани пародии. В нем эротическая тема становится главной: охота за вампиром вытесняется соперничеством этого вампира, графа Кролока, с молодым ученым Альфредом, которого играл сам Полански, за любовь служанки Сары. Игравшая Сару красавица Шэрон Тейт скоро стала женой режиссера — а потом и жертвой банды маньяков, что вызвало новый всплеск слухов о «проклятии Дракулы». Один из главных героев фильма — одержимый охотник на вампиров Абронзиус, инкарнация ван Хельсинга. Фигура противника Дракулы, значительная и у Стокера, продолжала расти в масскультуре, достигнув апогея в фильме Стивена Соммерса «Ван Хельсинг» (2004). Там герой (Хью Джекман) превращается в двойника Дракулы: он тоже бессмертен и связан с нечистой силой.

Образ самого графа неизбежно мигрировал в направлении гламурного красавца, хотя в 1978 году Вернер Херцог попытался остановить этот процесс своим ремейком «Носферату», где Клаус Кински блестяще сыграл героя-монстра, который внешне напоминает Шрека-Орлока, но, в отличие от него, был когда-то человеком и сам страдает от своей монструозности. Своего рода итог подвел в 1992 году другой киноклассик, Фрэнсис Форд Coppola; в его фильме «Дракула Брэма Стокера» граф (Гэри Олдмен) меняет обличья, становясь то джентльменом во фраке, то древним старцем в напудренном парике — но всегда оставаясь чудовищем. В прологе к картине режиссер попытался соединить своего героя с историческим Владом Цепешем — тот якобы был проклят и стал вампиром после гибели своей жены в волнах Арджеша. При этом из всех киношных Дракул на свой прототип похож разве что Кристофер Ли в экранизации 1970 года, снятой испанцем Хесусом Франко — так мог бы выглядеть Влад, доживи он до старости. Сам актер говорил: «Я всегда помнил, что мой герой принадлежал к знатному роду, был выдающимся правителем и полководцем».

Конечно, тема Дракулы проникла и в литературу, прежде всего в «низкие» ее жанры — комиксы, детективы, романы ужаса. Хотя изображенные там вампиры носят другие имена, прототипом их почти всегда остается герой Стокера. Это и «Жребий Салема» Стивена Кинга, и «Они жаждут» Роберта Маккамона, и «Дети ночи» Дэна Симмонса, и многочисленные романы Энн Райс, по одному из которых снят известный фильм Нила Джордана «Интервью с вампиром» (1994). Его герой, аристократ из Луизианы Луи (Брэд Пигг), превращается в вампира после укуса своего загадочного знакомого Лестата де Лионкура (Том Круз). Однако Луи и овампиренная им девочка Клодия (Кирстен Данст) страдают

из-за своего положения, периодически пытаюсь освободиться от ига Лестата и перестать убивать людей. В конце концов Луи — уже в современном мире — теряет Клодию и понимает, что не может преодолеть свою вампирскую природу. Вампиры изображены пугающими, но обаятельными — поэтому и роман Райс, и фильм «Интервью с вампиром» подняли вампирскую тему на новый уровень, заставив читателей и зрителей не только бояться их героев, но и симпатизировать им.

Сам Дракула становится героем книг и фильмов гораздо реже — например, в трилогии Джин Калогридис «Дневники семьи Дракулы» описана целая семья вампиров-аристократов, веками живущая в Карпатах в полном согласии с местным населением. В Восточную Европу отправляет читателей и роман американки Элизабет Костовой «Историк», изданный в 2005 году. Его герои, изучая историю Дракулы, обнаруживают, что легендарный вампир жив, и гонятся за ним по разным странам, постепенно превращаясь из охотников в добычу. Добротно написанный роман все же не стал шедевром, поскольку из него исчезло то, что привлекало у Стокера — пафос борьбы со злом, который никак не может заменить любопытство исследователя.

Но дальше всех от своего прототипа ушла книга, вышедшая в 2009 году и разрекламированная как «восстановление первоначального замысла Брэма Стокера». Его авторы, дальний родственник писателя Дакр Стокер и сценарист Иэн Холт, оживили Дракулу и заставили его вернуться в Лондон через четверть века, чтобы выступить на стороне добра против еще более страшной вампирши — это не кто иная, как графиня Эржебет Батори. Все маски сброшены: ван Хельсинг оказывается вампиром, Минна — лесбиянкой, а сам Дракула — безнадежно влюбленным в нее старым романтиком. В итоге все герои гибнут («в общем все умерли»), и зачем это затеяно, остается неясно — разве что ради денег, которые неизбежно приносит все, связанное с вампирской темой.

Могучая магия образа Дракулы вызывает обостренный интерес не только к личности его исторического прототипа, но и к вопросу о реальном существовании вампиров. Как ни странно, сегодня спекуляциям и слухам на эту тему не меньше, чем во времена аббата Кальме — и распространяют их не суеверные карпатские крестьяне, а печатные и электронные СМИ. Правда, в реальность чудовищной расы «живых бессмертных» верят только самые ярые вампироманы. Куда сложнее вопрос о вампирах-людях, испытывающих неодолимое влечение к крови. Вообще-то питье крови — вещь не такая уж необычная. Еще отец медицины Гиппократ лечил безумцев, давая им пить кровь здоровых. Плиний Старший писал про

римских эпилептиков, которые во время гладиаторских игр бросались на арену, чтобы в надежде на исцеление пить кровь поверженных бойцов «из живых чаш». Свирепые воины пили кровь своих врагов, а побратимы собирали собственную кровь в чашу и по очереди отпивали из нее (потому их и называли «кровными братьями»).

Уже в недавнее время уголовная хроника зафиксировала душераздирающие истории о маньяках, которые ели плоть своих жертв и пили их кровь. Среди них — «ганноверский мясник» Фриц Хаарман, Джеффри Дамер, Андрей Чикатило. Но они подражали не вампирам, а другому порождению народной мифологии — оборотням, волкам в человеческом обличье. Обратни чем-то сходны с вампирами, которые тоже могут превращаться в волков, но отношения между ними и в фольклоре, и в современной массовой культуре трудно назвать дружескими. Обратни — злобные кровожадные твари, почти лишенные индивидуальности, и до сих пор ни один автор не сумел создать яркий притягательный образ вервольфа.

Подражанием вампирам на протяжении веков занимались прежде всего сатанисты. Неотъемлемой частью их темных обрядов всегда были человеческие жертвы и питье крови людей или животных. Можно вспомнить «Великого зверя» Алистера Кроули, напоившего своего гостя, поэта Лавдея, кошачьей кровью, отчего тот вскоре скончался. В сочинениях Кроули говорится о важности крови для вызывания демонов, и этому свято верят современные сатанисты. Безумие заразительно — в наши дни в разных странах существуют не только десятки сатанистских сект, но и особые сообщества вампиров. Устав одного из крупнейших, Американской вампирской лиги, гласит: «Ты можешь не пить кровь, но обязан жить так, чтобы ты сам и твои желания были для тебя превыше всего. В этом и заключается главная обязанность вампира». Похоже, в этой лиге состоят главным образом простые обыватели, часть которых тоскует по острым ощущениям, а часть мечтает привлекать девушек романтическим имиджем вампира — «того же Супермена, только наизнанку», как простодушно сформулировал один тинейджер.

Есть и люди, не считающие себя поклонниками дьявола, однако питающие болезненное пристрастие к крови. В «Дракуле» таким был пациент доктора Сьюворда, маньяк-зоофаг Ренфилд, поедавший мелких животных и постоянно повторявший: «Кровь — это жизнь». Подобные случаи происходили и в реальности, чаще всего с душевнобольными, но не только. Сравнительно недавно врачи открыли редкую болезнь порфирию, нарушение пигментного обмена — у страдающих ею бледнеет кожа, меняются черты лица и появляется аллергия на солнечный свет. Известно,

что употребление свежей крови смягчает симптомы порфирии, но еще ни одного больного ею человека не уличили в вампиризме. Да и вообще медицина пока не зафиксировала ни одного бесспорного вампира — зато ей известны тысячи людей, воображающих себя таковыми под действием романов, фильмов и компьютерных игр.

Что общего у всей этой массовой продукции с биографией настоящего Дракулы, то есть господаря Влада? Ответ прост — ничего. Даже сам факт, что Дракула не был вампиром, вызывает у массового читателя-зрителя удивление, а то и протест: как же так, а мы надеялись... Правда, в 2000 году вышел фильм Джо Чэпелла «Черный князь», а в 2009-м — роман канадского писателя и актера Джона Хамфриса «Дракула: последняя исповедь», вскоре изданный по-русски. Оба произведения пытаются восстановить историческую реальность, но с таким количеством ошибок и искажений, что результат оказывается обратным. Вдобавок и книга, и фильм делают-таки реверансы в сторону «вампирской» версии: дескать, нет дыма без огня. Куда интереснее роман российской писательницы Елены Артамоновой, тоже названный «Исповедь Дракулы». Там есть и яркие характеры, и добротная проработка деталей. Автора можно покритиковать только за излишнее любование своим героем, но воевода и при жизни умел пленять женские сердца.

Дело Артамоновой продолжила другая молодая писательница, Светлана Лыжина, ставшая автором целых четырех романов о Дракуле. Помимо этого, она создала авторский сайт http://samlib.ru/l/lyzbina_s_s, где исследуются спорные вопросы биографии воеводы. В России это единственный пример, а вот на Западе сайты, посвященные Дракуле, насчитываются десятками — но упор в них опять-таки делается на вампирскую тему. Делать нечего: массовому сознанию куда интереснее бессмертные кровососы, чем давно покинувший этот мир правитель забытого княжества.

Глава восьмая

ДРАКУЛА МНОГОЛИКИЙ

Пять с половиной веков отделяют нас от эпохи Влада Дракулы. За это время мир пережил множество войн и геноцидов, затмивших кровавые дела валашского господаря. В чем он остался непревзойден — так это в несоответствии реального исторического лица с его легендарным образом. Точнее, образами — Р. Флореску и Р. Макнелли недаром назвали своего героя «многоликим». Для большей части мира Дракула — фантастический персонаж, чудовище-вампир. Для жителей Юго-Восточной Европы — реальный жестокий тиран из далекого прошлого. И только румыны считают его национальным героем, одним из создателей своего государства.

Причины такой многоликости восходят к событиям 1462 года, когда законный правитель Валахии, отважный защитник христиан от османского натиска в одночасье оказался монстром в человеческом облике, предателем и вероотступником. С тех самых пор все, кто пытался разобраться в истории Дракулы, сталкивались с невозможностью отделить правду от вымысла — тем более что правдивых сочинений о воеводе попросту не было. Традицию вольного обращения с материалом продолжил и Брэм Стокер. Как уже говорилось, он сделал Дракулу из румына секлером, из господаря графом, а вместо Валахии поселил его в замке у прохода Борго в Северной Трансильвании. Похоже, эта область с ее красивым названием и пестрым разноязыким населением, увлекательно описанная в книге Эмили Джерард, просто нравилась ему больше, чем какая-то непонятная Валахия, вообще пропавшая с карты — ведь в то время она уже стала частью Румынии. Точно так же ему понравилось имя Дракулы, в котором слышались и *draco*, и *cool*, поэтому он и назвал так своего вампира, даже не думая, что погрешит этим против исторической правды и вызовет недовольство целого народа.

Впрочем, румыны не так уж недовольны — в конце концов, они получают неплохой доход, возя туристов и в глянцево-картинный Бран, и на мрачные развалины Поенари, и даже к куцему замку-уродцу, выстроенному для гостей с Запада у прохода Борго, как раз там, где его расположил Стокер — не пропадать же месту! Бойко торгуя сувенирами на тему Дракулы, местные жители при этом возмущаются тем, что его считают вампиром. Для них воевода — герой борьбы за независимость,

строгий, но справедливый правитель. Такой подход зародился давно: еще в XIX веке, в пору господства чванливых и продажных бояр, местная интеллигенция пугала их тенью грозного Цепеша. Этим занимались не только полузабытый Ион Будаи-Деляну, но и знаменитый поэт Михай Эминеску, писавший в своем «Третьем послании»:

*О приди, могучий Цепеш, и тяжелый сон развеяв,
Раздели их на две шайки — на безумцев и злодеев.
В две огромные темницы заточи их без раздумья
И сожги огнем священным и тюрьму, и дом безумья!*^[146]

Тогда же образом воеводы заинтересовались художники — в том числе корифей запоздалого румынского романтизма Теодор Аман. В 1860-е годы и позже он создал немало картин на исторические темы, три из которых посвящены Дракуле. Все они изображают знаковые события его правления: неожиданный арест бояр на пиру (картина называется «Боярское изумление»), расправу с послами султана и ночную атаку на турецкий лагерь. На двух из них главный герой остается в тени — его можно опознать только по шапке с пером, — и лишь в сцене с послами он перемещается в центр действия, откуда гневно смотрит в упор на турок, возмущенных и сбитых с толку непочтительным обращением. Аман кропотливо изучал исторические артефакты, и на его картине можно увидеть, как выглядел княжеский дворец в Тырговиште — весьма скромно, как и одежда обступивших трон придворных. Всё это не конкретные персонажи, а обобщенные типажи, как и сам Дракула: недаром он, вопреки фактам, изображен с бородой, как большинство румынских правителей его времени.

В том же XIX столетии Дракулой занялась зарождающаяся румынская наука. Надо сказать, что первыми его личностью заинтересовались иностранцы, особенно немец Иоганн Христиан фон Энгель — что интересно, ученик Августа Людвиг Шлёцера, одного из столпов «норманнской теории» о происхождении Руси. В 1804 году Энгель выпустил в Галле «Историю Валахии и Молдавии», основанную на скрупулезном изучении доступных к тому времени источников. Например, освещая правление Дракулы (которого он ошибочно называл «Дракул», путая с отцом), он привлекал сочинения Лаоника Халкокондила, Антонио Бонфини и — впервые — немецкие памфлеты, найденные им в библиотеке графа Сечени в Будапеште. Те же источники плюс сочинение самого

Энгеля использовал в своей работе ведущий румынский историк XIX века Михай Когэлничану. В его многотомной «Истории Валахии, Молдавии и задунайских румын» история Дракулы отражена в первом томе, вышедшем в Берлине в 1837 году. Принимая на веру свидетельства очернителей князя, Когэлничану называет его «величайшим монстром, ужасом человечества, тигром, жадным до крови».

Круг источников тем временем продолжал расширяться — в 1842 году русский филолог Александр Востоков отыскал в столичном Румянцевском музее рукопись «Повести о Дракуле» и предположил, что ее автором является Федор Курицын, побывавший в Венгрии и Молдове. С этим не согласились иностранные ученые, нашедшие ряд параллелей между «Повестью» и немецкими памфлетами и считавшие, как водится, русский текст всего лишь переводом. В защиту авторства Курицына выступил в конце XIX века известный румынский филолог Иоан Богдан (1864–1919), учившийся в Вене и Санкт-Петербурге. Сравнив несколько редакций «Повести» с немецкими сочинениями, он доказал, что она была оригинальным сочинением и что ее автором был именно Курицын.

Тот же Богдан издал ряд документов о правлении Дракулы и написал на их основе в 1896 году первую научную работу о воеводе и связанных с ним легендах — «Влад Цепеш в немецкой и русской словесности». Он тоже был настроен к своему герою критично, утверждая: «Господарь этот — не более чем жестокий тиран, а из дел его мы видим одни только ужасные зверства. Мы ничего не знаем о его внутренних реформах, не находим свидетельств его благотворительности церквам или монастырям, его забот о благосостоянии страны»^[147]. На несправедливость такого подхода указал уже упоминавшийся либеральный историк и политик Николае Йорга в своей «Истории Румынии», назвав Влада «свирепым героем, которому, правда, можно многое простить за его деятельное желание защитить страну»^[148]. Профессора Йоргу убили фашисты из «Железной гвардии», для которых Дракула был кумиром — они тоже считали, что ради «великой Румынии» позволены любые жестокости. В составе румынской армии, напавшей на СССР вместе с немцами, воевал и стрелковый батальон «Влад Цепеш» (в сегодняшней Румынии именем воеводы названа жандармская бригада).

После Второй мировой войны власть в Бухаресте досталась коммунистам, которые сначала скопом зачисляли всех предыдущих правителей, включая Дракулу, в ряды «феодалов» и «реакционеров». Все изменилось в 1960-е годы, когда Николае Чаушеску начал строить в стране

«социализм с национальным лицом». Влад вновь обрел лавры борца за свободу, а заодно и статус туристской достопримечательности. В школьных учебниках его называли «выдающимся государственным деятелем, упорно защищавшим независимость страны», ничего не говоря при этом о его жестокостях или оправдывая их кознями врагов. Появились первые книги о нем, был снят уже упоминавшийся художественный фильм «Влад Цепеш», где господарь (популярный актер Штефан Силяну) представлял защитником бедняков и грозой турок. Его было приказано называть исключительно Цепешем, а не Дракулой, чтобы не вызывать ненужных ассоциаций с вампиром; по той же причине был запрещен роман Стокера.

Героизация Дракулы в национальном сознании сопровождалась его исторической реабилитацией, во многом похожей на возвеличивание Ивана Грозного в конце сталинской эпохи (нет, никуда не деться от сравнения этих двух — или даже трех — фигур!). Наибольшую активность в этом проявил Барбу Кымпина, имевший репутацию придворного историка Чаушеску. Его усилиями была создана «единственно верная» оценка личности Влада Цепеша, состоящая из следующих пунктов:

1. Главным занятием воеводы была борьба с реакционными боярами, от которых он стремился защитить простой народ. Казнил Влад исключительно бояр и их прислужников, причем масштабы этих казней и их жестокость многократно преувеличены пропагандой.

2. Будучи убежденным патриотом, Влад непримиримо враждовал с венграми и немцами, пытавшимися подчинить себе румынские земли. Именно этим объяснялись его набеги на Трансильванию, зверства в которой также преувеличены или вовсе выдуманы.

3. В противостоянии с турками Влад встает в ряд таких национальных героев, как Стефан Великий и Михай Храбрый. И даже превосходит их — ведь именно его сопротивление турецкой агрессии позволило Валахии избежать превращения в турецкий пашалык.

4. Отстранение Влада от власти, а потом и его убийство объявлялись результатом предательства бояр, объединившихся с внешними врагами. Возникла, например, теория о том, что воевода в 1462 году разгромил турок и изгнал их из страны, но в это время бояре свергли его и посадили на трон Раду. Об этом писал, в частности, Николае Стоическу: «Влад Цепеш одержал победу, и султану пришлось покинуть Валахию, не достигнув поставленной цели — захвата страны и смены власти в ней»^[149]. Эти пропагандистские версии, имевшие мало общего с истиной, поддерживались, однако, не только сторонниками «классового подхода», но и национал-патриотами, уверенными, что Румынию можно сделать великой

только при помощи тех методов, которыми действовал Дракула.

В 1976-м в Румынии торжественно отметили 500-летие гибели воеводы. В Сигишоаре и Джурджу ему поставили памятники, в Тырговиште раскопали и частично восстановили его дворец, включая башню Киндия. Была раскопана и другая его резиденция, Куртя-Веке (Старый двор) в Бухаресте, где в 1972 году открыли музей. По упорным слухам, Чаушеску всячески стремился подражать своему любимцу — даже построил себе резиденции в том же Тырговиште и на озере Снагов. Он собирался восстановить и крепость Поенари, но помешала революция 1989 года, стоившая «кондукэтору» (вождю) жизни. Незадолго до этого классик румынского кино Серджиу Николаеску снял фильм «Мирча Старый», где сделал Дракулу — состарив его при этом лет на 20 — любимцем и идейным преемником его деда Мирчи Старого. Там Влад еще ребенком велит посадить на кол двух изменников-бояр, услышав дедушкино наставление: «Кто предал свою родину, не заслуживает жалости». Но режиссер, сыгравший роль Мирчи, подчеркнул различие двух героев: старый господарь мудр и осторожен, он умеет прощать. Поэтому ему удалось сохранить власть и страну, которые его внук, не наделенный этими качествами, потерял вместе с жизнью.

Наряду с художественным продолжалось и научное осмысление образа господаря Влада. Не все ученые были согласны с его некритичным возвеличиванием — были и те, кто, продолжая либеральную традицию, относился к Дракуле более объективно. К ним относился видный историк Константин Джуреску, к ученикам которого причисляли себя столпы современного «дракуловедения» Раду Флореску и Матей Казаку. Первый из них принадлежал к известной в Румынии боярской семье; его отец, тоже Раду, был перед войной послом в Англии и попросил там убежища, когда на родине пришел к власти фашистский режим Антонеску. Родившийся в 1925 году Раду получил образование в Оксфорде, потом перебрался в США и много лет преподавал историю Восточной Европы в так называемом Бостонском колледже — авторитетном исследовательском центре, основанном иезуитами. Там он познакомился с Реймондом Макнелли (1931–2002), изучавшим историю русской культуры и одновременно литературу о вампирах. Скоро они стали соавторами и написали вместе шесть книг, включая комментированное издание романа Стокера. Последняя книга умершего в 2014 году Флореску «Потомки Дракулы», вопреки заглавию, посвящена в основном предкам самого историка, которыми он очень гордился.

Матей Казаку принадлежит к другому поколению — он родился в 1946

году, а в 1969-м защитил в Бухарестском университете магистерскую работу о Дракуле, что, по его признанию, выглядело тогда довольно экзотично. Тогда он вместе с приезжавшим из США Флореску и его дядей, уже упомянутым археологом Георге Флореску, исколесил всю Румынию, посещая места, связанные с именем воеводы. Именно так — «В поисках Дракулы» — называлась, как уже говорилось, первая книга Флореску и Макнелли о Дракуле, вышедшая в 1972 году. Их новое исследование «Дракула: Многоликий князь» появилось в 1989 году одновременно с революцией, сбросившей режим Чаушеску.

Матей Казаку должен был стать третьим соавтором книги, но столкнулся с запретом коммунистических властей, не выпустивших его из страны. Позже он продолжил изучение Дракулы в Париже, где стажировался в Национальной школе хартий и где одна за другой выходили его статьи, посвященные воеводе. После революции он надеялся на рост интереса румынских историков к Дракуле, но получилось иначе — они поголовно занялись новой интерпретацией истории XX века. Вдобавок воеводе припомнили его возвеличивание в эпоху Чаушеску: «приватизированный» коммунистами, он был отвергнут вместе с ними. В этих условиях Казаку взялся за написание новой биографии господаря, которая в 1996 году вышла на французском языке под названием «История князя Дракулы» и была впоследствии переведена на многие языки, включая русский (новое, дополненное издание книги было выпущено на английском в 2017 году). Еще одним ценным вкладом в «дракуловедение» стала монография американского историка Курта Трептова «Влад III Дракула: жизнь и эпоха», изданная в 2000 году под эгидой созданного им же Центра румынских исследований, объединяющего историков США, Великобритании и Румынии. Увы, деятельность Центра прервал в 2002 году арест его основателя, осужденного за развращение малолетних.

С теми немногими, кто занимается изучением Дракулы, регулярно происходят неприятности, напоминающие насмешку «зломудрого» воеводы. По воспоминаниям Матея Казаку, во время восхождения к замку Поенари Георге Флореску оступился и получил перелом шейки бедра: «Я в шутку напомнил, что один из предков Флореску, Винтилэ, в XV веке встал на сторону Влада Пронзителя. Было это в 1468 году, ровно за 500 лет до того, как мы отправились в Карпаты, а это могло грозить проклятьем... Это так напугало Раду Флореску, что теперь в каждую поездку он брал с собой маленькую икону». Сам Казаку столкнулся с «враждебностью» Дракулы в Париже в 1992 году. Он пишет: «Тогда меня пригласили на частный показ фильма «Дракула» Фрэнсиса Форда Копполы в один из парижских

кинотеатров. Мы с супругой вышли из дома под палящим солнцем, а когда до места оставалось несколько сот метров, обрушился такой ливень, что идти дальше просто не представлялось возможным. Каково же было наше удивление, когда мы увидели подобную сцену на экране: Дракула поднимает страшную бурю против охотников за вампирами. Видели бы это совпадение мои американские друзья, они еще не так испугались бы!»^[150] Это событие наверняка напугало и самого румынского профессора, лишний раз проявив много-дикость Дракулы — он остается не только историческим персонажем, давно покинувшим этот мир, но и вечно живым героем мифа.

Сегодня места, связанные с именем Дракулы, по-прежнему привлекают в Румынию множество туристов. В 2003 году появился даже план строительства всё на том же озере Снагов парка развлечений «Дракулаленд» — конечно, с упором на вампирскую тему, а не на жестокости Колосажателя, способные развлечь разве что маньяков. После протестов общественности, по-прежнему видящей в Дракуле героя, проект свернули. Но зарабатывать на имени воеводы румыны продолжают: в любом сувенирном ларьке можно увидеть его черноусый лик на магнитах, брелках, кружках и даже полотенцах.

Помимо туристов, в страну приезжают и зарубежные исследователи Дракулы. В 1995 году Трансильванское общество Дракулы устроило в Бухаресте международный конгресс — на него мудро пригласили специалистов не только по румынской истории, но и по творчеству Брэма Стокера, а также по теме вампиризма, всего более 60 человек. Упомянутое общество, основанное в 1991 году журналистом Николае Пэдурару, включает исследователей из 14 стран (россиян, увы, среди них нет), проводит ежегодные симпозиумы и издает «Journal of Dracula Studies». Историки, как им и положено, не выясняют, плохим или хорошим был Дракула: они скрупулезно изучают немногие сохранившиеся документы, роются в архивах, ведут раскопки, пытаются выяснить, какой была Валахия в XV веке и как изменило ее правление Влада III.

Один из животрепещущих вопросов — сколько людей погибло по вине господаря? Тогдашнюю Румынию населяло около полутора миллионов человек — примерно поровну в Валахии, Молдове и Трансильвании. Если правы те, кто приписывает Дракуле 50 или даже 100 тысяч жертв, то страна при нем должна была просто обезлюдеть. Но нет — возникали новые города (включая Бухарест), старые расширяли свои границы, на месте вырубленных лесов появлялись новые деревни, а значит, население не уменьшалось, а росло. Правда, это всего лишь предположение — никаких переписей в Валахии, конечно, не проводилось, но Матей Казаку на

основании примерных подсчетов того времени, венгерских и турецких, заключает, что в 1456 году там проживало около 400 тысяч человек. По его же данным, к концу XV столетия население сократилось на треть — то есть на 130 тысяч. Но в этом логичнее упрекнуть не Дракулу, а несколько османских вторжений, в ходе которых многие валахи были убиты, угнаны в рабство или бежали из родных мест.

Еще труднее составить представление о числе казненных по противоречивым данным источников. Большинство из них неопределенно говорит о «многих тысячах» погибших, и только словоохотливый Бехайм обильно рассыпает информацию: 400 немецких студентов, 500 немецких же купцов, 500 валашских бояр, 600 заживо сожженных нищих, 30 тысяч убитых в первом походе в Трансильванию, 25 тысяч — во втором, еще 25 тысяч — в болгарском походе. Автор «Констанцской хроники», не утруждаясь перечислением, сообщает, что жертвами Дракулы стали 92 268 человек — и это «не считая множества тех, чьи имена не сохранились». Все эти цифры откровенно дутые и восходят к единственной сообщенной самим Дракулой — около 24 тысяч убитых им турок и болгар. И если в войнах с турками господарь и правда перебил до 50 тысяч врагов (включая подвернувшихся под руку мирных жителей), то вряд ли стоит ставить ему это в вину; законы войны тогда были суровы, да и сейчас не сильно смягчились. В Трансильвании, учитывая численность жителей разоренных им областей (притом что далеко не все из них погибли), он мог истребить от силы 10–15 тысяч. А в Валахии, где его жертвами прежде всего становились непокорные бояре, «подозрительные» иностранцы и преступники, подлинные или мнимые, число его жертв вряд ли превысило 10 тысяч человек.

Много это или мало? Мало по сравнению с кровавым итогом деятельности современников Влада — султана Мехмеда II, чьи войны унесли полмиллиона жизней, или Генриха VIII Английского, истребившего до 200 тысяч собственных подданных. И много для маленькой страны, где до того наказания были не слишком суровыми, а нравы — простыми и патриархальными. Как бы ни тосковали потом румыны о «твердой руке» воеводы, о их подлинном отношении к нему говорит то, что именно после него слово *dracul* окончательно стало обозначать не дракона, а дьявола. И если современники и не считали Влада вампиром (вернее, стригоем), то наверняка в сердцах называли так, убедившись сперва, что их никто не слышит...

Вопрос о числе жертв Дракулы неизбежно подводит нас к другому вопросу — о достоверности и полноте источников, описывающих его

правление. Как уже говорилось, комплексное изучение этих источников началось совсем недавно и до сих пор вызывает немалые трудности. И не потому, что документы нужно с риском для жизни добывать из пыльных склепов и полуразрушенных замков — нет, они давно хранятся во вполне благоустроенных библиотеках и архивах, а большинство из них изданы и доступны, в том числе в электронном виде. Одна из главных проблем в том, что эти документы и их исследования написаны на многих, в том числе не самых легких для изучения языках. Их как минимум десять: латынь, греческий, турецкий, румынский, древнерусский, старославянский, венгерский, верхненемецкий, польский, итальянский. Эта языковая ситуация характерна для Восточной Европы в то бурное время; из-за нее же почти каждое имя и географическое название имеют несколько вариантов и с трудом поддаются идентификации (вспомним, что само имя Дракулы писалось десятком разных способов).

Но дело не столько в форме источников, сколько в их содержании. Все написанное о Дракуле можно с долей условности разделить на пять групп или традиций — возникли они независимо, но быстро переплелись между собой, обмениваясь как фактами, так и вымыслами. Первая традиция, немецко-венгерская, родилась сразу после ареста воеводы в 1462 году и базируется на одном главном документе — «бенедиктинской рукописи» из аббатства Мельк. Ее автор, будь то отец Якоб или кто другой, соединил свои впечатления и рассказы очевидцев с документами, полученными от заказчиков из свиты Матьяша Корвина — в существовании этого заказа сомневаться трудно. Речь идет о письме Дракулы королю с рассказом о болгарском походе, как и о других его письмах — включая подложное, тоже хранящееся в королевской канцелярии, а скорее всего там и сочиненное. Соединив все это с устными преданиями, часто никак не относящимися к Дракуле, автор или авторы создали текст, состоящий из трех десятков историй о злодеяниях князя. Все их прилежно воспроизвели Михаэль Бехайм и анонимный автор «Истории воеводы Дракулы», дополнявшие и приукрашивавшие в меру сил версию бенедиктинцев. К той же традиции принадлежит сочинение Антонио Бонфини, получавшего информацию непосредственно от венгерских придворных. Главная их цель — как можно гуще очернить валашского князя, поэтому о правдоподобии здесь не может быть и речи. Однако при острой нехватке источников данными этих пасквилей ни в коем случае нельзя пренебрегать.

Вторая традиция возникла тогда же в среде турецких официальных историографов. Для них Тараклу-Дракул а — неопикуемый злодей, главная вина которого состоит не в казнях своих подданных (это турок мало

беспокоило), а в том, что он нарушил клятву верности султану и пошел на него войной. Эту войну османские источники описывают полнее всего, в то время как немцы уделяют ей минимум внимания — ведь она, вопреки их задаче, рисует Дракулу не кровожадным тираном, а отважным крестоносцем. Правда, часто полнота сводится на нет восточным многословием и отчаянными попытками преувеличить успехи Мехмеда II и скрыть его поражения. Куда объективнее относящиеся к той же традиции сочинение Лаоника Халкокондила и «Записки янычара» Константина из Островицы. Проведя много лет на службе у турок, оба автора, тем не менее, сочувствуют их противникам и невольно восхищаются воеводой, хоть и осуждают его жестокость.

Третью традицию можно назвать европейской — она представляет собой осмысление истории Дракулы в сочинениях жителей Италии, Франции, Польши, лично знакомых с положением дел в Валахии или слышавших о нем. Среди самых известных памятников этой группы — «Комментарии» папы Пия II и письмо епископа Никколо из Модруссы, остальные почти забыты или даже не отысканы. Они мало говорят о самом Дракуле — скорее об отношении европейцев к его кровавой карьере. Отношение это изумленно-любопытное, как у владельца замка Амбрас, поместившего портрет воеводы в разряд диковин. Но без особого сочувствия — мало ли что бывает у этих восточноевропейских дикарей, они ведь совсем как турки и даже хуже! В XVI веке упоминания о Дракуле еще появлялись в трудах ученых эрудитов, но потом исчезли — чтобы вновь появиться уже в XIX столетии на волне интереса к балкано-карпатской экзотике и в том числе к вампиризму. Именно эта традиция, воскрешенная авторами вроде Джерард и Уилкинсона, породила роман Стокера и всю последующую «дракулиану».

«Особенная статья», как обычно, у четвертой, русской традиции, в одиночку порожденной дьяком Курицыным. В противовес и злобствующим немцам, и равнодушным европейцам наш автор относится к Дракуле с живым сочувствием, то осуждая его, то оправдывая, но всегда принимая близко к сердцу. Сознвая, что Русь и Валахия к тому времени остались, наряду с Молдовой и Грузией, единственными православными государствами, он ощущает общность их пути, который видит в укреплении самодержавной власти. Ради этого он готов простить своему герою многие жестокости — но только не отступление от веры предков, в котором и видит причину «дьяволизации» князя и его гибели. «Повесть о Дракуле» была популярна на Руси до петровских времен, веком позже местной публике ненадолго понравился «задумчивый Вампир» романтиков,

а потом настал черед стокеровского романа — в начале XX века для немногих ценителей, а в конце и для массовой публики. Интересно, что всё это время образ исторического Дракулы продолжает жить у нас отдельно от вампира, перекликаясь с «родными» образами Ивана Грозного и Сталина и вызывая у одних горячее одобрение, а у других — столь же пылкую неприязнь.

Отдельный вопрос — подражали ли эти персонажи друг другу? О симпатии Сталина к царю Ивану и его методам сказано немало, в том числе им самим. В свою очередь, Иван как усердный книголюб никак не мог миновать сверхпопулярную в его время «Повесть о Дракуле»; наверняка изложенные там мысли о полезности жесткой, даже жестокой власти запали ему в душу. Уже говорилось, что царь нередко повторял и «черный юмор» валашского воеводы, и его изобретательность в казнях и пытках, широко применяя в том числе и колосажание. И если на Западе глубинное сходство Ивана Грозного с Дракулой неизменно поминается со знаком «минус», то у нас, где принцип «бьет — значит любит» народ применяет и к своим правителям, в нем нередко видят плюсы. Дошло до того, что некий автор, укрывшийся под псевдонимом «Сигурд Йоханссон», в неряшливо составленной самиздатовской книжке объявил Дракулу уже не духовным, а кровным предком Грозного, а последнего — прародителем Сталина. В каких только преступлениях не обвиняли господаря, но роль предка величайшего тирана в истории досталась ему только сейчас — достойное завершение карьеры!

Осталось сказать о пятой традиции, румынской, которая стала известна за рубежом только в XX веке. Ее начинают грамоты и письма самого Дракулы и его приближенных, которые, что естественно, стараются представить воеводу в самом выгодном свете. Продолжают народные легенды, изображающие его строгим, но справедливым правителем, который, как Сталин, «зря никого не сажал» (в смысле, на кол). И завершают труды хронистов и позднейших историков, где Влад Цепеш предстает защитником твердой власти, борцом с иноземной угрозой, но акцент все же делается на его жестокости. Впрочем, историческая память румын осуждает его не столько как кровавого тирана, сколько как проигравшего.

Ивану Грозному при всех издержках удалось вдвое увеличить территорию страны и сломить своеволие боярских родов, но его задунайский коллега в этом не преуспел. Конечно, у него не было таких ресурсов и возможностей, как у царя всея Руси, да и времени отпущено куда меньше — чуть больше семи лет, в то время как Иван правил целых

полвека. Но поневоле кажется, что главной причиной неудач господаря стали его личные качества: гордыня, мстительность, недальновидность. Его деду Мирче, его современнику Стефану Молдавскому достались не менее тяжелые испытания, но они сумели выйти из них с честью, сохранив и собственную жизнь, и независимость своей страны. Быть может, воевода Влад был более яркой и незаурядной личностью, чем они, но ему и его народу эта незаурядность не пошла на пользу.

«Черная легенда» о Дракуле создавалась умело, целенаправленно и жила много веков после его гибели. Но то, что за это долгое время ей не противопоставили «белую легенду», весьма показательно — защищать господаря оказалось некому. Его друг (и враг) Стефан получил от своих подданных прозвище Великий, его союзник (и тюремщик) Матьяш Корвин — прозвище Справедливый. Владу досталось от истории только имя Колосажателя. И если вампиром его ославили незаслуженно и в общем-то случайно, то это имя он заслужил сполна, еще при жизни превратившись в страшную сказку Карпатских гор.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Правители стран Восточной Европы в XV веке

1) Валахия

Мирча I чел Бетрин (Старый) (1386–1396)(1397–1418).

Влад I, брат (1396–1397).

Михай I, сын Мирчи I (1418–1420, соправитель с 1391).

Дан II, сын Дана I (1420)(1421–1422)(1423–1424)(1426–1427)(1427–1431).

Раду II Праснаглава (Лысый), сын Мирчи I (1420–1421) (1423)(1424–1426)(1427).

Александру I Алдя, сын Мирчи I (1431–1436).

Влад II Дракул (Дракон), брат (1436–1442)(1444–1447).

Басараб II, сын Дана II (1442–1444).

Дан III, брат (1443)(претендент 1456–1459).

Мирча II, сын Влада II (1447).

Владислав II, сын Дана II (1447–1448)(1448–1456).

Влад III Дракула Цепеш (Колосажатель), сын Влада II (1448)(1456–1462)(1476).

Раду III чел Фрумос (Красивый), брат (1462–1473)(1473–1474)(1474–1475).

Басараб III чел Бетрин (Старый) Лайота, сын Басараба II (1473)(1474)(1475–1476)(1476–1477).

Басараб IV чел Тынер (Молодой) Цепелуш, сын Владислава II (1474)(1477–1481)(1481–1482).

Влад IV Калугэрул (Монах), сын Влада II (1481)(1482–1495).

Раду IV чел Маре (Великий), сын (1495–1508).

2) Молдова

Александру I чел Бун (Добрый)(1400–1432).

Ильяш (Илие), сын (1432–1433)(1435–1442).

Стефан II, брат (1433–1435)(1442–1447, соправитель с 1436).

Роман II, сын Ильяша (1447–1448).

Петру II, сын Александру I (1448–1449).

Александрел, сын Ильяша (1449)(1452–1454).
Богдан II, сын Александру I (1449–1451).
Петру III Арон, брат (1451–1452)(1454–1457).
Стефан III чел Маре (Великий), сын Богдана II (1457–1504).

3) Венгрия

Сигизмунд (Жигмонт) Люксембургский (1386–1437, король Чехии в 1419–1437, император в 1411–1437).

Эржебет I, дочь (1437–1440).

+ Альбрехт II Габсбург, герцог Австрии (соправитель 1437–1439).

Уласло I Ягеллон (1440–1444, король Польши (Владислав III) в 1434–1444).

Ласло V Постум (Посмертный), сын Эржебет и Альбрехта (1444–1457).

Матьяш (Матвей) Корвин, сын Яноша Хуньяди (1458–1490).

Уласло II, племянник Уласло I (1490–1516, король Чехии (Владислав II) в 1471–1516).

4) Священная Римская империя

Венцель (Вацлав) Люксембургский (король Германии в 1378–1400, король Чехии в 1378–1419).

Рупрехт Пфальцский, граф Пфальца (король Германии 1400–1410).

Сигизмунд, сын I (король Германии в 1411–1437, император с 1433, король Чехии в 1419–1437).

Альбрехт II Габсбург (король Германии 1438–1439).

Фридрих III, кузен (король Германии 1440–1493, император с 1452).

Максимилиан I, сын (король Германии 1493–1519, император с 1508).

5) Чехия

Вацлав (Венцель) IV Люксембургский (1378–1419, король Германии в 1378–1400, король Чехии в 1378–1419).

Сигизмунд, брат (формально 1419–1437, император в 1410–1437)

1419–1458 — власть принадлежала лидерам гуситов.

Иржи из Подебрад, герцог Опавы (1458–1471, регент с 1439).

Владислав II Ягеллон, сын Казимира IV Польского (1471–1516, король Венгрии (Уласло II) в 1490–1516).

6) Польша

Владислав II Ягелло (Ягайло) (1386–1434, литовский великий князь в

1377–1381, 1382–1398).

Владислав III Варненчик, сын (1434–1444, король Венгрии (Уласло I) в 1440–1444).

Казимир IV Ягеллончик, брат (1445–1492).

Ян I Ольбрахт, сын (1492–1501).

7) Великое княжество Литовское

Витовт (Витаутас), сын Кейстута (1392–1430).

Свидригайло (Швитригайла), сын Ольгерда (1430–1432).

Сигизмунд (Жигимантас), сын Кейстута (1432–1440).

Казимир (Казимерас) I, сын Ягайло (1440–1492, король Польши с 1447).

Александр, сын (1492–1506, король Польши с 1501).

8) Великое княжество Московское

Василий I Дмитриевич (1389–1425).

Василий II Васильевич Темный, сын (1425–1433)(1433–1434)(1434–1446)(1447–1462).

Юрий Дмитриевич Звенигородский, дядя (1433)(1434).

Василий Юрьевич Косой, сын (1434).

Дмитрий Юрьевич Шемяка, брат (1446–1447).

Иван III Васильевич Великий, сын Василия II (1462–1505).

9) Сербия

Стефан Лазаревич (деспот 1389–1427).

Георгий Бранкович (Вукович)(1427–1456).

Лазарь III Бранкович, сын (1456–1458).

Стефан Слепой, брат (1458–1459).

Степан Томашевич, сын короля Боснии (1459).

Вук Бранкович (Гргурович)(в Среме 1471–1485).

Георгий II Стефанович, племянник (1486–1496).

Йован, сын (1496–1502).

10) Босния

Степан Твртко II (1395–1398)(1404–1409)(1420–1443).

Степан Остоя Христич, сводный брат (1398–1404)(1409–1418).

Степан Остоич, сын (1418–1420).

Степан Томаш, сын (1443–1461).

Степан Томашевич, сын (1461–1463).

1463 — османское завоевание.

11) Крымское ханство

Девлет Хаджи-Гирей I (1428–1466, хан с 1441).

Нур-Девлет-Гирей, сын (1466–1468)(1474–1475)(1476–1478).

Менгли-Гирей I, брат (1468–1474)(1475–1476)(1479–1514).

Джанибег-Гирей I, сын Нур-Девлета (1478–1479).

12) Византийская империя

Мануил II Палеолог (1391–1425).

Иоанн VIII, сын (1425–1448).

Константин XI Драгас, брат (1449–1453).

1453 — османское завоевание.

13) Османская империя

Байязид I Йилдырым (Молниеносный)(1389–1402).

Сулейман Челеби, сын (1402–1411).

Муса Челеби, брат (1411–1413).

Мехмед I Челеби, брат (1413–1421).

Мурад II, сын (1421–1444)(1446–1451).

Мехмед II Фатих (Завоеватель), сын (1444–1446)(1451–1481).

Байязид II Адлы (Справедливый), сын (1481–1512).

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНЕМ ВЛАДА ДРАКУЛЫ

1431 — родился в трансильванском городе Сигишоара (Шассбург) в семье валашского принца Влада и его жены Василисы. В том же году его отец вступил в рыцарский орден Дракона и получил прозвище Дракул.

1436 — отец Влада Влад II Дракул становится господарем Валахии.

1437 — рождение брата Влада Раду Красивого.

1438 — Валахия делается протекторатом Османской империи.

1442 — по приказу султана Мурада II Влад и Раду отправлены заложниками в османскую крепость Эгригёз.

1444, 10 ноября — разгром турками войска крестоносцев под Варной, гибель венгерского короля Уласло I.

1446 — Янош Хуньяди становится регентом Венгрии при малолетнем короле Ладиславе (Ласло V).

1447, декабрь — убийство Влада II Дракула по приказу Яноша Хуньяди. Валашские бояре убивают старшего сына Влада II Мирчу и отдают власть Владиславу II из рода Данешти.

1448, октябрь — поражение Яноша Хуньяди в битве на Косовом поле. Султан отпускает Влада из плена и он занимает трон Валахии.

Ноябрь — Янош Хуньяди свергает Влада и возвращает власть Владиславу II. Влад бежит в турецкую столицу Эдирне (Адрианополь).

1449 — Влад перебрался в Молдову, господарем которой стал его дядя Богдан II.

1450 — Влад принимает участие в войне Молдовы с Польшей.

1451, февраль — Мехмед II становится султаном Османской империи.

Весна — после гибели Богдана II Влад и его друг, молдавский принц Стефан, бегут в Трансильванию под покровительство Яноша Хуньяди.

1453, февраль — Хуньяди высылает Влада назад в Молдову.

Май — взятие турками Константинополя.

1456, лето — Влад отправляется в Трансильванию для подготовки к захвату власти.

Июль — победа Хуньяди над турками под Белградом.

11 августа — смерть Яноша Хуньяди от чумы.

20 августа — Влад убивает Владислава II и становится господарем Валахии под именем Влада III Дракулы.

1457, *апрель* — Стефан Великий при помощи Влада захватывает власть в Молдове.

Апрель — май — карательный поход Влада в Трансильванию. Казни бояр, после которых Влад получил прозвище Цепеш — «Колосажатель».

1458, *январь* — королем Венгрии после смерти Ладислава становится Матьяш Корвин.

1459, *апрель* — казнь Албу Великого и других бояр по обвинению в заговоре.

Лето — поход Влада в Трансильванию, расправа с немецкими колонистами в окрестностях Брашова.

1460, *февраль* — договор Влада с Османской империей.

Апрель — под Тырговиште разбито войско претендента на трон Дана III. Дан схвачен и казнен по приказу Влада. *Август* — поход в Амлаш и Фэгэраш.

Сентябрь — договор Влада о мире с трансильванскими городами.

1461 — отказ Влада платить дань туркам.

1462, *январь* — Влад берет в плен турецких послов во главе с Юнус-беем и разбивает сопровождавшую их армию Хамза-паши. *Февраль* — перейдя с войском Дунай, Влад захватывает османские крепости Джурджу, Силистру, Руцук, Туртукай, истребив множество турок.

Май — Влад разбивает турецкую карательную экспедицию Махмуд-паши.

Июнь — султан Мехмед II вторгается в Валахию с огромным войском (от 80 до 200 тысяч человек). Влад, армия которого не превышает 30 тысяч человек, вынужден отступить в горы и начать партизанскую войну.

17 *июня* — ночная атака Влада на турецкий лагерь близ валашской столицы Тырговиште, приведшая к гибели большого числа турок.

22 *июня* — в Тырговиште султан видит тысячи турецких пленников, посаженных на колы.

Лето — основные силы турок отходят за Дунай. При поддержке султана Раду Красивый ведет с братом борьбу за власть. В осажденной крепости Поенари покончила с собой жена Влада.

Ноябрь — Влад, отправившийся в Трансильванию на переговоры с венгерским королем Матьяшем Корвином, захвачен в плен и заключен в крепость Вышеград близ Буды.

Конец года — появление в австрийском монастыре Мельк «бенедиктинской рукописи» о Дракуле.

1463 — появление в Австрии печатной «Истории воеводы Дракулы» и поэмы Михаэля Бехайма «Дракул-воевода».

1467, декабрь — Стефан Великий разбивает Матьяша Корвина в сражении при Бае.

1468 — Влада освобождают из крепости и переводят под домашний арест в Буду.

1472 — Влад принимает католичество и женится на родственнице короля Илоне Силади, родившей ему сыновей Влада и Мирчу.

1473 — неудачная попытка Лайоты Басараба свергнуть Раду Красивого. Разорение Валахии турецким войском.

1474 — Лайота Басараб при помощи молдавских войск свергает Раду и становится господарем Валахии. Матьяш Корвин освобождает Влада из-под ареста и отправляет сражаться с турками в Сербии.

1475, январь — победа Стефана Великого над турецкой армией при Васлуе. Смерть Раду Красивого.

Лето — Влад с семьей перебрался в город Сибиу.

1476, июль — Стефан Великий терпит поражение от турок при Валя-Албэ.

Август — при военной поддержке Венгрии и Молдовы Влад вторгается в Валахию.

26 ноября — Влад изгоняет Лайоту Басараба из Тырговиште и в третий раз становится господарем Валахии.

Декабрь — Влад Дракула гибнет от рук турок или предателей-валахов близ Бухареста. Его голова отвезена в Константинополь султану, а тело тайно похоронено в монастыре Снагов.

1486 — московский дьяк Федор Курицын пишет «Сказание о Дракуле воеводе».

1488 — сообщения о зверствах Дракулы включены в «Нюрнбергскую хронику». Начало перепечатки «Истории воеводы Дракулы» в крупнейших городах Германии.

1510, март — гибель в Сибиу сына Влада Михни Злого.

1526, август — битва при Мохаче, окончательно отдавшая Юго-Восточную Европу под власть турок.

1544 — сообщения о зверствах Дракулы появляются в «Космографии» Себастьяна Мюнстера.

1610 — в Чейте (Словакия) арестована графиня Эржебет Батори — садистка и убийца, прозванная «Дракулой в женском обличье».

1630 — прекращение династии потомков Дракулы в Валахии.

1746 — книга аббата Огюстена Кальме «Трактат о явлениях духов», где обобщены известные сведения о вампирах.

1800 — румынский поэт Ион Будай-Деляну пишет поэму

«Цыганиада», делая Влада Дракулу ее героем.

1827 — вышел сборник Проспера Мериме «Гузла», в который вошли баллады о вампирах. Частично переведен на русский А. С. Пушкиным в 1835 году под названием «Песни западных славян».

1872 — опубликована готическая повесть Джозефа Шеридана Ле Фаню «Кармила».

1897— в Лондоне вышел роман Брэма Стокера «Дракула».

1922 — фильм Фридриха Мурнау «Носферату, симфония ужаса», запрещенный наследниками Б. Стокера.

1931 — фильм Тода Браунинга «Граф Дракула», главную роль в котором сыграл Бела Лугоши.

1933 — раскопки предполагаемой гробницы Дракулы в монастыре Снагов.

1958 — фильм Теренса Фишера «Дракула» (в главной роли Кристофер Ли).

1970 — фильм Хесуса Франко «Граф Дракула» (в главной роли Кристофер Ли).

1972 — издана книга Р. Флореску и Р. Макнелли «В поисках Дракулы».

1976 — в Румынии на государственном уровне отмечено 500-летие смерти Влада Дракулы.

1978 — фильм Вернера Херцога «Носферату, призрак ночи» (в главной роли Клаус Кински).

1979 — фильм Джона Бэдема «Дракула» (в главной роли Фрэнк Лангелла). Румынский фильм «Влад Цепеш».

1992 — фильм Фрэнсиса Копполы «Дракула Брэма Стокера» (в главной роли Гэри Олдмен).

1995 — пародийный фильм Мэла Брукса «Дракула: мертвый и довольный» (в главной роли Лесли Нильсен). В Бухаресте состоялся всемирный научный конгресс, организованный Трансильванским обществом Дракулы.

1997 — премьера балета «Дракула» в Лондоне.

2000 — фильм Джо Чэпелла «Черный князь» (в главной роли Рудольф Мартин).

2002 — попытка министерства туризма Румынии создать в районе Сигишоары парк развлечений «Дракулаленд».

2004 — вышла на французском языке книга Матея Казаку «Дракула», переведенная на многие языки, включая русский.

2014 — фильм Гэри Шора «Дракула» (в главной роли Люк Эванс).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Владислав Драголюбич
Младшият син на Драголюбич

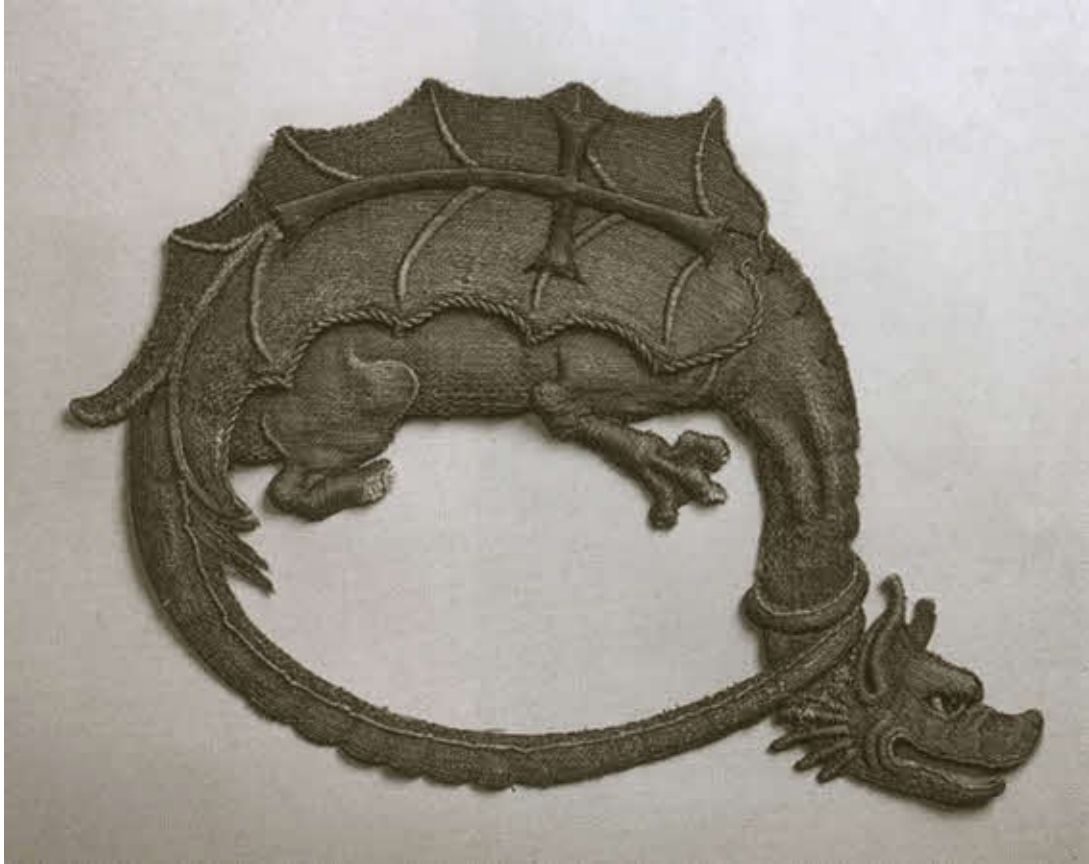
*Дом в городе Сигишоара — место рождения Влада Дракулы.
Мемориальная доска на доме посвящена не Дракуле, а его отцу*

Памятник Дракуле в Сигишоаре

Портреты Влада Дракулы и его жены в их трансильванском доме

Знак ордена Дракона (реконструкция)

Король Венгрии Матьяш Корвин

Воевода Янош Хуньяди

Султан Мехмед II Завоеватель.

Портрет Джентиле Беллини. 1480 г.

Господарь Стефан Великий.

Молдавская икона

Развалины дворца Дракулы в Тырговиште

Башня Киндия, с которой господарь наблюдал за казнями

Арест бояр на княжеском пиру. Картина Теодора Амана. 1887 г.

Серебряная аспра Влада Дракулы

Замок Бран в Трансильвании, ошибочно называемый «замком Дракулы»

Портрет воеводы из немецкого первопечатного издания. 1488 г.

Вид Брашова (Кронштадта) в XVI веке

Дракула пирует среди своих жертв. Гравюра 1499 г.

Влад Цепеш и турецкие послы.

Картина Теодора Амана. 1864 г.

Ночная атака на турецкий лагерь.

Картина Теодора Амана. 1882 г.

Руины крепости Поенари

В замке Вышеград близ Будапешта Дракула много лет томился в заключении

Монастырь Снагов на одноименном озере

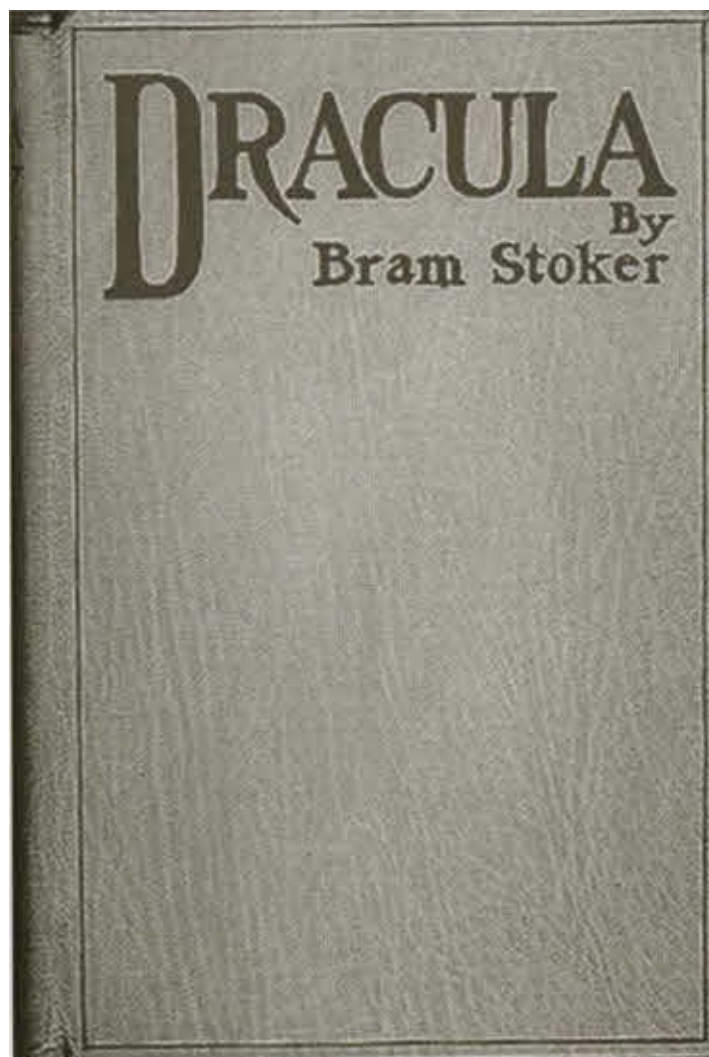

Предполагаемая могила Дракулы в Снагове

Брэм Стокер

Первое издание романа «Дракула» (1897)

*Макс Шрек в первой экранизации «Дракулы» — фильме Ф. Мурнау
«Носферату, симфония ужаса» (1922)*

Клаус Кински в фильме В. Херцога «Носферату, призрак ночи» (1978)

Бела Лугоши в фильме Т. Браунинга «Граф Дракула» (1931)

Кристофер Ли в фильме Х. Франко «Граф Дракула» (1970)

Единственный портрет Дракулы в полный рост, возможно, выполненный с натуры, находится в галерее австрийского замка Форхтенштайн

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Артамонова Е. В. Легенда о «великом изверге» // Наука и жизнь. 2005. № 2. С. 92–97.

Болован И., Поп И. История Румынии / Пер. с рум. М., 2005.

Вильнев Р. Оборотни и вампиры / Пер. с фр. М., 1996.

Гость Дракулы и другие истории о вампирах. СПб., 2007.

Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Пер. с серб. А. И. Рогова. М., 1978.

Казаку М. Дракула / Пер. с фр. М., 2011.

Кальме О. Трактат о явлениях ангелов, демонов и духов. М., 2013 (электронное издание).

Кашперская А. П. Эволюция языка и жанра в немецких текстах XV века о валашском князе Владе III. Дисс. канд. фил. наук. М., 2015.

Контлер Л. История Венгрии / Пер. с венг. М., 2002.

Краткая история Румынии. М., 1987.

Лыжина С. Авторский сайт о Дракуле <http://samlib.ru/> / lyzhina_s_s

Мариньи Ж. Дракула и вампиры / Пер. с фр. М., 2005.

Михайлова Т, Одесский М. Граф Дракула. Опыт описания. М., 2009.

Николаев К. Н. Вампиры и оборотни. М., 1997.

Повесть о Дракуле / Исслед. и подг. текстов Я. С. Лурье. М.-Л., 1964.

Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983.

Садовяну М. Жизнь Штефана Великого. Бухарест, 1957.

Сказание о Дракуле-воеводе / Пер. О. В. Творогова. В кн.: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 554–564.

Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976.

Стокер Б. Дракула / Пер. с англ. Т. Красавченко. М., 2005.

Шарый А., Ведрашко В. Знак D: Дракула в книгах и на экране. М., 2009.

Широгоров В. В. Украинская война. Кн. 2. Турецкий прорыв. М., 2018.

Яцимирский А. И. Повесть о мутьянском воеводе Дракуле // Известия ОРЯС ИАН. 1897. № 4. С. 940–963.

Andreescu S. Vlad the Impaler: Dracula. Bucharest, 1999.

Vane T. Encyclopedia of Vampire Mythology. Jefferson (NC), 2010.

Belford B. Bram Stoker: a Biography of the Man Who Wrote Dracula. London, 1996.

Bogdan I. Documentele lui Stefan cel Mare. V. 2. Bucuresti, 1913.

- Bogdan I.* Vlad Tepes si naratiunile germane si rusesti asupra lui. Bucuresti, 1896.
- BonflniA.* Historia Pannonica sive Hungaricarum Rerum decades IV. Coloniae Agrippinae, 1690.
- Bram Stoker's Dracula: The Original Typed Manuscript. N.Y., 2002.
- Bram Stoker's Notes for Dracula: A Facsimile Edition. London, 2008.
- Cazacu M.* Dracula. Boston, 2017.
- Cazacu M.* L'histoire de prince Dracula. Geneve, 1996.
- Corpus Draculianum. V. 1–3. Wiesbaden, 2016–2018.
- Cronici turcesti privind Tarile Romane / Ed. M. Guboglu, M. Mehmet. V. 1. Bucuresti, 1966.
- Documenta Romaniae Historica. Seria B. Tara românească. V. 1. 1247–1500. București, 1966.
- Documenta Romaniae Historica. Seria D. Relatii intre tarii Romane. V. 1. 1222–1456. Bucuresti, 1977.
- Documente privitoare la relatii Tarii Romanesti cu Brasovul si Tara Ungureasca / Ed. I. Bogdan. V. 1. Bucuresti, 1905.
- Documentele lui Stefan cel Mare I Ed. I. Bogdan. V. 1–2. Bucuresti, 1913.
- Documents concerning Rumanian History (1427–1601) / Ed. E. D. Tappe. London, 1975.
- Doukas M.* Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks / Ed. H. Magoulias. Detroit, 1975.
- Dracula: Essays on the Life and Times of Vlad Tepes / Ed. K. Treptow. Iasi, 1991.
- Dracula: The Shade and the Shadow. Ed. E. Miller. Essex, 1998.
- Farson D.* The Man Who Wrote Dracula: A Biography of Bram Stoker. London, 1975.
- Florescu R., McNally R.* Dracula: a Biography of Vlad the Impaler, 1431–1476. N.Y., 1973.
- Florescu R., McNally R.* Dracula: Prince of Many Faces. N.Y, 1989.
- Florescu R., McNally R.* In Search of Dracula. Greenwich (CT), 1972 (revised edition Boston, 1994).
- Fontes Rerum Transylvanicarum. Ed. A. Veress. V. IV. Budapest, 1921.
- Frayling C.* Vampyres: Lord Byron to Count Dracula. London, 1991.
- Gerard E.* Land Beyond the Forest. N.Y., 1888.
- Giurescu C.* The Life and Deeds of Vlad the Impaler Dracula. N.Y., 1969.
- Giurescu D.* Tara Romaneasca in secolele XIV–XV. Bucuresti, 1977.
- Guiley E.* The Complete Vampire companion. N.Y., 1994.
- HainingP., Tremayne P.* The Un-Dead: the Legend of Bram Stoker and

Dracula. London, 1997.

Harmening D. Der Anfang von Dracula. Zur Geschichte von Geschichten (Quellen und Forschungen zur europäischen Ethnologie 1). Würzburg, 1983.

Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria romanilor. V. 1–2. Bucuresti, 1891.

Iorga N. Istoria romanilor. Vol. IV. București, 1937.

Ispirescu P. Povești despre Vlad Tepeș. CemSu(i, 1936.

Istoria Țării Românești 1290–1690. Letopisul Cantacuzinesc. București, 1960.

Kritovoulos. History of Mehmed the Conqueror / Tr. C. T. Riggs. Princeton, 1954.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1–2 / Tr. A. Kaldellis. Cambridge (MS), 2014.

Leatherdale C. Dracula, the Novel and the Legend. Brighton, 1993.

Ludlam H. A Biography of Dracula: the Life Story of Bram Stoker. London, 1962.

McKenzie A. Dracula Country: Travels and Folk Beliefs. London, 1977.

Miller E. Bram Stoker's Dracula: a Documentary Journey in Vampire Country and the Dracula Phenomenon. N.Y., 2009.

Myles D. Prince Dracula, Son of the Devil. N.Y., 1988.

Pius II, The Commentaries. V. 1–3. Northampton (MA), 1954–1957.

Rezachevici C. Cronologia critica a domnilor din Jara Romaneasca și Moldova. V. 1. Bucuresti, 2001.

Rogoz G. Istoria despre Dracula. Bucuresti, 2004.

Ronay G. The Dracula Myth. London, 1972.

Senn H. Werewolf and Vampire in Romania. N.Y., 1982.

Sphrantzes G. The Fall of the Byzantine Empire / Tr. Philippides M. Amherst (Mass.), 1980.

Stoker B. The Essential Dracula / Ed. R. Florescu, R. McNally. N. Y., 1979.

Stoicescu N. Dic(ionar al Marilor Dregatori din Jara Romaneasca și Moldova in sec. XIV–XVII. Bucuresti, 1971.

Stoicescu N. Vlad Tepes: Prince of Valachia. Bucharest, 1978.

Summers M. The Vampire: His Kith and Kin. N.Y., 1960.

Treptow K. W. Vlad III Dracula: the Life and Times of the Historical Dracula. Portland, 2000.

Trow M. J. Vlad the Impaler: in Search of the Real Dracula. Stroud, 2003.

Ungheanu M. Vlad Tepes. Draculea: gravuri medievale. Bucuresti., 1995.

Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenburgen / Ed. G. Gundisch. Bd. 5–7. Koln, 1975–1991.

Waterson J. Dracula's Wars: Vlad the Impaler and his Rivals. Chicago, 2016.

Wavrin J. de. Anchiennes cronicques d'Engleterre // Imber C. Crusade of Vama. Aidershot, 2013. P. 107–166.

Wilkinson W. An Account of the Principalities of Wallachia and Moldavia. L., 1820.

Wolf L. A Dream of Dracula. N.Y., 1972.

Xenopol A. D. Lupta dintre Danesti si Draculesti. Bucuresti, 1907.

INFO

Эрлихман В. В.

Э 79 Дракула / Вадим Эрлихман. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 264[8] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1774).

ISBN 978-5-235-04245-2

УДК 94(100-87)

ББК 8.63.3

знак информационной продукции 16 +

Эрлихман Вадим Викторович
ДРАКУЛА

Редактор *А. Ю. Карпов*

Художественный редактор *А. С. Козаченко*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 25.02.2019. Подписано в печать 13.03.2019.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 14,28+0,84 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1914920.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцневская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato

BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия,

Ярославль, ул. Свободы, 97

СЕРИЯ

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. А. Горбунов
ОЛЕГ БОРИСОВ

Книга посвящена великому русскому артисту Олегу Ивановичу Борисову (1929–1994). Многие его театральные и кинороли — шедевры, оставившие заметный след в истории отечественного искусства и вошедшие в его золотой фонд. Во всех своих работах Борисов неведомым образом укрупнял характеры персонажей, в которых его интересовала — и он это демонстрировал — их напряженная внутренняя жизнь, и мастерски избегал усредненности и шаблонов. Талант, постоянно поддерживаемый невероятным каждодневным кропотливым творческим трудом, беспощадной требовательностью к себе, — это об Олеге Борисове, знавшем свое предназначение и долгие годы боровшемся с тяжелой болезнью. Борисов был человеком ярким, неудобным, резким, но в то же время невероятно ранимым, нежным, тонким, обладавшим совершенно уникальными, безграничными возможностями. Главными в жизни Олега Ивановича, пережившего голод, тяготы военного времени, студенческую нищету, предательства, были работа и семья. Об Олеге Борисове рассказывает журналист, постоянный автор серии «ЖЗЛ» Александр Горбунов.

А. П. Житнухин
ФЕДОР ЛОГИНОВ

Их имена вошли в историю. Многие из тех, кто создавал экономическую мощь Советского государства, унаследованную Российской Федерацией и странами ближнего зарубежья, имели сложные судьбы и непростые характеры. К плеяде крупнейших хозяйственных руководителей-созидателей принадлежит и выдающийся строитель гидроэлектростанций Федор Логинов. Участник строительства Днепрогэса и изыскательских работ на Угличской и Рыбинской гидроэлектростанциях, начальник строительства чирчикских электростанций и послевоенного

восстановления Днепровской ГЭС, первый руководитель строительства Сталинградской ГЭС и основатель города Волжский, министр строительства электростанций СССР... И это — лишь вехи его биографии, в которой отражены трудные, порой противоречивые этапы становления и развития страны. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Н. С. Беглова

ИЗАБЕЛЛА ЭБЕРГАРДТ

Изабелла Эбергардт (1877–1904) — путешественница, журналистка, писательница. Российская подданная, она никогда не была в России; родилась и выросла в Женеве — и не любила ее всю жизнь. Она шокировала современников мужской одеждой, независимостью, любовными связями и, наконец, обращением в ислам и жизнью среди кочевников в пустыне Сахара. Ее судьба столь необычна, что представляется удивительным романом, написанным чрезвычайно талантливым писателем, — причем писателем была она сама, творившая свою жизнь так же, как другие создают произведения искусства. Та, которую называли «казакон на сахарских просторах», «кочевницей, русской душой», продолжает поражать воображение и после своей трагической гибели.

К. П. Ковалев-Случевский

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Одним из самых известных в мире святых является Николай Чудотворец, епископ Мир Ликийских. Он считается покровителем моряков и бездомных, тюремных узников и детей. В чудеса его верят жители почти всей планеты. На Руси его называли «Русский Бог», знали, что молитва ему спасает от бед. Когда-то его мощи лежали в городе Миры (ныне Турция), а в XI веке были перевезены в итальянский город Бари, куда ныне устремляются миллионы паломников, чтобы поклониться святителю и взять с собой частицу благоухающего чудесного миро. Все дети мира зовут его Санта Клаус, он приносит подарки на Новый год. Книга известного писателя, историка Константина Ковалева-Случевского — собрание уникальных сведений о святителе Николае, его духовном подвижничестве. Полное жизнеописание привлекает живым литературным языком и научно-историческим содержанием. Издание предназначено для всех, кто интересуется подлинной историей мировой цивилизации и жизнью и подвигами великого святого.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Сергеева-Клятис «ЗАЛОЖНИКИ ЛЮБВИ»

В. Цицанкин «ВАЛЕРИЙ ХАЛИЛОВ»

А. Куланов «ЗОРГЕ»

А. Житнухин «ФЕДОР ЛОГИНОВ»

Н. Петрова «НАХИМОВ»

А. Карпов «ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»

Н. Беглова «ИЗАБЕЛЛА ЭБЕРГАРТ»

А. Бондаренко «ВОЕННЫЕ КОНТРАРАЗВЕДЧИКИ»

А. Панцов «ЧАН КАЙШИ»

Н. Бодрихин «НИКОЛАЙ ДОЛЛЕЖАЛЬ»

К. Ковалев-Случевский «НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ»

А. Горбунов «ОЛЕГ БОРИСОВ»

---

notes

Примечания

Здесь и далее цитаты из романа Брэма Стокера «Дракула» приведены в переводе Т. Н. Красавченко (*Стокер Б. Дракула. М., 2005*). — *Прим. авт.*

Pius II. The Commentaries. V. 3. Northampton (MA), 1957. P. 544.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula*. Boston, 2017. P. 15–16.

Цит. по: *Andreescu S. Vlad the Impaler: Dracula. Bucuresti, 1999. P. 16–17.*

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 11.*

Михаил Дука (ок. 1395 — после 1462) служил секретарем у генуэзских правителей Лесбоса. После захвата острова турками бежал в Венецию, где написал «Византийскую историю», описывающую события 1434–1462 годов.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 24.*

Цит. по: *Cazacu M. Dracula*. P. 25.

Ibid. P. 216–217.

Болован И., Поп И. История Румынии. М., 2005. С. 127.

Doukas. Decline and Fall of Byzantium. Detroit, 1975. P. 174.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula*. P. 29–30.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 33.*

Лаоник Халкокондил или Халкондил (ок. 1423 — после 1470) родился в знатной греческой семье, чье наследственное прозвище означает «Медный кулак». Служил при дворе последнего императора Константина Палеолога. После падения Константинополя, вероятно, поступил на османскую службу. Умер на Крите. Его главное сочинение «Исторические рассказы» охватывает период с 1298 по 1463 год, особенно подробно освещая османское завоевание Византии и балканских стран.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 2 / Tr. A. Kaldellis. Cambridge (Mass.), 2014. P. 367. Здесь и далее сочинение Лаоника Халкокондила цитируется по этому изданию.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 36.*

Цит. по: *Imber C. Crusade of Varna. P. 117–118.*

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 41–42.*

Жан де Ваврен (1398–1474), бургундский феодал, сеньор Ле Форестье. Воевал в Столетней войне на стороне сначала французов, затем англичан. В старости жил в Англии, где написал шеститомное сочинение «Итог хроник и старинных историй Великой Британии». Там описывается история Англии и других стран с 688 по 1471 год, но ценность имеет только рассказ о событиях 1444–1471 годов, в которых автор лично участвовал.

Imber C. Crusade of Varna. P. 122. Цитируется сетевой перевод
Е. Климовича: [http://www.vostlit.info/Texts/nisl7/Jean_de_Wavrin/
text3.phtml?id= 13834](http://www.vostlit.info/Texts/nisl7/Jean_de_Wavrin/text3.phtml?id=13834)

*Bonfini*A. Historia Pannonica sive Hungaricarum Rerum decades IV. Coloniae Agrippinae, 1690. P. 385.

Cronici Turcesti privind Tarile Romane. V. 1. Bucuresti, 1966. P. 98.

Цит. по: *Szazaci M. Dracula. P. 67.*

Цит. по: *Treptow K. Dracula. Portland, 2000. P. 179–180.*

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 72–73.*

Doukas M. Decline and Fall of Byzantium. P. 186.

Здесь и далее поэма цитируется в переводе В. Микушевича (*Стокер Б. Дракула. М., 2005*). В оригинале поэт называет своего героя *Trakle Waida* — искаженное румынское «Дракула Водэ».

Федор Васильевич Курицын (около 1450 — после 1500) был потомком боярского рода, занимал важные посты в Посольском приказе. В 1482–1485 годах возглавлял посольство к королю Венгрии и князю Молдавии. По мнению ряда ученых, участвовал в составлении Судебника 1497 года. Поддерживал, как и его брат Иван Волк, в борьбе за власть партию снохи Ивана III Елены Волошанки и ее сына Дмитрия; после их поражения был казнен или отправлен в ссылку.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 7. Тула, 1990. С. 140.

Повесть о Дракуле / Иссл. и подг. текстов Я. С. Лурье. М.-Л., 1964. С. 76.

Антонио Бонфини (1427–1502) родился в городе Асколи-Пиче-но, получил образование в Риме, был секретарем кардинала Риарио. В 1485 году прибыл в Венгрию, где стал официальным историографом короля Матьяша Корвина. Свое главное сочинение — «Паннон-ская история, или Декады о венгерских делах» (*Historia Pannonica: Sive Hungaricarum Rerum Decades IV*) — Бонфини написал на латыни в конце XV века, но издано оно было только в 1581 году во Франкфурте-на-Майне.

Константин Михайлович из Островицы родился около 1430 года в Сербии, подростком был взят в турецкую армию, принимал участие во взятии Константинополя, осаде Белграда, походах в Валахию и Боснию. В 1463 году сдал венграм боснийскую крепость Звечай, позже жил в Польше, где и написал «Записки янычара» (оригинальное название — «Хроники о турецких делах»), сохранившиеся в польском переводе и впервые изданные в 1828 году. Далее «Записки» цитируются по переводу А. И. Рогова (Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. М., 1978).

Собранные П. Испиреску предания переведены на русский И. Фихманом и опубликованы в приложении к изданию «Повести о Дракуле» 1964 года.

Цит. по: *Treptow K. Dracula*. P. 180–181.

Cronici turcesti. P. 67.

Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976. С. 50.

Florescu R., McNally R. In Search of Dracula. Greenwich (CT), 1972. P. 86.

Повесть о Дракуле. С. 195.

Istoria Țării Românești 1290–1690. Letopisul Cantacuzinesc. București, 1960. P. 4–5.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 314.*

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе / Пер. О. В. Творогова. В кн.: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 558.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 313.*

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 312.*

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 283.*

Сказание о Дракуле-воеводе. С. 559.

Там же. С. 560.

Сказание о Дракуле-воеводе. С. 561.

Там же. С. 559.

Цит. по: *Стокер Б. Дракула*. С. 540–541.

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 563.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 312.*

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 558.

Турсун-бег родился около 1420 года в семье помещика-тимариота. Как секретарь султанского дивана, участвовал в осаде Константинополя и, возможно, в походе на Валахию, многие события описывал со слов очевидцев. Его сочинение «История Завоевателя» (*Tarih-i Ebülfeth*) написано в 1480-е годы после смерти Мехмеда II.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 315.*

Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenburgen / Ed. G. Gundisch. Bd. 5. Bucharest, 1975. P. 367.

Цит. по: *Treptow K. Dracula. P. 101.*

Цит. по: *Treptow K. Dracula. P. 124.*

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 369.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula*. Р. 111–112. Возможно, на самом деле письмо написано позже и относится к событиям 1462 года, к которым подходит гораздо больше.

Цит. по: *Treptow K. Dracula*. P. 104–105.

Цит. по: *Treptow K. Dracula. P. 189.*

Цит. по: *Treptow K. Dracula. P. 111.*

Садовяну М. Жизнь Штефана Великого. Бухарест, 1957. С. 157.

Tratatele international ale Romaniei. 1354–1920. Bucuresti, 1975. P. 49–50.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 126.*

Ibid. P. 311.

Ibid. P. 313.

Цит. по: *Treptow K. Dracula. P. 115.*

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 556–557.

Повесть о Дракуле. С. 196.

Там же. С. 196–197.

Cronici turcesti. P. 67.

Vlad Tepes si naratiunile. P. 76–77.

Cronici turcesti. P. 93.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 371.

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 557.

Константин из Островицы. Записки янычара. С. 86.

Cronici turcesti. P. 95.

Цит. по: *Treptow K. Dracula*. P. 124–125.

Цит. по: *Treptow K. Dracula*. P. 124–125.

Ibid. P. 219–220.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 375.

Cronici turcesti. P. 121.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 379.

Ibid. P. 381.

Записки янычара. С. 86–87.

Там же. С. 87.

Цит. по: *Treptow K. Dracula. P. 192.*

Pius II. The Commentaries. P. 735.

Ibidem.

Laonikos Chalkokondyles. P. 385–389.

Михаил Критовул (ок. 1410–1469) принадлежал к знатному византийскому роду. После падения Константинополя стал наместником султана на своем родном острове Имброс. Автор «Исторического сочинения» о событиях 1451–1467 годов, написанного в духе панегирика султану Мехмеду II.

Kritovoulos. History of Mehmed the Conqueror. Princeton, 1954. p. 143–144.

Cronici turcesti. P. 72–73.

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 562.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 391.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 391–393.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 379–381.

Bogdan I. Vlad Tepes si naratiunile germane si rusesti asupra lui. Bucuresti, 1896. P. 26–27.

Цит. по: *Treptow K. Dracula. P. 138.*

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 395–397.

Cronici turcesti. P. 70–71.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 397.

Ibidem.

Florescu R., McNally R. Dracula. P. 150.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories. V. 1. P. 399.

Цит. по: *Treptow K. Dracula. P. 147.*

Hugo V. La Legende des Siecles. V. 1. Paris, 1924. P. 344–345.

Pius II. The Commentaries. V. 3. Northampton (MA), 1957. P. 739.

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 564.

Cronici turcesti. P. 73.

Bonfni A. Historia Pannomca. P. 469.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 316.*

Цит. по: *Florescu R., McNally R. Dracula: Prince of Many Faces. P. 126.*

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 563.

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 563.

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 563.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 177.*

Цит. по: *Florescu R., McNally R. Dracula. P. 172.*

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 180.*

Цит. по: Сказание о Дракуле-воеводе. С. 564.

Одобенку А. Избранное. М., 1984. С. 208.

Florescu R., McNally R. Dracula. P. 180.

Цит. по: *Стокер Б. Дракула*. С. 545–546.

Там же. С. 545.

Cazacu M. Dracula. P. 249.

Кальме О. Трактаг о явлениях ангелов, демонов и духов. М., 2013 (электронное издание). С. 319–320 (перевод С. Шаргородского).

Возможно, искаженное «арнаут (албанец) Павел».

Кальме О. Трактаг о явлениях ангелов, демонов и духов. С. 327–328.

Цит. по: *Мариньи Ж.* Дракула и вампиры. М., 2002. С. 110–111.

Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 332, 340.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 280.*

Ibid. P. 281.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 286–287.*

Цит. по: *Cazacu M. Dracula*. P. 292–293.

Цит. по альманаху «Атеней» (1828. Ч. 6. С. 382–383).

Wilkinson W. An Account of the Principalities of Wallachia and Moldavia.
L., 1820. P. 19.

Gerard E. Land Beyond the Forest. V. 1. N.Y., 1888. P. 321–322.

Gerard E. The Land beyond the Forest. V. 2. P. 5–6.

Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Т. 1. М., 2007. С. 264.

<https://www.hse.ru/news/communication/139224365.html>

Цит. по: *Стокер Б. Дракула*. С. 552.

Bram Stoker's *Dracula*: The Original Typed Manuscript. N.Y., 2002. P. 6–7.

Цит. по: *Cazacu M. Dracula. P. 268.*

Письма А. А. Блока к Е. П. Иванову. М., 1936. С. 66.

Перевод И. Миримского (*Эминеску М. Стихи. М., 1958*).

Bogdan I. Vlad Țepeș și narațiunile germane și rusești asupra lui. București, 1896. P. XVIII.

Iorga N. Istoria romanilor. V. IV. București, 1937. P. 246.

Stoicescu N. Vlad Tepes. Bucuresti, 1976. P. 129.

Cazacu M. Dracula. P. X.